

«Государыне нашей, Княгине Тьмы, благоугодно было в 1-й день сего месяца Высочайше ратифицировать выработанный в Кантерлоте план действий супротив Грифоньих Королевств, дерзновенно поднявших премерзкую лапу на нашу цветущую страну. Повинуясь воле сестры Своей, Государыня остается в столице, дабы одним лишь видом Своим, заставляющим трепетать сердца Ее подданных в сладостном порыве благодарности, а глаза - изливать потоки умильных слез, вдохновлять резервистов, отправляющихся на защиту нашей родины».

«Новости Холлоу Шейдс. Закатного Солнца, 12, 1095 г. О.О.Э.».

«И видел я в копыте у Сидящего на Престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И никто не мог ни на небе, ни на земле, ни под землей, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее. И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее. Но взглянул я - и вот, посреди престола и четырех животных, и посреди старцев, стоял агнец готовый к закланию, имеющий отверзнутые крыла и вид изумленный, блестя железною шкурой своей.

И возрадовался я, ибо сбылось предначертанное».

Правоверный Апшан Сехах, Победитель Звездного Зверя.

«Что это значит, Первая Мать?».

Порыв ветра пронесся за стенами дома, раскачивая светильники и глухо воя между дощечками, которыми были забраны окна. Нехорошо усмехнувшись, грифон принял меч, на пробу взмахнув перед собой, словно видел или пользовался им впервые. Его круглые глаза влажно блестели в колышущемся полумраке. Старая кобыла, прижимая уши, пригнулась, услышав посвист воздуха, рассекаемого грифоньим мечом. Скрывавшаяся до времени за столбами толпа придвинулась ближе.

- «Что это значит?» - все так же негромко осведомился серый земнопони. Оставшись на месте, он поднял заднюю ногу, и ловким ударом копыта по кончику ножен перебросил их ближе к правой щеке. Первая Мать не ответила, сверкнув глазами из своего кресла, в то время как за окном послышались первые удары, и торжествующие вопли грифонов.

И комната пришла в движение.

- «БЕЙ!» - рыкнула я, поднимая правую ногу, щелкнувший понож исторг из себя молочно-белые клинки, уставившиеся в сторону помоста – «Тройками! Дави!».

Заклекотав, Корк поднялся в воздух, явно намереваясь спикировать на меня, словно гордый, когтящий добычу орел. Увидев мое движение, стоявший неподалеку земнопони рывком выхватил из ножен длинный, полуторный меч, и мотнув головой, ловким ударом отбил мой взмах, которым, прыгнув вперед, я попыталась достать Лохматого – так про себя я окрестила обряженного в шкуры «шамана». Не знаю, насколько добрым предкам он поклонялся, таская на себе такой наряд, но среди них явно были не только смелые, но и умные, и вняв их нашептываниям, рожденным столкнувшейся возле его носа сталью, старикан довольно резво ускакал куда-то в толпу, першую на нас из темноты. Сталь звякнула по стали, и мою ногу швырнуло назад, заставив изогнуться от боли в плече – похоже, этот мечник собирался защищать Первую Мать, хотя его вопрос выдавал искреннее недоумение, охватившее жеребца при виде грифонов. Сместившись чуть в сторону, я взывала от злости, увидев поднимающуюся с кресла кобылу, и подхватив первое, что попало мне под ногу, швырнула его вперед, вновь получив по щитку поножа быстрым, как рыбка, мечом. Увы, «чем-то» оказалась простая, низенькая табуретка, лишенная ножек и острых углов, однако удар ее заставил старуху упасть обратно в кресло, переворачивая его на усыпанный подушками помост. Испустив свирепый, радостный клич, я рванулась вперед, вплотную сходясь с земнопони, ловко орудовавшим своими мечом – я знала, что услышав приказ, пегасы за моей спиной рванулись вперед и в стороны, разбиваясь на привычные им тройки, и стремясь оказаться поближе к врагу. Главное – не дать себя окружить! Главное – не дать этим мрачным лесовикам использовать короткие копья с костяными и железными наконечниками! Судя по грохоту и крикам у меня за спиной, ребята мгновенно поняли то же, что и я, и теперь бодро бодались с предателями, щедро раздавая удары тесаками и шипастыми подковами, пока я, хрипя и рыча, насккивала на серого жеребца, отбиваясь от вьющегося вокруг грифона.

«Они посмели бросить Нам вызов?! Смерть! Смерть безумцам!».

Бой пони отличается от боя «человеков», Твайлайт. Если люди бились, предпочитая находиться нос к носу с врагом, пони гораздо меньше ограничены в этом плане, и в отличие от своих создателей, опасны как спереди, так и сзади. Они... Мы лягаемся, встаем на дыбы, лупя друг друга передними и задними ногами, и резкими рывками головы вонзаем зажатые в зубах мечи в оказавшегося рядом противника. Прыжок, удар с потягом по доспехам, от которого трещит и разъезжается стеганка на боку земнопони, и резкий взбрык, от которого с трудом уворачивается грифина. Кружащаяся возле нас птицекошка в последний момент избегает просвистевших рядом копыт, в то время как мне приходится шарахнуться в сторону, тычком прижимаясь к боку жеребца, и тем избегая удара его меча, с силой ударившего меня по прикрытой сталью хребтине.

«Сверху! Прыжок! На грудь! Рви птицу!».

Отдавшись ярости, я послушно прыгаю вперед и вверх, не слишком высоко взлетая в воздух – мешают тяжелые, похожие на земнопоньские доспехи – и нос к носу сталкиваюсь с пикирующим на меня грифоном. Его меч выписывает замысловатые восьмерки, похожие на терции – защиты фехтовальщиков на тяжелых мечах - и находит мое плечо, с грохотом врезаясь в прогнувшуюся под ударом пластину лорики. Сегментарный доспех не подвел, пластина выдерживает, а кольчуга с поддоспешником гасят удар, отдавшийся сотрясением во всем теле. Клинки взблескивают, но грифон успевает уйти в сторону, помогая себе крыльями, и вскрикивая, падает на пол. Из надрубленного крыла обильно хлещет кровь, заставляя меня взреветь от бешеной радости, соленым вкусом победы пламенеющей на моих губах. Кто-то вскрикивает – это грифина бросается ко мне, и наносит несколько сильных, но беспорядочных ударов по моему крупу, заставляя присесть от неожиданности на задние ноги. Но время потеряно – я уже вижу впереди перевернутое кресло, и выбирающуюся из-под него старую кобылу, которой помогает не менее старый герольд, и именно их назначаю себе следующей целью. Добычей. Искупительной жертвой.

«Их головы украсят сей зал!».

Увы, желанию не суждено было сбыться – я едва успела закончить прыжок, приближаясь к барахтающейся на полу цели, как что-то тяжелое бросило меня на пол, врезавшись в мой бок. Отлетев, я заорала от бешенства, увидев приземлившегося неподалеку земнопони, выполнившего головокружительный кульбит – оказавшись поблизости от Первой Матери, он тотчас же прикрыл ее своим телом, и обрушил на меня несколько сильных ударов, заставив откатиться в сторону. Жеребец старался держаться ко мне левым боком, прикрываясь остатками взрезанного доспеха, болтавшегося на его спине, да длинными, черненными ножами, поблескивающими серебряной филигранью. Несмотря на некоторую скованность движений, он был все еще очень опасен, а зажатый в его зубах меч недобро поблескивал волнистым узором, следя за каждым моим движением. Заорав от бешенства, я поднялась на ноги, свирепо морщась от боли, причиняемой вонзавшимися в тело ремешками, на которых были закреплены фунты и унции стали, прикрывавшие мою плоть, и решила продолжить наскоки на зловедную старуху, вместе со старым герольдом, живо уковылявших за спину своего молодого дружка, но судьбе было не суждено проверить на крепость ни Лунные Когти, ни безымянный еще меч оказавшегося слишком шустрым вояки, уже разогнувшего шею в

странной, не виданной мной еще стойке. Удар, который я пропустила, сосредоточившись на стоявшем передо мной земнопони, отшвырнул меня прочь, словно котенка, а попавшиеся на дороге тела каких-то угрюмых бородачей и могучего вида кобыл, вооруженных короткими вилами с треугольным зубным хватом, разлетелись, словно кегли, когда по ним прокатился верещащий от злобы и неожиданности шар стали, заполошно размахивавший здоровенными крыльями. Пол и потолок несколько раз поменялись своими местами, прежде чем мне удалось сползти с ворошившейся подо мной кучей стонущих тел, и утвердиться на нетвердо еще стоящих ногах. Тотчас же стало больно дышать – одервеневший от удара бок начал наливаться тягучей, горячей болью, а вогнувшиеся пластины лорики принялись жалобно скрипеть при каждом движении, изогнувшись, словно раздавленные ужи. Подкраившийся ко мне грифон выглядел не лучше – его глаза лихорадочно блестели, желтое надклювье побелело, а из волочившегося за ним надрубленного крыла летели тонкие струйки крови, орошавшие уже порядком истоптанный пол. Судя по силе удара, который нанес Корк, мне здорово повезло, что он недооценил ни толщину моего доспеха, ни искусство сталлионградских мастеров, при первом же знакомстве с нашим снаряжением обфыркавших изделия мейнхеттенских «кустарей», и по моей спине пробежала короткая, испуганная дрожь, рожденная мыслью о том, чем бы закончилось для меня знакомство с его оружием, не будь он обессилен столь быстрым и массивным кровотечением. Безымянная грифина вновь подскочила к своему патрону, с помощью бестолковых тычков испачканной в крови подушки пытаясь помочь одоспешенному риттеру, но тот лишь отмахнулся, не удержавшись при этом, и обессиленно опустившись на пол.

«Добей! Возьми его голову! Рази без сомнений и сожалений!».

- «Пафос! Всем бы вам только и играть в моей голове!» - с ненавистью процедила я, прыжком бросаясь вперед. Бок окатило горячим воздухом, проникшим даже под перья крыла – это стоявший неподалеку обладатель коллекции черепов вдруг напрягся, и схватив со стола каганец, выдохнул в мою сторону широкую струю огня, сбившую мой шаг. Бросившись на пол, я откатилась подальше от лохматого факира, заорав что-то неприличное в его адрес, и вновь попыталась достать обессилившую от раны тварь. Свирепо заклекотав, грифина оставила копошившегося на полу риттера, и подхватив его меч, поднялась в воздух, бестолково размахивая грозно блестящим железом, зачем-то ухватив обеими лапами короткую рукоять. Не слишком длинный, он был бы удивительно хорош в паре со щитом на поле боя, но и в дуэли он явно мог бы проявить себя во всей красе. Отведя в сторону сильную, но почему-то крайне неумелую атаку, я слегка посторонилась, и позволила набравшей скорость грифине пролететь мимо меня, изо всех сил долбанув ее по затылку тыльной поверхностью поножа. Курылкнув, та врезалась в одну из многочисленных балок, напоровшись на собственный меч, и лишь превосходная грифонья кираса спасла юную птицекошку от ритуального вспарывания живота. Удивившись, я недоуменно хрюкнула, ощущая, как понемногу уходит, ослабевая, стучавшая в голову ненависть, а алая пелена спадает с глаз. В уши вновь ворвался шум кипевшего вокруг боя – впрочем, быстро ослабевавшего, и обернувшись, я с удивлением увидела большую, голов в триста, толпу, сгрудившуюся в дальнем углу огромного дома. Побросавшие копья и вилы, лохматые охотники за наживой лежали едва ли не вповалку

на деревянном полу, прикрывая головы и спины дерюжными своими одеждами, а порхавшие вокруг пегасы свирепо орали что-то на тех, кто скрываясь в толпе, поглядывал еще на разбросанное вокруг разномастное охотничье оружие. Периодически, тут и там слышался глухой стук и лязг стальных накопытников или просто копыт, соприкасавшихся с выступающими частями тела тех, кто не понял первого окрика, или решил, что он предназначался не им, а суетившиеся возле двери легионеры, похватав заботливо принесенные с собой местными топоры, надсаживаясь, рубили огромное бревно, заботливо положенное кем-то в петли засова на широких дверях.

«Нихрена себе! Мы что же, их того... Всех? Вот так просто?».

«Не отвлекайся! Размажь их! Раздави! Заставь страдать, как страдали Мы при виде их гнусных рож, поднявших на Нас свою святотатственную ногу!».

«Заткнись!» - сморщившись, я стукнула себя по голове, громыхнув накопытником Когтей по шлему. Грифина, отлепившаяся от резного столба, наконец-то подобрала меч, и с воинственным визгом вновь рванулась вверх и вперед, однако, тотчас же нырнула вниз, спасаясь от мелкой, трещащей крыльями тени, спикировавшей на нее с потолка. Сердито вопя что-то ругательное, Кабанидзе вцепился когтями в макушку орлиной головы, и жужжа, словно перегруженный вертолет, попытался было унести прочь законную добычу, проехавшуюся на пузе по полу до самых моих ног, но не преуспел, и злобно вереща, принялся охаживать распластавшуюся под ним жертву ударами крепкого совиного клюва, стараясь посильнее ударить ее по лбу. Рыкнув, я отбила в сторону крючковатую лапу, уже занесшую было над трудившимся сычишкой карающий меч, и прижав ногой к полу заскрипевшую сталью перчатку, изо всех сил долбанула копытом свободной ноги по затылку грифины.

- «Нет!» - слабеющий крик разорвал царивший в доме шум. Обернувшись, я недоуменно уставилась на Корка – в конец ослабевший грифон приподнялся, и протянул в мою сторону лапу, с гордым, но в то же время жалобным видом пытаюсь дотянуться до лежащего на полу тела помощницы – «Не убивай! Возьми меня вместо нее!».

- «Ась?» - стучавшее сердце все еще не хотело уюмониться, гудевшее от напряжения тело еще умоляло пуститься вскачь, ворваться в жаркую схватку, но дыхание уже успокаивалось, а ребра вновь напомнили мне о пропущенном по собственной глупости ударе. Опустив глаза, я увидела, что стою, опираясь выпущенными клинками Когтей об пол, и молочно-белые лезвия, все так же сияющие первозданной белизной, глубоко вонзились в пол в опасной близости от шеи грифины.

- «Не убивай! Я знаю, что ты... Мясник! Возьми меня вместо нее!» - не унимался грифон. Позади меня стук топоров становился все тише, а на смену ему приходил грохот ломаемых ворот, скрипевших каждой своею доской. Большая часть пегасов вновь принялась строиться возле трещащих и гнущихся створок, в то время как Рэйн носился вперед и назад по залу, собирая разбросанные копы, годившиеся хотя бы на один бросок. Он старательно огибал сгрудившихся возле помоста земнопони, и одобрительно крикнул, увидев поверженных на пол врагов, одного из которых я гордо попирала своим копытом. Загорвав, я отдернула клинки, и принялась выцарапывать из торчавших на голове грифины перьев Кабанидзе, никак не желавшего расставаться с законной добычей. Наконец, уюмонившись, он соизволил присесть на мое отставленное крыло, и мрачно

установился на лежавшего неподалеку грифона, терзая в клюве большое, белое перо с загнутым кончиком, кокетливо выкрашенным в фиолетовый цвет. Нет, я не считала себя в этот момент образцом гуманизма, и быть может... Да нет, запал прошел, и мне стало очень неудобно от ощущения, что окрыленная злобой и гневом, я могла бы убить эту молодую дуру, явно не знавшую, как вообще держаться за меч. Интересно, и зачем только этот помощник ле Крайма приволок ее в эти леса? Неужели лишь для того, чтобы приобщить ее к героическому делу пленения «Мясника Дарккроушаттена»?

«Вспомни, что ты видела! Вспомни, как они учили молодежь! Рабы и грабежи - это все, что есть у них на уме! Возьми ее жизнь! Возьми ее голову, и отошли этому надутому петуху в коробочке с синенькой лентой! Услышь его вой!».

- «Заткнись!» - уже не скрываясь, рывкнула я. Не обращая внимания на вытаращенные глаза земнопони, стоявших вокруг помоста, я изо всех сил грохнула себя по голове, вонзая шипованную подкову в жалобно заскрипевший шлем, и пинками покатила перед собой грохочущее кирасой и латными перчатками тело, пока не остановилась рядом с лежавшим грифоном – «Ты! Зачем ты вообще тут, а? Зачем приволок ее с собой? Почему я вообще должна вас жалеть? Уж вы-то меня вряд ли бы помиловали! Ведь так, Корт? Или как там тебя зовут?».

- «Меня зовут Корт де Финт, из рода Финта Одноглазого!» - ослабевший грифон попытался принять как можно более гордый вид, но смог лишь присесть, зажимая латной перчаткой уже не кровоточащую рану. Даже без струек крови, выглядела она довольно паршиво – лезвия буквально взрезали перья и кожу, остановившись возле кости, и пернатому несказанно повезло, что инерция пронесла его мимо, не дав белоснежным клинкам разрубить надкостницу или кость – «За меня дадут богатый выкуп, Мясник! И за нее! Жизнь, жизнь!».

- «Что «жизнь»? Это клич такой, или какое-то правило?» - не поняла я. Грохот ломаемых дверей становился все громче, и на его фоне почти потерялись выкрики Рэйна, собравшего своих бойцов, и готовившего их идти напролом – «Говори быстрее, грифон, если тебе есть, что сказать. Пришел ко мне за шерстью – так не скули, что останешься стриженным! Как только сломают эти двери...».

- «Жизнь!» - вновь каркнул Корт. Опустивший свой меч земнопони вновь вскинул оружие, внимательно глядя на мою закованную в доспехи фигурку, подошедшую вплотную к грифону – «Это кодекс рыцарей, ты не можешь его не знать! Его все знают! Я сдаюсь, и вверяю тебе свою жизнь, и жизнь своего оруженосца. Обязуюсь... Обязуюсь не бежать, пока не заплачу за себя достойный выкуп».

- «Правда?» - ворота в конце зала заскрипели. Рэйн рывкнул какую-то команду – похоже, оттягивал свою полусотню назад, приготовив ее к молниеносному броску в открывавшиеся створки – «Корт, Корт... Мне нужен не только ты, и твоя юная любительница наживы. Мне нужны все, кто был к этому причастен, ты понял? Все!».

- «Борись с ней!» - проскрипела из-за спин окруживших ее слуг Первая Мать – «Слышишь?».

Белогривый внимательно глядел на меня, а зажатый в его зубах меч не дрожал, хотя я устала бы держать эту полуторную оглоблю, наверное, всего через пару минут. Кончик меча его задумчиво покачивался, описывая правильные восьмерки, а вся расслабленная

поза, казалось, говорила о том, что драться он не намерен. Но я не собиралась покупать на столь дешевую подначку.

- «Вызови ее, Равикс! Защити нас!» - не унималась старая земнопони. Грохот за моей спиной сменился протяжным треском и грохотом – это надрубленное бревно, не выдержав, разломилось, осыпав гулко стучавшими щепками пол – «Сейчас самое время! Реши уже, за кого ты, Равикс! Для чего я вообще тебя сюда позвала?!».

Не слушая ее, земнопони принял какое-то решение, и медленно, не отводя глаз от моей напряженной фигуры, повернул голову, и спрятал меч в ножны. Недоуменно всхрипнув, я еще пару мгновений следила за тем, как он повернулся к лохматому, отрицательно помотав головой, немного расслабилась, и убрала ногу со спины лежавшей грифины, после чего отошла в сторону, повернувшись к открывшимся дверям. Нападут ли на меня эти странные аборигены, или решат продолжить свой негромкий, но жаркий спор, в который они погрузились после странной выходки их бойца – я не знала, но в тот момент меня больше волновали огромные двери, со скрипом открывавшиеся внутрь огромного дома.

- «Готовься!» - проорала я. Не чуя под собою ног, я взлетела, словно белка, по лестнице на опоясывающий зал балкон, и со всех ног рванулась вперед, мечтая оказаться над входом раньше, чем в него вломятся закованные в латы грифоньи риттеры, посланные по нашей душе – «Пилумы к бою!».

Однако ни героизм, ни самоотверженность, с которыми мы собирались встретить врага, нам негодились. В ответ на короткие, лающие команды Рэйна и его деканов, из подсвеченной факелами темноты до нас донеслись точно такие же выкрики одоспешенных, крылатых легионеров, ворвавшихся в дом позади какой-то повозки, нагруженной чем-то тяжелым – похоже, именно ее они использовали как таран. Защитники общинного зала едва успели увернуться от набравшего скорость снаряда, и лишь по счастливой случайности никто из толкавшегося у дверей отряда не пострадал, когда лишившись одного колеса, отлетевшего вместе с треснувшей осью, повозка вильнула, и врезалась в один из поддерживающих балкон столбов. Дом содрогнулся.

- «Командир! Раг, ты тут?! Держитесь!» - хлопавшая крыльями полусотня, вместе с ледяным ветром, потушила большую часть светильников. Истерзанные поднявшейся суматохой и коротким, злым боем, они гасли один за другим, и лишь в центре зала еще оставалось освещенное место, в котором сгрудилась кучка земнопони озирающаяся по сторонам. Белогривый был внешне спокоен, хотя и выдавал себя подергивавшимся ухом, а вот его товарищи были испуганны не на шутку. Лохматый «шаман» торопливо озирался, что-то шепча и старательно шаря копытом под своими вонючими шкурами, в то время как престарелый герольд и сбежавшиеся на шум слуги окружили сидевшую на подушках старуху. Подлетевшая Лиф едва не бросилась ко мне с объятьями, и лишь подчеркнуто холодное покашливание стоявшей неподалеку Нэтл заставило ее смутиться, и замедлившая шаг пегаска дотопала до меня уже строевым шагом, однако ее зазорно блестящие глаза заставили меня поежиться – похоже, спать этой ночью мне предстояло вполглаза.

- «Снаружи тоже?» - не размениваясь на долгие речи, осведомилась я, увидев на морде и ногах своих подчиненных свежие порезы, наскоро перетянутые тряпками и плащами. Отдувавшийся Колт лишь кивнул – «Потери?».

- «Тяжелых нет – в основном неглубокие раны. У противника – где-то двадцать легко раненных, трое тяжелых, и еще десяток того... Не поможешь им уже, в общем» - вздохнул синий жеребец, обводя взглядом разрушенное помещение. Толпа за нашими спинами, собранная легионерами в углу, качнулась было к выходу, но горячие, только что вышедшие из схватки пегасы не собирались церемониться с какими-то там «дикарями», и после серии болезненных, но безобидных ударов древками копий по головам, местные оставили эту затею, вновь вжавшись в угол.

- «Думаешь, я буду по этому поводу грустить?» - буркнула я, иронично глядя на Колта, вновь вздохнувшего, и все время отводящего куда-то глаза. И вот почему меня нужно считать свирепой сумасшедшей лишь потому, что я не хочу, чтобы меня захватывали, насиловали и убивали? Не дождавшись ответа, я хмыкнула, и тяжело грохоча копытами, направилась в освещенный круг, где собрались особо одаренные жители этих земель, решившие поиграть в заговоры и «выбрать политический курс, объективно соответствующий текущему моменту». Увидев меня, серый пони насторожился, и вновь потянулся к мечу, но теперь ему противостояла почти полусотня легионеров, трое из которых тотчас же выхватили тесаки, приготовив к бою небольшие пегасы skutумы, удобно устроившиеся на ременных петлях у левой передней ноги.

- «Не заставляй меня жалеть о решении, принятом несколько минут назад» - попросил он, уже знакомым мне жестом перебрасывая ножны поближе к правому плечу. При этом движении державшаяся на честном слове стеганка окончательно разошлась, и скривившемуся жеребцу пришлось сбросить с себя ставший бесполезным доспех.

- «Ты знал об этом?» - потребовала я ответа у сердито трясущего передней ногой земнопони – «Нет? Тогда зачем ты влезаешь в это дело? Или ты тоже, как и эти вот идиоты, считаешь нормальным скрутить и отдать грифонам абсолютно незнакомую тебе кобылу? Тогда это становится крайне интересным...».

- «Ага. Мы тут за них жизни класть пришли, а они, оказывается, с грифонами обнимаются!» - рубанул с плеча Рэйн, вися где-то позади меня. Насколько я помнила, он был одним из тех, кто считал мохноногих лошадок бесполезными и тупыми приложениями к политическим дрызгам, вновь разгоревшимся в Палате Общин, и не уставал демонстрировать жеребцам и кобылам из Шестой Отдельной свое отношение, зачастую, приводившее к тихим, но оттого не менее яростным дракам в казармах – «Говорил же я, не нужно было ту старейшину к нам пускать! «Приходите, гостями будете!» - и что? «Вот вам, гости дорогие, сена тарелку, да воды стакан!». А давай тут запалим чего-нибудь, а?».

- «Рэйни, Рэйн. Ты чего такой злой, будто тебе копытом под хвост настучали?» - укорила я розового пегаса, делая вперед несколько шагов, и демонстративно не обращая внимания на вновь напрягшегося серого жеребца – «С Первыми Матерями я буду разговаривать сама, если ты не против. Хорошо?».

- «Конечно, командир» - опомнившись, откликнулся пегас, сделавший вид, будто не заметил укоризненного взгляда от стоявшей неподалеку Нэтл – «У них тут кобылы всем заправляют, так что тебе и решать. Просто знай, что многие им не доверяют!».

- «Учту».

- «Так значит, одна из Первых Матерей посещала тебя?» - с какой-то недоброй иронией осведомился стоявший у меня на пути жеребец. Судя по забегавшим глазам, он что-то быстро обдумал, а потом, широко ухмыльнувшись и пожав плечами, демонстративно медленно отошел с моего пути – «И даже приглашала в наши дома? Нууу, тогда это ваше с матерью Почард дело. Даже не подумаю препятствовать».

- «Опомнись, Равикс!» - с мукой в голосе, прошипела с подушек старуха. Несколько жеребцов, до начала драки стоявших возле ее кресла, теперь присоединились к согнанной в кучу толпе, и судя по окровавленным тряпкам, они вряд ли смогли бы прийти на помощь своей хозяйке. Пегасы не подвели, и эти ребята, первыми кинувшиеся вперед, первыми и были выведены из строя драчливыми крылатыми лошадами – «Ну какая она Первая Мать? У нее даже нет вимы! Она обманывает нас! Делай то, что должно!».

- «А зачем она мне нужна?» - покосившись на Рэйна, я стрельнула глазами в белогривого земнопони, призывая пегаса наблюдать за этим непонятным типом, и вновь двинулась вперед, без долгих раздумий отталкивая поднимавшегося мне навстречу глашатая. Старуха беспомощно огляделась, но отовсюду на нее смотрели лишь закованные в серые латы пегасы, недобро поглядывавшие на учиненный вокруг кавардак. Отбросив ногой с пути жидкие, шуршащие сеном подушки, я склонилась над сидящей земнопони – «Зачем мне эта плетеная вима, если меня тут не признают?».

- «Мы не...».

- «Вы не знали кто, рано или поздно, заглянет к вам на огонек? Даааа, охотно верю! И грифоны этого не знали, а по имени меня называли просто для того, чтобы поржать!» - вновь начиная злиться, издевательски проорала я на весь зал. Оглушенная моим криком, пожилая пони откинулась на подушки, и даже зажмурилась, когда я нависла над ней тяжело сопящим, и вполне себе осязаемым призраком возмездия за предательство. Услышав негромкое фырканье, я повернулась, и мазнула взглядом по околачивавшейся позади фигуре белогривого мечника, подарившего мне, в свою очередь, предостерегающий взгляд. Недовольно дернув хвостом, я сдержалась, и обернулась к лежащей старухе.

- «Ну, Первая Мать...» - сердито отшвырнув от себя попавшие под копыто подушки, я вновь устала на ту, что считала виновницей обрушившихся на меня бед – «Как я уже говорила, договариваться нам с тобой все-таки придется. Но теперь - уже на моих условиях!».

- «Значит, тебя зовут Равикс?».

- «Ага».

- «Угу...».

Как водится, после доброй драки, следовало обязательно промочить горло, обмыть победу и продезинфицировать раны, как снаружи, так и изнутри. Конечно же, не сразу – после произошедшего на уши поднялся весь бург, и ни о каком отдыхе, безусловно, не

могло быть и речи. Впрочем, как и о том, чтобы удержать в повиновении весь этот городок силами единственной сотни пегасов. Но нам повезло – северяне были народом решительным, и увидев сложенные штабелем грифоньи тела, мгновенно сориентировались в происходящем, и указали нам на оставшихся клювокрылых, прятавшихся в домах. Не все из них добровольно и радостно сложили оружие, и к утру, к запертым в подвале общинного дома пленникам добавилось еще несколько наспех перевязанных летунов, а поленница из тел украсилась еще парочкой трупов. Как выяснилось, местные грифонов терпеть не могли, но указа Первой Матери послушаться не посмели, поэтому мохнатые северные пони были только рады, когда герольд, трясая от возмущения бородатой головой, объявил о том, что все пернатые ублюдки должны быть выкинуты вон.

Хотя эта новость, скажем честно, обрадовала далеко не всех.

- «Равикс из Угла» - отхлебнув жидкого, почти прозрачного пива, продолжил белогривый жеребец. Пока мы трудились, зачищая городок, он с удовольствием понаблюдал за всеобщей суматохой, негромко делясь какими-то соображениями с вылезшим из-под лавки Лохматым – свое имя тот сообщить отказался, упирая на принадлежность к таинственной касте то ли Видящих, то ли Слышащих, то ли просто Пьющих Пиво Только Из Горла – и теперь, на пиру, хлестал какую-то ячменную бурду наравне с развеселой компанией пегасов, усевшихся пировать в общинном доме, куда нас наконец-то пригласили как настоящих гостей.

- «А Угол – это поселение? Или город?».

- «Повет».

- «Ааааага...» - протянула я, с отвращением уставившись на жиденькое пойло. Нет, что ни говори, а со жрачкой у местных явно были какие-то проблемы. Пиво, больше похожее на кисловатую воду, да непонятные каши с кусочками какой-то прессованной, коричневой бурды, похожей на ссохшиеся до состояния монолитного сухаря геркулесовые хлопья. Нет, запах от них исходил довольно приятный, вызывающий воспоминания о жарком летнем дне, и свежескошенном луге, однако на вкус это блюдо показалось мне чем-то, напоминающим старый ковер.

- «Зеленка» - подсказал мне сидевший напротив Рэйн – «Бурое сено. Очень древнее блюдо, Раг - его готовят только молодые жеребчики, рожденные в полнолуние, в течение тридцати дней и ночей старательно пережевывающие собранное сено. Потом его кладут на спины кобылам, и те бегают с ним по лесу, пока не вспотеют, ну а когда еда окончательно пропитается потом, и станет сухой снаружи, и чуть рыхловатой внутри...».

Я отложила резную ложку, ощутив, как мой желудок вдруг нашел что-то невыразимо привлекательное в моем пищеводе.

- «Ага. А потом они его едят, переваривают, и снова едят» - dokonчил его бред сидевший рядышком Равикс, вместе с остальными, любуясь какими-то неуловимыми метаморфозами, происходящими с моей мордой – «Хотя ты забыл сказать про лягушачью икру и больших пиявок, которые добавляют в него для лучшего вкуса».

- «Правда?» - пытаюсь заглушить в себе рвотные позывы, я приложила к деревянной кружке, стараясь не притрагиваться языком к ее краю, гордо носившему на себе отпечатки многочисленных зубов – «Но... Пиявки то... Хоть жирные были?».

- «Еще бы! Еще вчера с койпу сняли!» - рыкнул кто-то от другого стола. Длинные, они тянулись в два ряда, от входа до самого помоста, лишь в самом конце зала образуя правильный круг, куда посадили самых почетных гостей. Хотя мне было совершенно непонятно, что может быть почетного в сидении на тоненьком половичке, постеленном на холодную землю, да еще и под здоровенной дырой в крыше, забранной деревянной решеткой. Ради погожего денька с нее сняли укрывавшие отверстие сосновые ветки, и на столы, с удручающей регулярностью, сыпались и сыпались многочисленные снежинки, падавшие вниз от неосторожных движений копыт облепивших продох жеребят. Их головы маячили на фоне холодного зимнего неба, и мне искренне хотелось надеяться, что они были достаточно ловкими для того, чтобы не загреметь с высоты третьего этажа в потрескивающий и плюющийся искрами очаг, согревавший пирующих гостей.

- «Специально для вас!».

- «Ага. Я всегда... Знала... Что местные пони гостеприимны...» - давась, процедила я сквозь зубы, бросив злобный взгляд на откровенно ухмылявшихся жеребцов. Нет, если эти двое, серый да розовый, друг с другом сойдутся – мне точно хана. Затравят, негодяи, как мышку в амбаре.

- «Все для дорогих гостей!» - скривившись, вновь рыкнул бородатый жеребец. Грохнув кружкой о стол, он поднялся, и свирепо выкатив глаза, уставился на возвышение, вновь занятое высоким, резным креслом, окруженным горкой подушек – «Мать Почард! Дозволь сказать немного нашим гостям!».

- «Не разрешаю!» - каркнула со своего места старая пони. Вновь заняв место в своем кресле, она все так же гордо возвышалась над пирующими, но пристальный взгляд мог легко бы заметить и старую шаль, накинутую на спину старухи, и стоптанные накопытники, и порядком помятую стражу, злобно блестевшую глазами из-за высокой резной спинки. Услышав ее окрик, бородач заткнулся, и сердито бурча, опустился на место, вновь злобно хрястнув кружкой по столу, окатывая окружавших его соседей мутными каплями местной бурды, в то время как разогнувшаяся старуха сердито уставилась на Равикса – «С меня достаточно и одного предательства!».

- «Согласен. Прилетели, пригрозили, напали, да еще и сами в плен попали – куда уж боле?» - пожал плечами тот – «Воистину, поведение этих грифонов становится все более и более возмутительным».

- «Я говорю сейчас не о них!» - вспыхнула старая кобыла – «В тот момент, когда нашему бургу больше всего требовалась помощь, кое-кто из нас оттолкнул протянутое к нему копыто, куснув ближнего своего...».

- «Как я понимаю этого «кого-то», аж дух захватывает!» - ухмыльнулся в ответ жеребец, немного повышая голос, чтобы перекрыть поднявшийся вокруг гомон. Пони спорили друг с другом и с сидевшими между ними гостями, и внезапно, меня посетила очень интересная мысль о том, что прикидывающаяся древней и выжившей из ума старухой, староста города была отнюдь не глупа, и нарочно разбавила наши ряды, рассадив легионеров между превосходившим их числом жителями бурга – «Если меня вновь примутся угощать этим разбавленным пивом, то я тоже кого-нибудь покусая, как волк».

- «Равикс, Равикс! Ты же знаешь, как я относилась к тебе все это время!» - горько произнесла Мать Почард, понизив голос при виде сердито сверкнувших глаз земнопони.

Покосившись сначала на своих подданных, занятых разговором с легионерами; затем – на меня, без зазрения совести подслушивающую их разговор, она вновь обратилась к неспешно хлебавшему лишенный пены напиток жеребцу – «Зачем ты дал этим пришлым растроить наш союз? Разве я не относилась к тебе как к сыну? Разве обделяла своим участием? Разве не приняла тебя в лютую зиму?».

- «Конечно. И я воистину благодарен тебе, Перв... Мать Почард» - отбросив язвительность, почтительно поклонился ей пони, не обращая внимания ни на заинтересованный взгляд пирующих, ни на мою покрасневшую мордочку, которую я постаралась спрятать за кружкой с пивом. Похоже, где бы я ни появилась, я вечно расстраивала крепкие союзы, и приносила лишь беду и разлад – «Однако на сей раз ты перехитрила саму себя, и не моя вина в том, что твой план потерпел неудачу».

- «План? У меня не было никаких планов! Единственный мой долг – спасти всех, кого смогу, от жути, что напоздаст на наши земли как с севера, так и с юга!».

- «И именно для этого ты пригласила меня сюда?» - с вернувшейся иронией осведомился Равикс, с хрустом откусывая кусочек прессованного сена – «Рассчитывала, что двум мясникам не ужиться под одной крышей?».

- «Двум?» - теперь уже пришла очередь мне заинтересованно вздернуть бровь, глядя на сидевшего рядом жеребца. Лишившись своей брони, он демонстрировал окружающим довольно ладное тело, тяжеловатое в груди, и обладающее достойной коллекцией шрамов, украшавших буквально каждый дюйм его кожи.

- «Старая история» - отмахнулся тот, со значением глядя на сидевшего возле Рэйна Лохматого. Мне вдруг стало интересно, специально ли он попросил своего приятеля-факира сесть рядом с моим заместителем в этом походе, как и я, шепнув на ухо приказ вогнать тому десяток сантиметров стали под ребра в случае очередного обострения хитрости у наших гостеприимных хозяев? – «Старая, и никому не интересная».

- «Расскажешь?».

- «Нет» - спокойно и безапелляционно отрезал жеребец.

- «Оууу...» - я надулась, обиженно выставив нижнюю губу – «Значит, придется пить замечательный, шипучий, холодный и пенный «Суперсидр Эпплов» в гордом одиночестве, заливая свою печаль и тоску».

Равикс сделал абсолютно незаинтересованную морду, но судя по тому, как он отставил кружку, грустно взглянув на жиденькие остатки на ее дне, мои слова не остались незамеченными.

- «Значит, холодный и пенный?».

- «А уже не важно. Так что ты не отвлекайся, и хлебай свое пойло!» - злорадно очерилась я, под громкие смешки своих подчиненных. Похоже, пегасы разделяли мое отношение к поданному нам питью – «И вообще, тут у вас какое-то брожение, как я погляжу? Народ, в целом, очень даже не против нашего присутствия, в то время как отдельные элементы в верхах – наоборот, всячески пытаются продать меня грифонам. Что, слух о награде спокойно жить не дает? Или неолиберальные реформы какие затеяли?».

- «Да, о награде речь шла» - не без сожаления отметил Равикс, заглянув в свою кружку – «Три тысячи за живую, и две – за не совсем живую, или покалеченную. Но погоди столь опрометчиво обвинять Мать Почард в алчности – я знаю ее много лет, и могу уверить тебя, что она желает пони лишь добра».

- «Ага. Я заметила» - не удержавшись, громко фыркнула я, выдув через затрепетавшие ноздри целую руладу – «Думаю, эти крылатые кошки были бы ко мне крайне добры, когда поволокли бы к своему хозяину. Ты что, издеваешься, Равикс?».

- «Это правда. Они хотели забрать тебя» - холодно, сквозь зубы, процедила старая кобыла. Увидев входящих в зал жителей, она поприветствовала их кивком головы, и ткнула копытом в сторону освободившихся мест у одного из столов. Приткнувшиеся с краешку земнопони вмиг забыли о еде, и принялись безо всякого стеснения разглядывать сидевших между их соотечественниками пегасов, каждый из которых уже стал объектом пристального внимания, что, впрочем, совершенно их не смущало, в отличие от моей собственной персоны. Рассадив вновь прибывших, Почард снова взглянула в мою сторону, влажно сверкнув белками выцветших глаз – «И тем самым принести мир в наши дома».

- «Мы могли бы сделать это и сами» - негромко заметил Равикс, так тихо, что услышала его лишь я, да сидящая на возвышении Первая Мать.

- «Ты видел, что они сделали с нашими воинами и охотниками».

- «Да ничего мы с ними не сделали!» - расслышав последние слова старой кобылы, громко возмутился Рэйн, отвлекаясь от плитки прессованного сена. Я только фыркнула, увидев прилипшие к зубам пегаса кусочки зеленовато-бурого толокна – «Самым буйным по головам настучали, да немного попинали тех, кто в драку лез - вот и все!».

- «А почему, кстати?» - поинтересовалась я, вертя перед глазами грубую, двузубую вилку, которой полагалось брать угощение с общего блюда. Этими столовыми приборами, выказывая вежество, оделили лишь столы для гостей, а прочие пони пользовались зубами и копытами, и без дополнительных помочей ловко используя то, чем наделили их создатели и природа – «Я не критикую, Рэйни, отнюдь. Просто все забывала спросить, как вы догадались не слишком уж буйствовать?».

- «Эй, это же пони, командир!» - оскорбился розовый жеребец, тряхнув буйной, кудрявой гривой. Услышав его слова, остальные пирующие притихли, повернув головы в сторону помоста – «Не грифоны какие-нибудь, верно? Ну, я хочу сказать, почему мы должны были бить и пони? Это против завета богинь, да и просто неправильно, поэтому мы все аккуратно делали – и били плашмя, и лупили по задницам и головам, чтобы быстрее вбить мысль, что с Легионом связываться не стоит. Как положено, в общем».

- «Молодец. Не возражаю».

- «Эт он верно сказал! Мы все – пони, правильно?» - вновь подал голос бородатый, поднимаясь из-за стола. Местные пони не изобиловали расцветкой, как их эквестрийские соседи, и несмотря на свои размеры, этот бурый земнопони казался запыленным и неказистым на фоне ярких шкур моих подчиненных, заметных даже под блестящей броней – «Нет, я все-же скажу, Мать Почард!».

- «Сядь, Шегги!» - вновь каркнула Первая Мать.

- «А я скажу!» - с хмельным упорством настаивал бородач – «Пусть они гости, и грифонов прогнали, и все такое прочее... Но раз они их прогнали, то может, они и наших освободят? Раз их грифоны не любят, то и они их не любить должны, верно же?».

- «Ты не понимаешь – гостям нужно отдохнуть, собраться с силами после жаркой схватки» - с каким-то лицемерным сочувствием, громко произнесла Первая Мать, чей голос перекрыл все прочие голоса – «Они бились для того, чтобы силу свою показать, да себя потешить. Трудности наши им ни к чему, Шегги. Поэтому сядь, и не расстраивай дорогих гостей!».

- «А что у вас за трудности?» - насторожившись поинтересовалась я, с удовольствием находя причину, чтобы отставить подальше кружку, которую зачем-то, раз за разом, заботливо наполнял местной кислятиной молодой жеребчик. Я заметила, что все хозяйственные работы тут были возложены в основном на жеребцов, и за редким исключением, более-менее приличным оружием и хорошей одеждой могли похвастаться разве что кобылы, да несколько крупных дружинников, тяжело сопевших за спиной Первой Матери бурга.

- «Наши мелкие трудности недостойны внимания таких дорогих гостей с юга» - с видом величественной обиды вздохнула Первая Мать. Я заметила, что слова ее возымели свое действие, и местные пони начали переглядываться, явно недовольные чем-то – «Но мы выдержим. Пусть эта зима будет долгой, мы переживем и бескормицу, и нашествие врагов... И даже предательство. Пусть. Мы переживали и в прошлом – переживем и сейчас. Веселитесь, пусть ничто не омрачает сей пир!».

- «Зачем ты говоришь такое?» - негромко поинтересовался Равикс, отставив свою кружку. Стрельнув глазами по сторонам, я подтолкнула к нему свою посудину, надеясь, что никто не заметит подмены. Высунувшаяся у меня из-за плеча голова очередного служки вновь наполнила пустую посудину из зажатого в зубах, глиняного кувшина.

- «Разве все так плохо? Ведь еще вчера ты говорила, что...».

- «Я знаю, что я говорю, Равикс!» - взмахнула ногой старая кобыла, едва не потеряв при этом свой стоптанный накопытник – «И не тебе оспаривать мои слова! Быть может, если бы ты проводил меньше времени, шатаясь между разными бургами и поселениями, то и дело залезая в непролазные чащобы и гнилые болота, то знал бы, как на самом деле обстоят тут дела! Ты откочевал на север, в богатые места, и забыл свою родину, даже не интересуясь, какие тут творятся дела – и как можешь теперь ты указывать мне, что должен говорить мой рот?».

- «Значит, меня так мало ценят, что предпочитают кормить сладкой ложью взамен правды?» - нахмурился серый жеребец. Похоже, его сильно задела слова упрямой и несговорчивой старухи – «Мне говорят, что все хорошо, а скоро будет даже лучше...».

- «Ты сам выбрал свою судьбу! Разве не ты во всеуслышание объявлял, что чураешься наших забот? Разве не ты говорил, что твое дело – спасти нас от монстров, а не превращаться в такого же монстра, как мы?».

- «Это было давно, и не правда» - несколько смутился Равикс, заглядывая в мою кружку. Не найдя в ней ничего подозрительного, земнопони шумно сглотнул, махом ополовинив немалую посудину – «Я занимаюсь чудовищами, но не хочу влезать в ваши смуты, ссоры

и бесконечные перебранки между соседями. Моя работа защищать пони, а не вставать на чью-то сторону в споре двух бургов из-за участков в соседнем лесу!».

- «И поэтому ты и не слышишь, что говорят вокруг тебя пони. Что уже несколько месяцев из соседних поселений нет никаких вестей. Что над горами витает кровавая звезда. Что осень была дождливой, и вода затопила все борти, а оставшихся пчел сожрали целые стаи громадных шершней. Молоко створожилось, а сыр не уродился вовсе. Что коровы запаршивели, а овцы...».

- «В общем, кошмар! А при чем тут освобождение кого-то?» - решила прервать я этот поток местных ужасов. У тех, кто так готовит пиво, непременно должно было происходить что-либо подобное, поэтому меня не удивила подобная подборка деревенских кошмаров, хотя внутри меня кто-то предостерегающе дотронулся до моего сердца, словно призывая не дерзить, а обратить внимание на эти предостерегающие, грозные знаки, предупреждающие о... О чем? О будущем неурожае? Или принесенном кем-то вирусе табачной мозаики или золотистом стафилококке? Нет, без еды, конечно же, очень тоскливо, особенно тысяче с чем-то пони, а также домашнему скоту, который, по сути, ел то же, что и их хозяева. Еще при полете я заметила, что в городе всего было несколько больших строений вроде риг и амбаров, в которых, судя по всему, хранились общий запас продуктов, и вытопанные возле них дорожки ясно говорили, что здания эти пользуются всеобщим вниманием, даже несмотря на слова старухи о скудных запасах пищи. Задумчиво почесав за подживающим ухом, на котором грифоний клинок оставил длинный разрез, уже покрывшийся зудящей черной корочкой засохшей крови, я поправила гогглы, и вновь уставилась на Первую Мать – «Мы ж вас от этих курносых освободили, верно?».

- «Нас? От них?!» - рявкнул порядком захмелевший бородач. В отличие от меня, он пил местную бурду словно не в себя, и уже успел набраться, несмотря на все попытки выпроводить его из-за стола – «Да мы их и терпели тока потому, шта Первая Мать приказала! Но эти гады, которые наших юнаков похватили – они тут не пказываются! Бйатца, шта мы их...».

- «Отведите его куда-нибудь, и закройте, пока не проспится!» - быстро произнесла Почард, сделав кому-то за моей спиной знак в сторону бородача – «Гостей нельзя обижать. Это не вежливо».

- «А пиво наш-ше хлебать – эт вежлива?!» - вырываясь, проорал земнопони поверх уводившей его толпы – «А за соль-сено отплатить не хочеца? Юж-жане! Все беды от южан! Нин-навижу!».

- «О чем же шла речь?» - поинтересовалась я у повернувшегося ко мне Равикса. Почувствовав тычок под ребра, жеребец повернулся, и уже в который раз, едва заметно вздрогнул, увидев возле своей щеки мою мордашку, украшенную большими, непрозрачными очками-гогглами. Сердито нахмурившись, я все же решила задавить в себе обиду, и не обращать внимания на столь явные намеки на мой внешний вид – по крайней мере, пока.

- «Сам еще не знаю. Я прибыл за день до вас, и еще не успел послушать местных. Мать Почард не отпускала меня от себя все это время, и мне казалось, что ей было интересно выслушать истории о моих похождениях... Но теперь я в этом сомневаюсь».

- «Так может, узнаем?».

- «Конечно» - легко согласился жеребец, поднимаясь из-за стола – «Достопочтенная Мать Почард! Мы благодарны тебе за эту трапезу, и преисполненные благодарности, хотели бы спросить – что так гнетет Олд Стамп? О ком шла речь? Кого увели у вас унгоны?».

- «Сие неважно!» - мотнула головой старая пони, недобро поглядев на серого жеребца. Шум в зале усилился – «Мы проживем, как жили все эти годы. Как заповедовали нам Добрые Предки. Наши охотники справятся, и нам не нужна помощь чужаков!».

- «Они не появлялись уже две седмицы!» - выкрикнул кто-то из-за другого стола – «Первая Мать! Пошли их! Отправь за нашими родичами!».

- «Нет!» - сердито трясая головой, категорично отрезала старуха – «И не просите! Я и так уже дала вам все, что только могла – включая свою дочь! Они вернутся, нужно еще немного подождать!».

- «Вы отправили на поиски пропавших сородичей Нефелу?» - уши стоявшего передо мной жеребца прижались к голове, а голос вдруг стал каким-то напряженным, и совершенно чужим – «Мать Почард! О чем вообще вы думали?!».

- «Я думала о своем народе, белогривый! И не позволю никому сбить его с истинного пути!» - рассердившись, повысила голос пожилая земнопони, перекрывая оказавшимся неожиданно сильным голосом поднявшийся шум – «Я запрещаю вам даже заговаривать со мной об этом!».

Поднявшись, Первая мать горделиво выпрямилась, продемонстрировав когда-то мощную, а теперь постаревшую и ослабшую фигуру, и слегка подволакивая сухие ноги с узловатыми, подагрическими суставами, быстро покинула общий зал, оставив в смятении приглашенных на пир гостей.

- «Эмम्म...».

- «Да уж, наделали мы дел» - вздохнул Равикс, опускаясь на полочок, и вновь принимаясь за пиво – «Расстроили достопочтенную Почард, и с местными, считай, поссорились... Похоже, скоро придется вновь выдвигаться в дорогу».

- «Ага. Вотпрямсчаз!» - не согласившись, буркнула я, глядя на широкую деревянную лестницу, уводившую куда-то в жилую часть общинного дома. Стоявшие на каждой ступеньке жаровни окрашивали резные стены и поддерживающие крышу столбы в цвета свежей крови, отчего потемневшее дерево казалось декорациями к самому настоящему ужасу. Что-то не ладилось вокруг - реальность, бывшая до того осязаемой и плотной, теперь ускользала у меня из-под копыт, проносясь куда-то, словно темные воды лесной реки, и мне до одури захотелось выскочить из этого дома, вместе со всем городом, вдруг ставшим похожим на какой-то корабль, несущийся в сторону поджидающей его бури или подводной скалы.

- «Ты ослушаешься Первую Мать?».

- «А я вообще обязана ее слушать?» - насупившись, поинтересовалась я у повернувшегося ко мне жеребца – «Местные плачутся, что у них украли кого-то. Местная правительница послала туда кого-то, во главе со своей дочерью – похоже, набирает политические очки своему дитяте, перед тем, как передать бразды правления в копыта отпрыска. Будущая надежда всего бурга так и не вернулась. Местные нервничают, правительница в ярости, мы – крайние. Я ничего не забыла?».

- «Разве что грифонов, мэм» - подала голос откуда-то с края стола Блуми Нэтл. Так и не притронувшаяся к еде и напиткам, она то и дело вертела по сторонам головой, следя за нашими подчиненными – «Они появились тут явно не просто так. Они ждали именно вас, мэм, и если позволите, я думаю, что они причастны к этому исчезновению. Ведь не запугали же они сотни живущих тут пони одной только парой звеньев, верно?».

- «Хммм... Не исключено. Значит, грифоны...» - прищурившись, я задумчиво постучала себя по губе, глядя в трещащий очаг – «И местные... Крепость... Корк... Тааак... Рэйн! Собирай наших! Что б через полчаса были готовы вылететь, ясно?».

- «Хар-рашо...» - протянул розовый пегас, отвлекаясь от какого-то задушевного разговора с Лохматым, втолковывающим ему что-то сиплым, спитым голосом дряхлого старика. Вокруг жеребцов уже валялось множество кружек, но несмотря на подозрительно блестящие глаза пегас постарался подняться из-за стола с как можно более бравым видом, пусть и не с первого раза преодолев силу земного притяжения – «Куда-то отправимся? Драться? Эт-та хорошо! Хорошее дело для хорошей попойки!».

- «Вот и ладушки. Эй, собираемся!».

- «Странно, что за все это время я не встречал вашего брата, хотя и слышал про новых игрушечных солдатиков ваших принцесс» - произнес у меня за спиной задумчивый голос серого земнопони – «Пожалуй, мне нравится ваше отношение к жизни. Вы полетите?».

- «Ага. Последнее время я полюбила летать. Гораздо удобнее, чем месить грязь и снег своими ногами. Так что, уважаемый...».

- «Ну да, конечно. Пегасы!» - едва заметно скривился Равикс – «Все, кто не летают, считаются пресмыкающимися. Но ты подумай вот о чем – разве вам известно, сколько пони пропало? А если они ранены? Это вполне логично, ведь их нет уже несколько недель, судя по тому, что мы слышали на этом пиру. Значит, вам понадобятся повозки, перевязки, корпия¹, а так же те, кто знает лесные пути. Разве у вас есть такие пони?».

- «Предлагаешь себя на эту роль?» - прищурившись, ухмыльнулась я, оборачиваясь, и оценивающе оглядывая стоявшего передо мной жеребца – «Что ж... Ладно, уговорил. Повозками и тряпками поручаю заняться тебе – в конце концов, аборигены тебя знают, и кажется, все еще считают любимчиком Матери Почард. Я, тем временем, попробую выяснить, куда тут и кто подевался. И кстати, чем ты вообще занимаешься?».

- «О, ничего особенного» - в голосе земнопони вдруг прорезалась забавная, знакомая мне хрипотца, с которой тот, сделав как можно более безразличную морду, скосил глаза на мою спину и круп – «Я просто избавляю пони от кошмарных чудовищ. Ну, а если проще – я убиваю их, за плату».

- «Это не дорога, а какая-то тропа!».

- «О нет, это самая настоящая дорога – самая широкая по эту сторону великой реки».

Еле видимая с воздуха, тропинка вилась среди деревьев, ныряя в темные овраги, куда не добирался свет солнца, скрываясь под заснеженными кронами, и часто пропадая из

¹ Растрепанная ветошь, использовавшаяся вместо ваты.

виду для того, чтобы выскочить вновь из-за какой-нибудь раскидистой ели. Еще неделю назад я и мечтать бы не смела о том, чтобы разглядеть эту кабанью тропу среди торжественно блестящего леса, но теперь, когда мне приходилось мириться с этой странной пегасей особенностью, которую наша санинструктор называла мудреным медицинским термином «пегасья амиотропия», я то и дело вздергивала голову к небу, спасаясь от вмиг увеличивающегося дерева или пня, на который падал мой взгляд. Мир вокруг меня вмиг терял привычные четкие очертания, резко дергаясь вперед, и услужливо позволяя разглядеть во всех подробностях предмет, на который обращался мой взор, но расплатой за это было ощущение тяжелой подушки, с размаху опускавшейся мне на голову, встряхивавшей и переворачивавшей мои мозги. Большие, круглые, затененные гогглы отчасти помогали, но не слишком, поэтому уже через пару часов неспешного полета я издергалась, изbleвалась, и окончательно утратила благодушное настроение, рожденное этой прогулкой.

А посмотреть и впрямь было на что. Одевшаяся в зимнюю шубу тайга безмолвствовала, серебристо искрясь миллиардами снежинок, покрывавших покачивавшиеся как волны вершины, и блестящими водопадами падавших с веток в темневшую под ними чащу. Лесные речушки и ручьи уже сковало льдом, и лишь громада какой-то безымянной реки, не отмеченной ни на одной карте, неспешно катила свинцовые волны от одного края горизонта к другому по узкой дорожке промоины, сжатой со всех сторон нарастающим льдом.

- «В лесу дорог не торят» - вновь подал голос Равикс. Возлежа на мешках с провизией и худосочными холстами мешковины, в первое время он с интересом разглядывал расстилавшуюся окрест тайгу, но потом устал от однообразия проплывавших под нами заснеженных вершин, и теперь предпочитал глазеть на летевших рядом пегасов. Как и все мои пассажиры, вольные и невольные, он предпочел привязать себя к одной из веревочных строп, и во время полета даже не шелохнулся, вертя из стороны в сторону одной лишь головой. Наспех сколоченный местными щит, болтавшийся где-то под моим животом, скрипел и раскачивался, и если бы не страхующие меня подчиненные, придерживающие края нагруженной мешками платформы, возлежавший на ней Равикс уже давно бы сверзился со своего лежбища, даже несмотря на перетягивавшую его ребра веревку.

- «Меня больше беспокоит то, как долго ты сможешь тащить эту штуку».

- «Хмм... А ты прав!».

- «Эмм... Командир...» - намекаяюще протянул Рэйн, весело поглядывая на моего напрягшегося пассажира – «Высота небольшая, да и штука эта сколочена явно наспех...».

- «Ну и что? Ты не видишь, как мне тяжело?» - громко, чтобы слышал начавший обеспокоенно крутить головой земнопони, возмутилась я, старательно изобразив одышку изнемогающего тяжеловоза – «Я... Долго... Не протяну! Копыта холодеют... В глазах темно... Прощайте, братья!».

- «Все бы тебе издеваться над пассажирами, Раг!» - укоризненно попенял мне розовый пегас, перекикая раздавшийся со всех сторон хохот. Увидев, как обалдевший от происходящего Равикс впился зубами в узел веревки, стремясь то ли отвязаться, то ли наоборот, крепче его затянуть, пегасы загоготали, наслаждаясь окаменевшей рожей

серого жеребца. Поняв, что его разыграли, и опасно накренившаяся платформа вновь выпрямилась, принимая положенное ей горизонтальное положение, Равикс снова откинулся на мешки, и явно принялся размышлять о планах изощреннейшей мести, сверля мой живот колючим взглядом желтых глаз. Усмехнувшись, я вновь начала набирать высоту, старательно глядя на синее зимнее небо – по крайней мере, так глаза не стремились выскочить из орбит, размазываясь по затененным стеклам полетных очков.

- «А ты вообще уверена, что этот грифон тебе не соврал?» - спустя какое-то время осведомился земнопони, неприязненно глядя на Кабанидзе. Возбужденно скакавший по щиту сычик уселся на самом его краю, неподалеку от серого жеребца, и впившись крючковатыми когтями в посеревшие от времени доски, недовольно заколотил клювом по одной из строп, намекая мне, что не собирается терпеть подобные неудобства во время полета – «И кстати, мне кажется, или эта птица пытается отвязать наш груз?».

- «А мне кажется, что он просто пытается избавиться от тебя» - фыркнула я, ежась на холодном ветру. Каждое движение, каждый взмах крыльев позволял зимнему воздуху проникать под порядком вспотевший поддоспешник, что ухудшало мое настроение, подпорченное как бессонной ночью, так и продолжающейся ерундой, творившейся с моими глазами – «Как от самого бесполезного груза. Пока ты там рассуждал о принципах невмешательства с Первой Матерью, я предпочла более прямой и надежный способ выяснить, где они должны были обретаться... Ну, или откуда должны были начать. Их пригласили на встречу в какое-то место под названием Серый Ручей».

- «Это была крепостца, в которой останавливалась трапперы, да и унгоны на мен приезжали. Когда-то там даже ярмарка была, раз или два» - неохотно откликнулся белогривый. Рассердившись, земнопони стал удивительно похож на дувшуюся Лиф, следовавшую в моем кильватере – все еще переживавшая из-за моей шуточки, она, тем не менее, постоянно крутилась у меня перед глазами, не упуская возможности продемонстрировать свою обиду.

- «Но теперь они могут быть где угодно, верно?».

- «А ты у своего грифона спроси».

- «И спрошу, когда вернемся!» - я уперлась в воздух крыльями, и угрожающе потрянула помост вместе с его пассажирами – «Ну и тогда зачем ты нам нужен?».

- «Для того, чтобы найти их следы» - вздохнув, не стал спорить серый жеребец, с демонстративно утомленным видом поглядев на негодующе возопившего что-то Кабанидзе – «Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из вас, нежные южные пони, смог бы отыскать в сарае собственный хвост, а не то что пройти хотя бы пару миль по этим лесам. В конце концов, расспросим местных, если не отыщем нашу пропажу по свежим следам. Охотников, например, или трапперов».

- «Кстати, а зачем вам охотники, Равикс?» - поинтересовалась было я, но... Ответить жеребец не успел – на горизонте показалось несколько темных точек, вспорхнувших из-за заснеженных вершин. Заметивший их первым, Рэйн громко рывкнул что-то на «втором командном», представлявшим из себя ядреную смесь из плохого эквестрийского и чудовищно искаженного сталлионградского языков, впрочем, компенсировавшем свои недостатки яркой эмоциональной окраской. Услышав вырвавшуюся у моего заместителя фразу, Равикс, как и все пони до и после него, с интересом вскинул голову, прислушиваясь

к незнакомым словам, явно достойным того, чтобы их запомнить, в то время как два крыла уже ушли вперед, набирая скорость и высоту для того, чтобы обрушиться на головы приближавшихся врагов. Я пригляделась, и темные точки, впервые за все время поразившего меня недуга послушно, по моей воле, рванулись вперед, приближаясь и увеличиваясь в размерах. Похоже, это были пегасы, но что-то настораживало меня в том, как лихорадочно махали крыльями три несущиеся к нам фигуры, как дергались то вверх, то вниз, как размахивали всеми четырьмя ногами, словно...

- «Они словно стараются привлечь наше внимание» - наконец, обеспокоенно заявила Нэтл. Прошло всего несколько минут, а авангард нашего отряда уже окружил затормозивших пришельцев, и после короткого совещания, нырнул куда-то вниз, под кроны деревьев, оставив одного из своих в воздухе в качестве ориентира. Мы экспроприировали эту тактику у древних пегасов, досконально описывавших в своих свитках период междоусобиц, предшествовавших созданию древних королевств, ставших предтечами нынешнего Эквестрийского Королевства – тогда крылатые лошадки регулярно нападали на поселения земнопони и единорогов для лихого грабежа, и висевший в воздухе караульный, помимо наблюдения за небом и землей, был единственным, кто мог бы предупредить товарищей о приближающейся опасности. Что ж, ничто не ново под луной, и древняя тактика работала и поныне – дозорный безмятежно висел в воздухе, поглядывая то на нас, то на землю, и оставшийся путь мы проделали быстро, но спокойно, периодически шипя на пытавшегося встать на своих мешках серого жеребца. Поглядев на приближающуюся стаю, пегас успокаивающе махнул копытом, но затем заполошно шарахнулся прочь, когда мимо него, хлопая крыльями, просвистела бежевая фигура пони, окутанная облаком сверкающих снежинок. Разметав усыпанные снегом ветки, она взвилась в небо, где лихо заложив пируэт, перекувырнулась через голову, и ринулась в нашу сторону, явно идя на таран. Рыкнув, я мысленно обматерила и раззяву-следящего, и летевших рядом подчиненных, с открытыми ртами тарачившихся на эту воздушную акробатику, после чего приготовилась к удару. Однако через мгновение, перед моим носом вырос чей-то круп, заслонивший меня от надвигающейся угрозы, и свирепо дергая кудрявым розовым хвостом, рванулся навстречу нападавшему.

К счастью, боя не случилось.

- «Вниз!» - рявкнул кобылий голос, впрочем, тут же сменившийся громким ойканьем, когда розовогривый кентурион с глухим стуком врезался в его обладательницу – «Ох! Эй, да отцепись, ты!».

- «Кто такая?!» - сердито рыкнул Рэйн, даже и не думая отпускать бьющуюся в его объятьях бежевую пегаску. Крупная, сильная, она таскала жилистого пегаса из стороны в сторону, и быстро высвободила сначала одну, затем и другую ногу, которыми не преминула попробовать на прочность облегченную пегасью лорику. Без особенного, впрочем, успеха – «А ну, угомонись!».

- «Копыта убрал! Убрал копыта, малохольный!».

- «Рэйн, угомони ее, а?» - сердясь на саму себя и окружающих за свой испуг, скомандовала я, злобно глянув на подлетавшего к нам караульного – «В конце концов, сломай ей ногу! Пусть лучше от боли орет, чем выносит мне мозг своими визгами! Ты! Веди уже, Зоркий Глаз, таскать тебя за вымя!».

Последняя фраза предназначалась виновато оглядывавшейся сотнице. Услышав начальственный рык, она закивала, и припустила вниз, указывая мне дорогу среди вершин. Вскоре вековые сосны расступились, и прямо под нами проглянула излучина реки, затерявшейся среди заснеженных деревьев. Скованная льдом, «лесная дорога» изгибалась, охватывая невысокий холм, на котором, окруженная с трех сторон когда-то высокими, а теперь разрушенными едва ли не до основания стенами, находилась довольно ровная площадка, похожая на карликовый лабиринт из-за обломков камней, серевших на изломах сеткой скреплявшего их когда-то раствора. Похоже, это место и впрямь было обитаемо – кое-где, в удобных закутках между камнями, торчала пара очищенных от снега столов, а из продуха одной из землянок, лепившихся к остаткам небольшого донжона, в небо поднимались клубы жиденького, серого дыма, рассеивавшегося среди ветвей. Спустившийся до нас десяток спокойно стоял или неспешно летал среди деревьев, осматривая окрестности, но судя по спокойному, сосредоточенному виду нашего авангарда, опасаться пока было нечего, и я с облегчением пошла на посадку, грохнув посреди заснеженной площади свой груз, подняв при этом взмахами крыльев целую снежную бурю. Следом за мной опустился и Рэйн, все еще сжимавший передними ногами немного присмирившую кобылу. Возможно, это была работа его пегасей обаятельности, которой, в целом, могли похвастаться многие крылатые жеребцы, а может, всему виной было заломленное болевым приемом крыло отчасти уgomонившейся пегаски, сердито шипевшей себе что-то под нос. Выпутываясь из ременной петли, с помощью которой мне удавалось тащить свой нелегкий груз, я на миг потеряла из виду серого земнопони, обнаружив его уже возле землянок, из которых выползали лохматые фигуры, облаченные в длинные, грубые одежды из мешковины. Увидев нашу полусотню, опустившуюся на стены и двор разрушенной крепости, лесовики вознамерились было юркнуть обратно в свои пропахшие дымом и грязью убежища, но увидев спокойно стоявшего неподалеку Равикса, решили не спешить, а также не делать резких движений на виду у висевших над их головами пегасов.

- «Ну вот, и нашлись, пропащие!» - зябко постукивая копытами, обрадовалась я. Кто бы там что себе ни воображал, а таскать на себе несколько десятков фунтов холоднющей стали, да еще и зимой, было не так-то просто – «Хотя для спасательной операции их как-то маловато...».

- «Потому что это все, что от нее осталось!» - топнув, резко бросил Равикс. Стоявшие перед ним земнопони потупились, скрывая морды в мешковине грубых капюшонов, а буйная кобыла, все еще кривившаяся в захвате Рэйна, изрыгнула поток проклятий, заставивший удивленно обернуться даже меня – «Да-да, Нефела, я тоже рад тебя видеть живой и здоровой».

- «А я была бы рада увидеть тебя в домовине, белобрысый ублюдок! Мерзавец! Голодранец! Лгун!».

- «Ого! Вот это встреча...» - протянула я под довольные смешки подчиненных. Сердито зыркнувший на меня Равикс сделал вид, что не понимает, о чем идет речь, но равная из лап нашего кентуриона пегаска не оставила ему ни малейшего шанса замять этот разговор. Увидев мой разрешающий жест, Рэйн разжал передние ноги, и тотчас же поднялся повыше, во избежание проблем с разъяренной кобылой. Как оказалось,

волновался он зря – очутившись на свободе, та рванула вперед, загребая копытами снег, и словно буран, обрушилась на попытавшегося отстраниться земнопони.

- «Что ж, обещания надо выполнять, иначе однажды может случиться что-нибудь вот такое вот» - философски протянула я, глядя на бросавшуюся на Равикса пегаску. Бежевая шерсть, темно-рыжая грива и зеленые глаза – кажется, такая масть называлась каурой, если мне не изменяла память, поэтому я не отказала себе в удовольствии облизать взглядом мощные задние ноги, поджарый круп и светлые щетки на копытах, при виде которых у меня всегда начиналось обильное слюноотделение. Я определенно хотела себе такие же, но как бы я ни старалась, кроме как обросших до крайне бомжеватого вида венчиков копыт, добиться подобного эффекта так и не смогла. Наверняка, это был какой-то доминантный ген, существующий лишь у северных пони, и достающийся лишь таким охламонам, как Буши Тэйл, а не тем, кому он и вправду был нужен и дорог. Мир, ты несправедлив!

- «Ага. А еще – помнить, как зовут твоих кобыл, хотя бы по именам» - со смехом гаркнул кто-то из легионеров – «И не допусти богини, если перепутаешь в постели...».

- «Никогда бы не перепутал!» - шаг за шагом отступая все дальше и дальше, попытался оправдаться серый жеребец, уворачиваясь и грудью встречая все наскоки безумно рычащей кобылы. Словно позабыв о своих крыльях, она бросалась на отмахивавшегося от нее жеребца, стараясь как можно больнее ударить его по морде, по ребрам, или хотя бы по ногам, однако ее жертва демонстрировала чудеса ловкости, раз за разом уклоняясь от всех и всяческих атак рассвирепевшей кобылы - «Нефела, послушай... Неф, ну хватит уже, а?».

- «Не называй меня так, ты!» - поняв, что безумные напрыгивания лишь выматывают ее саму, кобыла перешла к ближнему бою, пиная и кусая ненавистного жеребца, с растерянной улыбочкой, вяло отмахивавшегося от столь бурных наездов. Наконец, загнав противника в угол, пегаска отскочила назад, пофыркала, загребая снег передней ногой, словно готовящийся к рывку спринтер, и рванув вперед, врезалась в грудь стоявшего перед ней жеребца. Покачнувшись, он прыгнул назад, но не успев даже ухмыльнуться, грохнулся в большой и холодный сугроб, к которому исподволь подводила его хитрая пегаска.

- «Получил? Получил? ПОЛУЧИЛ?!».

- «Получил. И что дальше?».

- «А дальше я буду вынуждена прервать столь бурную сцену семейного воссоединения»

- хрюкнула от смеха я, подкрадываясь к двум спорщикам – «Равикс, вылезай из сугроба. А ты...».

- «Нет уж, спасибо. Мне и тут хорошо» - поспешно отказался белогривый, поглядывая на крутившуюся рядом пегаску.

- «А кто ты такая?» - живо развернулась ко мне бежевая кобыла. Вблизи она выглядела не такой молодой, как мне казалось ранее, но все равно, очень и очень симпатичной, и я машинально облизнула вмиг пересохшие губы, глядя в зеленые, искрившиеся от злости глаза. Подойдя ко мне вплотную, она, с видом полного превосходства, уставилась на меня сверху вниз – «Еще одна железная куколка с юга?».

- «Ну... Можно сказать и так. Кхем...» - я закашлялась, ощутив в своем голосе предательскую хрипотцу. За моей спиной послышались сдержанные смешки, но стоило мне обернуться, как окружавшие нас легионеры тотчас же сделали вид, что они тут совершенно не при чем – «А ты кто такая? И зачем пытаешься лишить нас проводника? Это мой жеребец, я его первая нашла!».

- «Ах воооот оно как...» - голос каурой не предвещал ничего хорошего ни мне, ни моему «проводнику», опасливо выбиравшемуся из своего сугроба. Похоже, он все-таки понял, что сидя на одном месте, он только приближает тот момент, когда его начнут хоронить в том же самом сугробе – «Так значит, ты подцепил где-то эту потаскушку, да еще имел наглость приволочь ее в наш дом?!» - взъярилась пегаска, и без предупреждения, ударила меня грудью, заставив проскользнуть несколько футов назад, упираясь ногами в рыхлый, еще не утопанный снег. Легионеры вокруг напряглись, уже безо всякого, даже показного дружелюбия глядя на зарвавшуюся кобылу, однако, быстро расслабились, увидев мое предупреждающе вскинутое копыто – «Да я ее...».

Дальнейшие несколько секунд превратились для меня в настоящий калейдоскоп из смазанных картинок. Подпрыгнув в воздух взмахом широко раскрывшихся крыльев, я увидела, как бросившаяся на меня пегаска проделала тот же самый маневр, но ее искажившаяся от злости морда быстро украсилась алым, когда я, вместо того, чтобы начать крутить в воздухе пегасьи кругали, рванулась к своей противнице, и обхватив ее передними ногами, принялась лупить ее закованной в сталь головой. Рванувшись, она попыталась сначала освободиться, затем – прикрыться, а потом и просто удрать, бестолково шлепая по воздуху крыльями. Наконец ощутив, что моя голова понемногу начала превращаться в самую настоящую звонницу, я выпустила свою жертву, швырнув ее в тот же сугроб, где она и осела, тотчас же принявшись размазывать по морде снег, быстро окрасившийся свежей кровью из разбитого носа и множества мелких, но обильно кровавых, ушибленных ран. Шмыгая носом, она пошарила вокруг передней ногой, словно ища какой-нибудь камень или палку, которые можно было бы кинуть в наглую пришелицу, но натолкнулась лишь на копыто своего знакомого земнопони, протягивавшего ей неровно скомканный снежок.

- «Что ж, вот вы и встретились» - теперь пришла очередь серому жеребцу скорчить ехидную морду, глядя на двух недовольно сопевших кобыл. Выбравшись из сугроба, он внимательно поглядел на меня, и убедившись, что я не собираюсь продолжать эту короткую стычку, сильным рывком выдернул из снега негромко ойкнувшую подругу – «Поздравляю тебя, Неф – вот ты и познакомилась с настоящим, известным в наших краях, Мясником Дарккроушаттена».

- «Какие у тебя странные глаза».

- «Ну да...» - с неловкостью пробормотала я, отводя взгляд от бесцеремонно разглядывавшей меня пегаски. Кличка, которой наградили меня пони, быстро свела на нет весь конфликт, чему, как я подозревала, немало способствовала та жесткость, с

которой я подавила любые попытки поставить меня на место со стороны этой северной пегаски – «У тебя тоже очень красивые... Эммм... Глаза».

- «Правда?» - скептически подняла разбитую бровь Нефела, впрочем, тут же скривившись от боли в разбитой морде – «А моя спина разве не хороша? Или под хвостом у меня не так, как надо?».

- «Неф...» - примиряюще произнес Равикс, с шуршанием проходясь хвостом по спине сидевшей рядом с ним пегаски – «Не стоит вот так вот, сразу, ссориться с теми, кто хочет нам помочь. Подумай, что бы сказала на это твоя почтенная матушка».

- «Она долго бы читала мне поучения о том, почему не стоит связываться с изнеженными южанами, склонными к мерзости и прочему блуду!» - строптиво топнула копытом не желавшая угомониться кобыла – «Ты слишком долго был среди южных равнин, Равикс, и явно надышался гнилым воздухом юга!».

- «А может, ну их к Дискорду, командир?» - заметил закипающий кентурион. Сидя с нами в землянке, возле дымящего очага, Рэйн негромко кашлял, когда дым поворачивал в его сторону, и уже давно нацепил свои гогглы, спасая глаза от разъедавшей их атмосферы, царившей в этом полуподземном жилище, пропахшем старой едой, старой одеждой и чем-то, что я могла бы назвать только стариной. Сходившиеся над нами стволы деревьев уже давно лишились своей коры, и в неподвижном воздухе причудливо мерцала опадающая с них сажа, словно черный снежок, словно прах ушедших лет.

- «Поясни».

- «Они нам тут не рады. Мы, честно говоря, тоже» - наотмашь рубанул правду пегас – «Мне совершенно не улыбается получить тут в бок меч или халберд лишь потому, что нужно помочь местным грязноногим справиться с ихними проблемами!».

- «Рэйн, Рэйн, какие слова ты употребляешь в обществе наших северных друзей!» - помимо моей воли, в мой голос закралась слышимая не только мне издевка – «У нас есть приказ, у нас есть задачи. Не стоит вот так сразу портить отношения, правда?».

- «Какие отношения, командир? Подождем, пока их грифоны не угонят в рабство, а потом и пацифицируем всю территорию. С какой стороны не погляди – нам одна польза и выгода».

- «Да?! А жратаньки вы что будете, а?» - не утерпев, подорвалась с места каурая – «Вы еще нас на помощь звать будете, железные бошки!».

- «А грифоны сено не едят!» - нагло ухмыльнулся ей в морду розовый жеребец – «Так что нам же больше достанется!».

- «Интересный план...» - шмыгнув сопливящимся носом, я поворошила веточкой гудевшее в очаге пламя – «И не лишен своеобразной элегантности. Но ты забыл об одном, Рэйни...».

- «О чем же?».

- «Они – тоже пони» - вздохнув, откликнулась я, отбрасывая надоевшую мне ветку. Вся эта землянка, все эти вонючие лежаки и нестерпимый, въевшийся в бревна запах гари – все это давило на меня, заставляя крылья подрагивать от нестерпимого желания выбраться из затхлого, убогого жилища северного народа. Вновь ощутить ветер, бросающийся под крыло. Как жаль, что это почти невозможно...

«Эх, старик-старик. Ну почему ты, как медведь, зимой вечно заваливаешься в спячку?».

«Правда? И почему же невозможно? Просто встань - и выйди. И если им это нужно, то они сами потянутся за тобой. А если нет - то зачем они тебе?».

«Политика».

«А война - продолжение политики другими средствами, детка. Не давай говорунам ослепить тебя словесами, запутав в собственных интригах. Они - лишь смазка, позволяющая функционировать сложному государственному механизму. Но когда приходит беда - угадай, какой смазкой пользуются все, без исключения, народы?».

«Кровью, конечно же» - бледно хмыкнула я. Горький дым стелился над потолком, опускаясь на наши фигуры, отчего мне казалось, что сидевшие напротив меня пони медленно колышутся в этом затхлом мареве, окутавшем землянку - «Вот уж не думала, что я настолько подкована в политике!».

«Кровью смелых. Кровью доблестных. И кровью тех, кто заслонит собою других. И именно это сберегло в прошлом множество жизней. Кровь, а не словеса».

Подняв голову, я увидела, что окружающие безмолвно таращатся именно на меня. Поднявшись, я поглядела на них – темные фигуры в сером дыму – и медленно поднялась из землянки, давая возможность понять, давая время осмыслить свой жест – довольно демонстративный, конечно. Запрокинув голову на пороге, я с наслаждением вдохнула холодный, кусачий, но такой чистый и свободный воздух, не скованный куполом из переплетающихся, древних стволов. Казалось, достаточно было взмахнуть только крыльями...

- «Командир!».

- «Раг, ты куда-то собралась?».

- «Мы сами справимся, слышите?! Сами!».

Оглянувшись, я посторонилась, и молча глядела на вылезавших из старой землянки. Успевшие основательно подкоптиться, пропахшие дымом и вонью, они громко выкрикивали какие-то слова, но быстро умолкали, видя мою неподвижную фигуру, стоявшую на фоне истоптанного копытами снега. Я вновь обвела их глазами – пегаса, земнопони, и северянку, имевшую крылья пегаса, и душу дремучего лесовика. Как они были похожи...

«Свят-свят-свят! Что-то мне в голову лезет уже совершенно безумное!».

«Сие не безумие. Ты просто начала понимать» - негромкий, грацирующий голосок ласково лизнул мои мысли, звуча не в ушах, а в самой голове – «Прекрати уже сомневаться и мучаться, а просто бери, и веди за собой тех, кто готов. Тех, кто верен. Тех, кто будет полезен. А остальные...».

«А остальные отправятся в отвал?» - от этой мысли мне стало горько, словно я, ненароком, вдруг прикоснулась к тому, ушедшему от нас миру, в котором можно было использовать кого и что угодно для достижения собственных целей – «Остальных просто выбросить за борт?».

Ответа не последовало. Притих даже ветер, негромко гудевший среди высоких деревьев, и далеко-далеко разносились по воздуху скрипы копыт, которыми озябшие

легионеры месили хрусткий наст, превращая подмерзшую корочку в рыхлую целину. Интересно, а куропатки тут водятся?

- «Что, прости?» - оглянувшись, я увидела Нэтл, подкравшуюся ко мне со спины, и внимательно глядевшую на меня, словно и впрямь ожидая ответа на свой вопрос. Странно...

- «Ты что-то говорила... Ну, или бормотала себе под нос» - осторожно просветила меня рыжая кобыла, опасливо косясь на меня, словно на буйнопомешанную – «Что-то про куропаток».

- «Вон, видишь? Снег стал плотным» - мое копыто указало в сторону дальнего угла площади, еще не испорченного копытами и лапами зверей или пони – «Я читала, что куропатки ныряют вечером в снег, для ночевки, но если утром пройдет мокрый снег, или наоборот, подморозит после оттепели, то они оказываются в плену, и задыхаются, не в силах разбить плотный, смерзшийся наст».

- «Возможно» - пожал плечами Равикс, без особенного интереса глядя на заснеженный лабиринт, стены которого доходили ему едва ли до холки – «Я не специалист по пернатым. Вот снежные черви тут могут водиться – их всегда тянет к широким, немного холмистым долинкам».

- «Да. Поэтому вам лучше собираться в дорогу. А то без копыт останетесь, не зная наших лесов!».

- «Я вызволю ваших пропавших. Пусть даже это и будет такой же глупостью, как помощь застрявшим куропаткам, которые следующим же утром, вновь окажутся в снежном плену»

- повернувшись, я твердо взглянула в зеленые глаза хамившей напропалую пегаски. Осекшись, та вздернула голову и приготовилась вякнуть мне что-то еще, но копыто серого жеребца, намекаяще прикоснувшееся к ее ноге, заставило нервную дамочку поперхнуться заготовленной фразой – «Думаю, что вы знаете, где они могут находиться. Ну, или догадываетесь об этом. Поэтому давайте сэкономим друг другу немного времени, и выясним, где находятся плохие грифоны, утащившие куда-то глупых, но от этого не менее симпатичных мне пони. Пусть даже не все они этого заслуживают».

- «Ну и зачем ва... Ладно, ладно» - сдавшись, буркнула та, столкнувшись взглядом с пристально поглядевшим на нее земнопони – «Ты прав, белогривый. Но я должна была сделать это сама. Сама, понимаешь? Это было очень важно для моей матери, и даже если я не собираюсь становиться Первой Матерью Олд Стампа, это не значит, что я не могу быть верной дочерью своего бурга, пусть даже не все это признают!».

- «Не претендую на лавры освободительницы» - буркнула я, игнорируя удивленно раскорячившиеся уши Нэтл – «Ты гордо извлечешь их из узилища, как и положено хорошему вождю. Мне же нужен результат, а не почести, ясно? Итак, кто к вам приходил, и приходил ли вообще?».

- «Никого за эти две недели» - замотала головой каурая, отчего ее длинная, до земли, грива с шуршанием хлестнула по боку стоявшего рядом жеребца – «Поэтому мы сами разослали лазутчиков».

- «И откуда же они не вернулись?».

- «Откуда ты... Ну да, не вернулись. Тебе об этом Первая Мать рассказала?».

- «Нет. Она всячески пыталась скрыть сам факт того, что у вас неприятности» - я дернула щекой, услышав за спиной покровительственные смешки подчиненных – «Правда, скрыть пару десятков грифонов в вашем городке ей так и не удалось. Странно, правда? Итак, откуда не вернулись ваши пони?».

- «Погоди, так ты была у нас?!» - уже не на шутку опешила пегаска, переводя взгляд то на меня, то на Равикса, с отстраненным видом слушавшего наш разговор – «Но тогда как же... А где же тогда унгоны? Они ушли?».

- «Не совсем. Они все еще там, но уже далеко не как захватчики, и сомневаюсь, что как гости!» - отрезала я, ощущая, что запас моего терпения начинает иссякать – «Один в клетке сидел до нас, а теперь его компания несколько расширилась. Короче, где они пропали, ты можешь сказать, или нет?!».

- «На юго-востоке!» - вздрогнув от моего окрика, выпалила бежевая кобыла – «Эй, не ори на меня, ясно? То, что ты путалась с этим репоголовым мулом еще не значит, что ты можешь...».

- «Конечно же нет. Равикс, что там, в этом направлении? Кажется, эта ваша река?».

- «Приблизительно. Это холмистая местность, изрезанная оврагами и балками. Возможно, есть речки и ручьи. Я ни разу не был в тех местах, да и никому не советую – особенно сейчас».

- «Почему? Там так много чудовищ?» - поддела я серого жеребца. Покрутив головой, я заметила Лиф, без дела шатавшуюся по обвалившемуся краю стены, и поманила ее к себе копытом. Мгновенно воспрянув духом, та едва ли не падая, бросилась в нашу сторону, по пути опрокинув еще парочку легионеров, сердито выругавшихся вслед неугомонной пегаске.

- «Там так много унгонов» - фыркнул он, шагнув в сторону и давая дорогу приземлившейся синей ракете, в спешке, зацепившейся крылом за камень, и проделавшей большую часть пути до моих ног на собственном брюхе – «А им, как ты понимаешь, охотники на чудовищ не нужны. Хотя...».

- «Хотя что?».

- «Хотя я слышал, что кое-кто из моих знакомых там побывал... Да, кажется, это было связано с каменной гидрой. Несколько лет назад его наняли для зачистки какой-то пещеры, в которой завелось чудовище, и кажется, он отправлялся именно в те края. Жаркое дельце было, если верить его словам – там кто-то решил поселиться, и зачем-то разворошил большую скалу, под которой обнаружилась небольшая пещера. Ну, а в самой пещере, конечно же, гидра».

- «И что же было дальше? И что это за гидра такая? Как выглядела? Опасная?».

- «Дальше? А дальше не было ничего» - пожал плечами земнопони, старательно отводя глаза от Лиф, затеявшей у ближайшей стеночки разминку – «Гидру он положил, но и сам едва жив остался. Здоровая это зверюга, хотя и не такая большая, какие бывают на юге, в Вечнодиком лесу. Но в узкой расщелине и самой пещере три головы куда как лучше одной, а его наниматели, не пожелавшие марать себя общением с такими как мы, «забыли» предупредить, что сами пытались справиться с монстром. Но только его разозлили».

- «Поучительная история» - разочарованно буркнула я – «Увы, нам будет противостоять не какой-нибудь зверь, а самые настоящие птицы, поэтому нам придется что-то придумать... Рэйн! Есть идеи?».

- «Большую группу заметят. Значит, нападём на закате?».

- «Логично. Но что мы заметим в лесу, в темноте?».

- «Ээээ... Может, выслать разведчиков?».

- «Можно. Но если их заметят? Вон, лесовиков, живущих в этих местах, и тех схватили, а уж нас... А если у них есть какая-нибудь трехголовая, семикрылая и десятиху... Кхем... В общем, гидра. Представляешь? Аааам! – и нету разведки».

- «Тогда пойдем всей стаей! Да еще и оставшихся прихватим – нечего им в городе прохлаждаться!» - начал горячиться пегас, резко взмахивая копытом – «Я считаю, что нужно ударить – быстро и смело! Как тогда, возле крепости! Что б только перья от этих грифонов и полетели!».

- «Возле крепости? И что там у вас случилось?» - без особенного интереса осведомилась Нефела. Оставшиеся в лагере земнопони, не спеша, вылезали из своих землянок, и неловко поправляя тряпичные плащи и попоны, один за другим, вставали за спиной мохноногой пегаски – «А главное, возле какой из них? В этих лесах много руин, когда-то принадлежавших великому народу, и когда-нибудь, мы восстановим былое величие наших предков».

- «Да кто его знает. Какая-то крепость, какие-то грифоны...» - протянула я, искоса взглянув на настороживших уши четвероногих. Прошло всего-ничего с момента, когда мы сделали первые шаги из Новерии, вступив в эти нехоженые эквестрийцами земли, а моя параноя уже цвела пышным цветом, заставляя подозревать всех и каждого в пособничестве пернатым ублюдкам – «Столкнулись, подрались. В общем, ничего интересного, как говорит один мой кентурион. А просто так, крупом вперед мы лезть не будем. Мы поступим вот как...».

Полет на юго-восток не прошел без неожиданностей. Как и говорил Равикс, сосновые леса под нашими крыльями постепенно сменялись жидкими рощицами, состоящими из более привычных для эквестрийцев дубов и берез, редким пушком покрывавших белеющие снегом холмы и глубокие балки, вившиеся у подножий этих холмов. Перетекая одна в другую, они походили на хорошие дороги, и я долго недоумевала, как могли северяне или грифоны пропустить столь хорошее место для множества поселений, не превратив ее в аналог Гардарики², а ограничившись одной лишь узкой полосочкой санного пути... Впрочем, объяснение этому нашлось довольно быстро. Уже через пару часов полета крыло, шедшее в авангарде, вдруг нырнуло куда-то вниз, не оставив после себя даже караульного, заставив меня быстрее заработать крыльями, а Рэйна – негромко ругнуться от столь вопиющей халатности, да еще и в условиях, максимально приближенных к боевым. Учишь их, учишь, а толку...

Причиной столь резкого исчезновения стал небольшой дом, притаившийся в склоне очередного холма. Добротный каменный фасад, украшенный толстыми, многогранными

² Скандинавское название древнерусского государства.

колоннами, скрывал за собой целое здание, выстроенное, или лучше было бы сказать, выкопанное в теле холма, и состоящее из нескольких ведущих вниз коридоров, каждый из которых оканчивался небольшой комнатой. Каменные стены его были сложены из неровных, но тщательно обработанных и подогнанных друг к другу камней, а каждая притолока, каждая колонна и косяк, коих немало обнаружили мы в этом странном доме, были украшены грубоватым, но приятным глазу орнаментом. Освободившись от сбруи, успевшей меня откровенно утомить, я отправилась на прогулку по этому сказочному домику, чем-то неуловимо напоминавшему о старинных сказках про гномов, и не сразу обратила внимание на мечущуюся по коридорам Нэтл, запутавшуюся в наклонных поверхностях, ребристых, словно доска.

- «Эй, ты не меня ищешь?».

- «Слава богиням, ты тут!» - простучав копытами по камням, которыми был ложен пол, выдохнула она, останавливаясь вместе со мной возле небольшого очага – «Это не дом, а какой-то лабиринт!».

- «Всего три коридора, три комнаты, прихожая и чулан. Да, действительно, лабиринт» - усмехнулась я, глядя на странное подобие печки – «Гляди, какая вещь. Тут явно живет представитель высокоорганизованного сообщества, скорее всего – даже народа, причем древнего, этого у них не отнять».

- «Пач-чиму ты так решила?» - поперхнувшись какой-то заготовленной фразой, опешила рыжая пегаска. Мельком оглядев заинтересовавшую меня печку, она уставилась на меня с таким видом, словно у меня вдруг выросла еще одна голова – «Почему ты так решила? Ты серьезно не знаешь, кто тут живет?».

- «Откуда? Я же в первый раз в этих местах, как и ты» - пожав плечами, я двинулась по комнате, разглядывая украшавшие каждый угол колонны и каменные плитусы, так же украшенные неказистой, но тщательно выполненной резьбой – «Но погляди на сам дом. Видишь этот орнамент? Он явно выполнен по определенным канонам, и украшает все мало-мальски значимые поверхности в этом доме. А печка? В каждой комнате есть вот такой вот, напоминающий перевернутую чашку очаг».

- «Ну и что?».

- «Они одинаковы. Видишь, вот тут, у каждой печи есть опоясывающая ее полочка, а трубы выведены наружу через вот этот каменный набалдашник, в котором, скорее всего, проделаны извилистые дымоходы. Потрогай, какой он горячий – ничуть не холоднее самой печи!» - я оглянулась, стараясь представить себе тех, кто жил в этом доме. Как пользовались они окружающими нас предметами, и как рождались эти предметы под влиянием анатомии и психологии этих существ. Как изменялись и угасали, уступая место чему-то новому, скрывавшемуся до поры под старой оберткой из привычных форм и резных украшений. Наверное, Луна была в чем-то права, и ее уроки для меня были не совсем бесполезны, судя по круглым глазам таращившейся на меня Блуми Нэтл – «Или вот кровать. Круглая каменная миска с набросанными в нее тряпками и одеялом. Они одинаковы в каждой из комнат, покрыты одинаковой резьбой, но вот у этой вот, например, отбит набалдашник на ручке, а заменить его никто не спешит – значит, штука не эксклюзивная, а вполне обыденная. Поэтому я вижу тут целый народ, уже давно и прочно владеющий множеством ремесел, и обладающий цепкими конечностями – вон, разбитая

кружка лежит, но пони вряд ли смог бы пить из такого вот узкого и высокого бокала. Значит...».

- «И? Кто же это?» - не на шутку заинтересовалась рыжая, задорно блеснув глазами в полумраке комнаты, подсвеченной лишь огнем, негромко потрескивавшим в очаге.

- «А хрен его знает!» - подумав, выдала я. Стоявшая напротив кобыла звонко стукнула себя по лбу копытом – «Огонь не потух, кружка разбита возле кресла – интересно, они все на свете делают из камня, включая мебель? – на кухне булькает какой-то вкусный суп... Думаю, жители не могли далеко уйти, верно? Я бы с удовольствием познакомилась бы с этим народом».

- «О да! В чулане сложены мертвые животные, во дворе висят сети, а на кухне варится какая-то чудовищная похлебка, в которой плавают чьи-то кости! А запах...».

- «Эй! Нормальный запах ukhi!».

- «Не знаю, что означает это слово, но я думаю, что тебя отравили!» - безапелляционно заявила Нэтл, хватая меня за нечесанный хвост, и припуская на выход из дома – «Жапах ей, фитите ли, нхафится! Умные шлофа кофорит! Шкорее, на фостух!».

- «Эй, это ты так сейчас намекнула, что я тупая кобыла?» - зарычала я, без особенного эффекта пытаюсь упираться всеми четырьмя копытами в дощатый пол – «А в морду?!».

- «Ты фама так говорила!».

- «Нашла кого слушать! А ты вообще сейчас говоришь как... Грифон?!».

- «Точно» - увидев, в каком виде мы вывалились из домика, мой отряд весело зафыркал, впрочем, не слишком удивленный таким появлением своего командира. Обернувшись, я мигом забыла, о чем хотела сказать, и уставилась на грифона, понуро стоявшего возле наших бойцов – «Вот, погляди, кого мы поймали!».

- «Сами поймали?» - поднявшись, я выдернула хвост из зубов Нэтл, быстро прикрывшейся копытом от удара им же, по морде. Я немного ошиблась – грифонов было трое, и на какого-то серьезного противника они не тянули. Ну нельзя было считать таковыми мрачную грифину и двух мелких грифончиков, обхвативших ее передние лапы, и с удивлением озиравшихся по сторонам. Освободившись, я неспешно обошла нашу находку, с удивлением глядя на их потрепанные балахоны и шапочки, похожие на верблюжьи чалмы – все вещи на них точь в точь походили на те примитивные половые тряпки, которые большинство северян гордо именовало одеждой. Да, это точно не противник... Но что они делали тут, в этой глуши?

- «Сами. Да и не убежали бы они» - пояснил мне Равикс. За время моего отсутствия он не потрудился войти вслед за нами внутрь, и теперь вальяжничал, расслабленно прислонившись к лежавшему на помосте мешку с теплой одеждой, которую нам выдали жители бурга на случай, если их сородичам понадобится тепло. Признаться, меня несколько покорила та подозрительность, с которой они пересчитывали эти грязные тряпки перед тем, как сложить их в мешки – думаю, я не надела бы на себя эти плащи и попоны даже под угрозой немедленного превращения в статую, навечно застывшую в одном из коридоров дворца.

- «Это их дом».

- «Это?» - я удивленно оглянулась на так понравившееся мне жилище – «Но...».

- «И они тут живут. Ни с кем не воют, а просто живут» - отбросив благодушный вид, земнопони двинулся ко мне, понижая и без того глуховатый свой голос – «Тебе и впрямь от них что-нибудь нужно? У них тут явно нет никаких сокровищ».

- «Сокровища? Вот они, мои сокровища!» - сердито курлыкнула грифина, опуская крылья, и прикрывая ими своих детей, испуганно посверкивавших на окружающих их бронированных пони любопытными глазенками. Акцент в ее голосе был почти не заметен - «Забирайте уже, что хотели, и проваливайте! Оставьте только детям немного, на прокорм. Вы ж все равно это не едите, проклятые!».

- «Ну, от хорошей ухи я бы не отказалась...» - задумчиво произнесла я, не обращая внимания на сердитый вид птицекошки – «Но мы сюда пришли не за этим. Какие еще крупные поселения есть в этих местах?».

- «Ничего я не знаю!» - зло, с отчаянием каркнула грифина, подбирая к себе поближе цеплявшихся за нее детей – «Берите то, что вам нужно, и улетайте!».

- «Судя по всему, ты уже встречалась с пони, верно?» - подошедший к нам Равикс заслонил от меня рыbachку, словно опасаясь, что я немедленно брошусь на нее и начну учинять допрос с пристрастием, хотя я и в мыслях не допускала подобного исхода нашей встречи. Ну что могут знать прозябающие в этой глуши крестьяне и рыбаки?

«Опасное заблуждение, дорогуша. Высокомерие - это первый шаг к поражению».

- «Да. Приходили. И что же? Я не знаю, куда они ушли!»

- «И кто это был?».

- «Я не знаю» - усевшись прямо на снег, обессиленно выдохнула птицекошка. Похоже, она была уже не столь молода, и лишь присмотревшись, я заметила сточенные работой когти на птичьих лапах, и начавший выцветать и трескаться клюв. Никаких украшений ни на ней, ни на ее детях, не было и в помине – лишь грубая, некрашенная одежда домотканого полотна, еще крепкая и ладная, но уже залатанная во многих и многих местах – «Не местные, да и нет тут, у нас таких, как вы. А таких вот, в железе, не было никогда, это точно».

- «А какие же были?» - продолжал допытываться Равикс. Негромко, настойчиво, словно выпрашивающий о здоровье родственников сосед, земнопони беседовал с грифиной, старательно закрывая от ее глаз наши заинтересованные морды, сверкавшие шлемами с разноцветными щеточками и шишаками - «И успокойся, не тронет тебя тут никто. Слово даю».

- «Конечно. Слово пони!» - сарказму в ее голосе мог бы позавидовать иной дворянин.

- «Несмотря на некоторую поспешность, которую проявил мой знакомый, он, в сущности, прав» - высовывая голову из-за плеча серого жеребца, пространно высказалась я, внимательно глядя на сидевшую передо мной химеру – «У тебя хороший дом, двое детей, и супруг наверняка какой-нибудь имеется... Но нас это все не интересует. Вообще. А вот то, где могли спрятать два десятка земнопони из соседнего бурга – это нас оооочень интересует. Поэтому ты можешь сказать, где у вас тут есть крупное поселение, а можешь и не говорить... Но лучше бы уж тебе сказать это сразу».

- «Да... Дом, супруг, дети...» - вновь замкнулась в себе грифина. Недовольно дернувший плечом Равикс обернулся, укоризненно и даже зло поглядев мне в глаза своими желтыми, похожими на грифоны, гляделками – «А что осталось? Все, что было, ушло на похороны

супруга, убитого этими вашими пони в том замке! Остатки забирают бейлифы, да и то – оставляют хоть деткам на корм. А теперь еще и вы...».

- «Понятно» - буркнула я, вспоминая ящик с мороженой рыбой, стоявший в углу холодной, неоттапливаемой кладовки, и с сожалением понимая, что мои мечты об ухе куда-то испаряются, уносимые прочь отзвуками воркующего голоса и звоном тонкой цепи, за которую меня тянули к роскошной постели когтистые грифоньи лапы – «Но та же участь грозит и семьям тех, кого забрали твои сородичи, понимаешь?».

- «А мне-то что с того?» - в голосе птицекошки проклюнулась скрываемая доселе злость – «Это вы там воюете! Вы сжигаете замки и поднимаетесь против исконных хозяев этих земель! Вы, а не «мои сородичи», ясно? Это одну из вашего рода называли Мясником, а не нас!».

- «Ясно, ясно. Остынь» - нахмурившись, я сердито зыркнула на Равикса, словно по волшебству, вновь оказавшегося между нами, но уже стоящего мордой ко мне – «Так значит, не было тут никаких пони?».

- «Я никого не видела, ясно?».

- «Хорошо. Рээээйн!».

- «Я дал слово, что с ней ничего не случится» - напряженным, словно струна, голосом проговорил серый жеребец, намекаяще постукивая копытом задней ноги по свисающим с бока ножнам.

- «Рэйн, собираемся!» - не обращая внимания на борцуна с агрессивной фауной севера, гаркнула я, заставив эхо начальственного рыка заметаться среди пологих холмов – «Направление – на юг! Общем эти холмики, и сами найдем то, что нам нужно! А вот если узнаем, что кто-то тут нас обманул...».

- «То что же?».

- «Тогда я вернусь и закончу то, что не доделали когда-то с этим домом» - как можно более буднично проговорила я, стараясь не сипеть на миг сжавшимся горлом. Резко повернувшись, я двинулась прочь, к лежащим в снегу постромкам, не глядя ни на суетившихся вокруг легионеров, ни на стоявшего возле грифины земнопони, так и застывшего с приподнятой задней ногой.

«Когда-нибудь нам всем приходится отдавать свои долги. И этот народ задолжал тебе много больше, чем они могут представить себе в самых страшных кошмарах».

- «Думаешь, она справится?».

- «Сначала ты посылаешь ее в логово врага, а теперь начинаешь сомневаться в принятом решении? Я восхищен!».

- «И чем же? Моей обаятельной улыбкой? Или симпатичными крылышками?».

- «Скорее, твоим чувством юмора. А так-же стандартным кобыльим складом ума».

Сидя на облачке, застывшем над вершиной раскидистой сосны, я внимательно наблюдала за тем, что творилось в поместье. Компактное, расположенное на парочке крупных холмов, оно могло похвастаться двумя большими, напоминающими перевернутые чашки зданиями, которые я уже успела мысленно окрестить «бункерами», и

кучей мелких домов, по традиции, вырытых в склонах холма и окружавшей поместье земле. Как выяснилось, такие дома были стандартными для зодчих-грифонов, и несмотря на наличие у их обладателей крыльев, считались надежными и уютными, в чем, с легким сердцем, я была голова целиком и полностью согласиться. Пожалуй, можно было бы вырыть что-нибудь подобное и в Понивилле... В конце концов, почему Твайлайт можно жить в дереве, Дэш – на облаке, Флаттершай – в землянке, а Пинки и Рарити – в магазинах? А я? А мне? В волшебном мире мы живем, или нет?!

- «Если ты сейчас раздумывала над тем, комплимент это был, или нет, то не мучай свою лохматую головку, и считай, что это он и был» - приглушенным голосом пробурчал Равикс, внимательно щуря блестящие в полумраке глаза. Удобно устроившись на верхушке сосны, куда его забросила пара пегасов, он лишь однажды завистливо вздохнул, покосившись на нашу прохладную лежанку, притащенную крылатыми легионерами, орошавшую сосновые ветки непрекращающимся снегопадом. Должно быть забавное со стороны, это зрелище заставило меня немного понервничать от мысли, что не совсем уж тупые грифоны обязательно должны были заметить такой вот природный катаклизм, уже насыпавший у подножия дерева приличный с виду сугроб – но все обошлось. Желаящих выяснить, насколько низко висят над ближайшим леском облака среди грифонов не находилось, и как я выяснила еще в предыдущее свое посещение этой части известного мне мира, орлиноголовое племя отнюдь не стремилось шараться где-нибудь по ночам. Быть может, это ощущение незащищенности и заставило их строить те самые каменные города, о которых я столько слышала от видевших их когда-то пони?

- «А? Что?».

- «Потише!» - шикнули на меня несколько голосов, заставив смущенно уткнуться носом в холодный войлок тучи – «Не нужно так кричать, командир».

- «Это все он!» - приглушив голос до едва слышного шепота, не преминула нажаловаться я, ткнув копытом в сторону захрустевшего ветками земнопони – «Он меня раздражает. И кстати, народ, сколько грифонов покинуло это место? Кто-нибудь считал?».

- «Сорок».

- «Тридцать улетело, еще десять осталось».

- «Еще какие варианты?» - строгим шепотом поинтересовалась я. Рэйн, Клауд и Лиф смущенно отвели взгляд, так и не сойдясь во мнениях по поводу того, сколько наших противников еще оставалось в этих казавшихся неприступными стенах – «Ну-ну. Их там штук двадцать, не меньше. Плюс слуги, плюс прочий пернатый народ. Ушло ровно сорок ваза, и один настоящий риттер. Значит...».

- «Значит, там есть еще один!» - радостно стукнул копытом по облаку розовогривый пегас, за что тут же получил свою порцию шиканья и сердитых шепотков. Странное дело – вместо того, чтобы сосредоточиться и отнестись к предстоящему нападению с должной серьезностью, мы шутили и пересмеивались, словно школьницы, впервые обнаружившие окошко в душевую, и я, с каким-то непонятным облегчением поддавалась этому чувству, которое Древний охарактеризовал бы как вседозволенность, а что-то внутри, в моей черепушке – простым и понятным словом «свобода». Да, наверное, это было именно то слово, которое я произнесла бы, доведись мне описывать эти ощущения где-либо еще, кроме страниц этого дневника. Услышав радостный шепот Рэйна, я вздрогнула от

какого-то радостного предчувствия, обещавшего мне что-то очень интересное, в отличие от той армейской рутины, которой я занималась все это время...

- «Еще один остался в буре! Забыл?».

- «Так, захлопнулись!» - наконец-то найдя нужное слово, я ободрилась, ощущая, как все стало на свои места. Сомнения, витавшие в моей черепушке, рассеялись, и я почувствовала небывалый душевный подъем, предчувствуя неплохое развлечение – «Судя по отсутствию тревоги, нашу храбрую разведчицу еще не обнаружили, что довольно странно. Но думаю, скоро это изменится, поэтому слушай меня сюда: Рэйн, Лиф и Колт летят со мной. Вспоминаем наши уроки – скрытное проникновение. Остальные – бьют в лоб, пока мы заходим с тыла. Все понятно?».

- «Тебе не следовало ее отправлять, потакая ее желанию выделиться из общей толпы» - негромко прошелестел Равикс со своей ветки – «Нужно было изначально пойти самой».

- «Да? А ты этому не особенно и противился, как я погляжу!» - хмыкнула я, рывком распуская завязки короткого пегасьего попоны-плаща, способного выдать нас предательскими хлопками – «Знаешь, Равикс, если ты хочешь исповедовать какой-то там принцип невмешательства в делах других, о котором говорила Первая Мать, то прошу, не пытайся читать нотации мне, ладно? Ты-то сам отчего в разведку не пошел? Ах, не твое дело... Тогда и мне не указывай, как мне поступать!».

Сказать что-либо еще я уже не успела – у входа в поместье, лишенное, кстати, каких-бы то ни было стен, и окруженного лишь низеньким каменным забором послышался нарастающий шум, и в следующий момент мы заметили каурую пегаску, стремительно вылетевшую через какую-то дверь в основании одного из двух «бункеров», и рванувшую в нашу сторону, явно напрочь позабыв о тех советах, которые ей, перед уходом, дали наши близнецы. Впрочем, ее легко было понять, ведь опутавшая крылья и тело мелкая чешуйчатая сеть, вкуче с какой-то веревкой на шее, совершенно не способствовали сохранению здравого рассудка, как, в общем, и пяток грифонов, вылетевших вслед за беглянкой практически из каждой двери одного из куполообразных домов. Увидев эту картину, серый жеребец с громким хрустом полетел в темноту, в попытке побыстрее добраться до подруги немилосердно обдирая и ломая на своем пути ветки несчастной сосны, и мне ничего не оставалось, как скомандовать атаку, смутно надеясь, что окружавшие меня пегасы, с которыми я начинала создавать Легион, поняли мой план.

К счастью, он был не так сложен, поэтому долгих объяснений и не потребовалось.

Скользнув вперед, облако покинуло скрывавшие его вершины деревьев, и остановилось у кромки леса. Увидев серебрившуюся тучку, хорошо заметную в свете факелов и фонарей, ярко освещавших поместье, Нефела дернула к нему, сопровождаемая свистом и улюлюканьем загонявших ее пернатых, но не успев добежать до спасительных деревьев каких-нибудь сто метров, запнулась и повалилась на землю, вздымая вокруг себя хлопья потревоженного снега, и нелепо дрыгая запутавшимися в сетке ногами. Ловчая снасть все-таки сделала свое дело, и мне оставалось лишь посочувствовать каурой, вспоминая, насколько увесистыми могут быть деревянные шарики, утяжеляющие такие вот сети. Увидев, что добыча наконец-то отбегалась, пятерка врагов притормозила, и, словно стервятники, сделала над нею пару кругов, что-то хрипло выкрикивая своими пронзительными голосами, после чего, резко бросилась вниз, навстречу серой фигуре,

вступившей в круг света, и вставшей над поверженной пегаской. Большого я рассмотреть не успела – путь вел нашу группу в обход потревоженного поместья грифонов, и нам оставалось лишь работать крыльями, прислушиваясь к раздавшимся где-то позади, воинственным крикам – похоже, в дело вступила оставшаяся на облаке часть легионеров, отвлекавшая на себя, и принимавшая удар большей части вражеских сил.

Тогда я еще не знала, что вскоре это станет моим кредо, настоящей визитной карточкой Легиона.

«Надо бы нам придумать клич какой-нибудь, да пострашнее» - думала я, слыша разливавшиеся в воздухе визги птицекошек. Издалека, они мало отличались от протяжных, печальных воплей какой-нибудь тоскующей чайки или символа американских прерий – лысого орлана, за что-то прозванного белоголовым орлом, но я прекрасно помнила, насколько пронзительными и деморализующими эти вопли были вблизи. А уж когда ты слышишь вопль десятков и сотен птичьих глоток, и видишь несущиеся в твою сторону сабли и ножи...

«Нет, определенно, с этим нужно что-нибудь делать. Помнится, римлян так впечатлили встреченные ими в Пунических войнах слоны, что подхваченный ими у этих животных крик «Бар-раааа!» еще долго гремел на просторах античного мира...» - держась на границе леса, чтобы не выдать себя раньше времени предательским блеском брони, мы обогнули поместье, и расправив крылья, неслышно спланировали ко входу в один из бункерообразных домов, возвышавшийся на добрый десяток метров от заснеженной, хорошенько утоптанной, и посыпанной песком земли. Да, кудряво жили местные «аллес грифонен»... Как я и подозревала, в самих домах уже давно не спали – поднятый нами шум сам по себе вряд ли способствовал созерцательному взгляду на мир, но для меня было важно то, что там, за подсвеченными окнами, явно кто-то был, но увы, рассмотреть что-либо через узкие, вертикальные окошки, затянутые чем-то вроде дутого стекла или слюды, было решительно невозможно. С другой стороны, это играло на нас, ведь вряд ли кто-то сможет увидеть сквозь эти грубые подобию стекол четыре тени бывших ночных стражей, крадущихся вдоль покато́й стены одного из пузатых домов.

«А может, взять именно его, и не мучаться?» - увы, наши поползновения закончились довольно быстро – войдя через плохо прикрытую дверь, не хлопнувшуюся лишь благодаря валику снега, налипшему на нижнюю часть широкого каменного косяка, мы, нос к клюву, столкнулись с пятеркой грифонов, гремевших чем-то стальным в небольшой комнатке, расположенной справа от входа. Увидев заскакивавших в дверь одоспешенных пони, пернатые завопили, словно застигнутые в душе купальщицы, и бросились куда-то назад, грохоча оружием и сталкиваясь с теми, кто пытался выйти из комнаты на их зов.

- «Бар-ра!» - громкий, вырвавшийся у меня вопль был рожден не безумной храбростью, а скорее, просто тем, что именно он крутился у меня в голове, помимо моей воли, пытавшейся отвлечься от волнения, как обычно, понемногу накатывавшего на меня в горячке любого боя, с помощью пространств рассуждений. Наверное, если бы не это, то я бы уже давно бегала кругами, прикрыв для надежности, с помощью крыльев, глаза. Издав героический вопль предков, в моем исполнении напоминавший визг придавленной таксы, я бросилась вперед, стремясь как можно быстрее ополовинить количество врагов, любезно подставивших нам свои не прикрытые броней спины. Так же поступили и Рэйн с

Колтом, с негромким хрустом вонзая плавно изгибавшиеся тесаки в голосивших что-то врагов, уже протягивавших лапы за копыями, мирно стоявшими возле стены. Множество полочек, держателей и полок, заваленных всевозможным оружием, подсказало нам, что мы попали в караулку, а наличие в ней еще пятерых представителей птичье-кошачьего племени – что мы попали, и на этот раз – как куры в ошип. Получившие свое повалились на пол, хрипя и катаясь по холодному камню, в то время как мы, один за другим, вылетели в коридор, получив удары тяжелыми копейными наконечниками, едва не пробившими нашу броню. Противный, пугающий скрип стали о сталь заставил меня покрыться мурашками, а раздавшийся сзади стон – резко обернуться, холодея от страха. К счастью, страшного еще не случилось – раскорячившийся у стеночки Рэйн что-то злобно хрипел, осторожно трогая укрытую кольчугой шею, уже влажную от пробивавшихся из-под нее капелек крови. Увидев мой испуганный взгляд, он успокаивающе махнул ногой, и резким взбрыком перекатился к соседней стене, уйдя от очередного удара копий, высунувшихся из караулки.

- «Царапина! Но шею нужно прикрыть!».

- «Подумаем!» - трясущимися губами рявкнула я, ощущая, как близко мы были к провалу. По сути, конечно, это и был провал всего плана по тайному проникновению, а с другой стороны... - «Все равно, оставлять их тут было нельзя! Вот вернемся, и подумаем!».

- «Мецтай, мяцо!» - каркнули из комнаты. Копья вновь высунулись из-за открывшейся двери, но мы уже давно стояли у стеночки, по бокам от входа в караулку, и сидевшим в ней грифонам ну никак не светило попасть по нам своими длинными ковырялками. С другой стороны, дверь была сделана правильно, и открывалась наружу, позволяя, в случае нужды, пересидеть небольшую осаду... Быть может, воспользоваться именно этим? Дождавшись, когда она распахнется, а стоявшие за ней грифоны – вывалятся в коридор, я бросилась вперед, захлопывая дверь и отсекая оставшихся в комнатке пернатых от той троицы, что появилась на пороге караулки. Услышав грохот двери, один из них резво повернулся, и даже успел сильно и быстро ткнуть меня коротким, кривым кинжалом, больше похожим на небольшой меч, бессильно скользящим по моей многострадальной броне. Конечно, прошли те времена, когда я, обуянная гордыней, надевала на себя два панциря подряд, превращаясь в маленький дот на четырех подрагивавших от напряжения ножах, но и придуманная нами броня, вобравшая в себя черты римских сегментарных доспехов, усиленных средневековыми кольчужными рубахами, нашитыми на войлочную подкладку, защищала едва ли не лучше, хотя и проигрывая им в весе. Но пони – не люди, и там, где мышцам и скелету последних приходилось держать в вертикальном положении и без того нелегкое тело, еще и увешанное тяжелым металлом, первые уверенно стояли на всех четырех ногах, равномерно распределяя по телу обременяющий его вес, легко посрамляя все байки о рыцарях, без чужой помощи не способных даже подняться на ноги. Отлетев на два шага назад, я зарычала, и сунувшись вперед, несколько раз, крест накрест, ударила выпущенными из поножа Когтями, достав одним из ударов не успевшего отпрыгнуть грифона. О нет, он был достаточно ловок, да вдобавок, не обременен тяжелой броней, но позади него мои товарищи уже успели сцепиться с двумя оставшимися защитниками караулки, и его контрудар, в парировании отбивший молочно-белые клинки, смазался и

завершился шлепком по стене, когда пронзенное коротким мечом Лиф тело грифона, в падении, ударило его по спине, заставив шатнуться вперед.

Что ж, на память об этом у меня останется еще один шрам, а у жертвы... У скрючившегося у стеночки грифона об этом останутся не самые лучшие воспоминания.

- «Быстрый, сволочь!» - проскулила я, длинным языком облизывая нос, на котором зияла глубоченная рана, тотчас же наполнившая мой рот солоноватой влагой – «Это просто мерзавцы какие-то! То нос мне отрежут, то ухо... Ненавижу!».

- «Это просто царапина, командир!» - пропыхтел Колт, помогая Рэину распутать завязки, удерживавшие на его шее часть кольчужной рубахи. Обнажившаяся под ним ранка и впрямь была небольшой – копьё раздвинуло плоские кольца кольчуги, но из-за размера, не смогло войти глубже, чем на пару сантиметров, по пегасьему счастью, не сумев повредить артерию или трахею – «Вон, даже кровь уже не идет».

- «Царапина?!» - привалившись к двери, я приготовилась всеми силами удерживать оставшихся грифонов от прорыва на волю, но грохот засова, входившего в дверные пазы, заставил меня удивленно отпрянуть от толстых, плотно сбитых досок – «Да она глубокая, как Большой Каньон! И это... Они чего, совсем с нами драться не хотят?».

- «Кажется, они там забаррикадировались, командир!» - объявила Лиф, дергая зубами за ручку двери. Рассчитанная на грифонов, она напоминала изгибающийся вверх штырь, и была снабжена довольно острым кончиком – вероятно, для того, чтобы те, кто не имел ловких лап, дважды подумали перед тем, как касаться ее своими слюнявыми ртами – «Ауч! Ну фот, улололафь!».

- «Что?» - отвлекшись от нежданно пришедшей в голову мысли о том, как много свидетельств вокруг меня говорило о рабовладельческом прошлом или настоящем этого вида разумных, я уставилась на облизывавшуюся пегаску – «Укололась?».

- «Ага. Вот, видишь?» - подойдя ко мне, Лиф с удовольствием распахнула рот, старательно вывалив длинный язык в попытке продемонстрировать мне царапину на нёбе. Наверное, я бы даже поверила, если бы не кончик ее языка, призывно извивавшийся и манящий меня быстрыми, непристойными подергиваниями, известными всем и каждым шаловливым – «Посмотри, какая глубокая рана! Нужно срочно отсосать из нее кровь!».

- «Лиф...».

- «Ох, а у тебя на носу просто огромная ранища!».

- «Лиф, свали!».

- «Давай, я ее оближу! Это первое, что нам советуют на занятиях по санитарному делу!».

- «Колт, убери ее подальше, пока я ее не прибила!» - зарычала я, пытаюсь выцарапать себя из объятий синей пегаски, с наслаждением и причмокиванием облизывавшей мой нос, и уже перешедшей к покусыванию губ и подбородка – «Лиф... Ммммффф... Да что б тебя! Рэйн! Мммм... Колт! Ну а вы что смотрите?!».

- «Извиняй, командир. Мы тут немного заняты» - хрюкнул от смеха розовый жеребец. Морщась от боли в шее, он, вместе с Колтом, подпирал дверь копытами, оставшимися лежать между тел погибших в схватке грифонов, упирая их одним концом в дверь, а другим – в так удобно расположенный у плинтусов орнамент. Спустя пару минут, дверь была надежно забаррикадирована, и если пернатые сидельцы попытаются выбраться из

караулки, то каждый их удар будет лишь вгонять копейные жала все глубже и глубже в твердокаменные доски двери. Закончив, жеребцы смогли наконец оттащить от меня удовлетворенно вздыхавшую пегаску, похоже, даже не расстроившуюся от мощного подзатыльника, полученного от брата-близнеца.

- «Ты что, озверела, что ли?!» - утираясь, рыкнула я, беспомощно глядя на криво ухмылявшихся пегасов – «Сейчас зима, в конце концов, а не весна! А ну, брысь отсюда! Пошла наверх, я сказала! Проверить помещения на верхних этажах, и пасть там смертью храбрых! Поняла, морда?!».

- «О даааа!» - вот блин горелый! Услышь я такой страстный выдох пару-тройку лет назад...

- «Это не зависит от времени года, Раг» - хмыкнул Колт, вместе со мной, выбегая из дома. Соседнее здание уже гудело, но никто не рискнул высунуться из дверей, поэтому я молча ткнула копытом в сторону выхода из поместья, обозначенного невысокими каменными столбиками, откуда все еще доносились грифоны вопли и шум продолжавшегося боя – «Когда пегасу чего-то очень и очень хочется...».

- «И что, сделать с этим ничего нельзя?».

- «Ну, можно поддаться этому чувству...» - нам понадобилось всего три или четыре взмаха крыла, чтобы тут же оказаться в гуще воздушного боя, кипевшего у входа в поместье. Из-за ночной темноты, грифоны держались неподалеку от каменных домов, худо-бедно освещавших расчищенное вокруг поместья пространство светом факелов и свечных фонарей, не рискуя вылетать за пределы освещенного круга, за границей которого, то и дело, исчезали фигуры легионеров. Кажется, ребята понемногу улавливали мысль, которая пришла в голову в том числе и мне, и решив хотя бы на время сбросить оковы устава и строевой подготовки, вколачиваемых в нас палками инструкторов, развернулись во всю широту своей пегасьей души. Выскочив на открытый воздух, не сдавливаемый с двух сторон куполообразными домами, мы обрушились на ближайших грифонов, возвращавшихся на освещенное место у стен.

- «А если нет?» - первый успел обернуться, и получить в грудь свои сантиметры белых, как снег, клинков. Слегка изогнутые, они позволили мне извернуться в полете, и поджимая одно крыло, крутануться, швыряя захрипевшее тело на остальную троицу, уже нацелившую на меня свои копыта.

- «Тогда остается только отвергнуть» - выкрикнул державшийся рядом со мной Колт. Я намеренно не стала посылать его на проверку здания, подозревая, что вместо обыска этажей они отвлекутся на обычную пегасью склоку – «Жестоко, конечно...».

- «Не одобряешь?» - очередной удар крыльями, подбросил меня вверх, позволяя обрушиться на разлетевшихся в стороны врагов, по одному выводя их из строя. На этот раз я била по крыльям, стремясь ссадить клювастых химер на заснеженную землю, за что и поплатилась, едва не пропустив сильный, выверенный удар под распахнувшееся крыло. В отличие от остальных, я не могла неподвижно висеть на одном месте, и была вынуждена наскакивать на крутившихся в воздухе противников, ловко отмахивавшихся от меня становившимися все точнее и точнее ударами коротких копий, куда как удобных в таких вот воздушных боях, и если бы не удар одного, заставивший меня заполошно шарахнуться в сторону от кола другого... Извернувшись, я вновь ударила крыльями, до

боли напрягая мышцы спины и плечей, и резким рывком оказалась между двух птицекошек, не ожидавших подобного маневра. Огромные крылья заставили их инстинктивно вжать головы в плечи, спасаясь от свистнувших над ними маховых перьев, и уже через мгновение – с криками выронить копыта, держась за распоротые моими Когтями бока. В такой вот контактной схватке они были просто незаменимы, и я дала себе обещание как можно быстрее озадачить Сталлионград созданием удобных и практичных накопытников для пегасов, позволивших бы им орудовать оружием так же легко, как своим собственным копытом. Конечно, мне повезло, и если бы не мои шараханья из стороны в сторону, отличные от плавного и быстрого полета пернатых жителей неба, они вряд ли бы смогли бы мне хоть в чем-то помочь. Но с другой стороны, победителей не судят, верно?

- «Не мне решать» - тяжело дыша, пропыхтел синий пегас, ударами по головам спуская грифонов на землю, и я с облегчением выдохнула, увидев, что удары он наносил плоской частью клинка. Все это напоминало какое-то соревнование, конечно, не обходящееся без крови, но все-таки, видеть разваливаемые на две части головы, раскрывающиеся, словно арбуз, мне совершенно не хотелось.

«Ты можешь обманывать саму себя, сколько хочешь. Но стоит ли тратить силы на эти бесплодные попытки, когда мы с тобой наедине?».

- «Понятно...» - перехваченным морозом горлом, прохрипела я, глядя на пробежавшего под нами Равикса. Вздывая бурю снега, тянущуюся вслед за ним, словно шлейф, он лишь сердито покосился на круживших у стены здания пегасов, и вновь продолжил свой путь, словно рассерженный тур, без остановки вламываясь в разлетевшуюся под его ударами дверь. Спешившая за ним Нефела уже избавилась от стреножившей ее сетки, и теперь старалась не отставать от своего друга, подобрав где-то бесхозную грифонью саблю – «Значит, либо дать себя выебать, либо обидеть на всю жизнь?! Обалдеть у вас правила там, в Клаудсдейле!».

- «Я этого не говорил!» - мотнул головой Колт. Услышав за своей спиной треск и звяканье отрывавшегося окошка, он резко шарахнулся в сторону, избегая потока горячей воды, вылетевшего из покрытого инеем и сосульками окна. Расположенное под самой крышей пузатого, бочкообразного дома, увенчанного шапочкой небольшого, куполообразного возвышения, выступавшего из гладкой каменной поверхности, словно какой-то сосок, оно тотчас же захлопнулось, помешав возмущенному пегасу призвать к порядку обитателей поместья, но, впрочем, не способное противостоять праведному гневу завопившего что-то ругательное жеребца.

- «Но подразумевал!» - устав наворачивать круги, я опустилась на крышу поместья, с любопытством глядя на возившегося внизу подчиненного, с удовольствием бывшего окна богатого грифоньего дома. Быстрый осмотр по сторонам показал, что бой был почти закончен – в воздухе оставалось всего несколько пернатых противников, один из которых поднимался все выше и выше, стремясь оторваться от преследовавших его пегасов – «Колт! Заканчивай маяться дурью, а лучше останови вон тех, которые бросились в погоню. Живо!».

Услышав мой призыв, синий пегас в последний раз ударил по оставшемуся нетронутым окну, с треском и грохотом улетевшему куда-то вглубь дома, и стремительной свечкой

ушел в темноту, быстро исчезнув в зимнем небе. Звон стали и крики затихли, оставив после себя почти оглушительную тишину, лишь изредка нарушаемую стонами раненных, да приглушенным шумом, доносившимся из обоих домов. Расправив крылья, я приветственно помахала летящим ко мне пегасам - только выйдя из горячки боя, они не забыли вернуться, прихватив с собой раненных и убитых, одинаково равнодушно таща за задние лапы и тех, и других. Похоже, отделять одних от других предстояло мне с Рэйном, с гордым видом выбежавшим из распахнувшихся дверей первого здания – за время нашего отсутствия пегас успел намотать на себя целую простыню, но судя по всему, не собиравшись падать в обморок от кровопотери. Отстранив от себя санинструктора, сунувшуюся к нему со своими бинтами, он захлопал крыльями, и принялся осматривать наше войско, по-видимому, не догадываясь, что я наблюдаю за ним со своего насеста.

«Достойный командир растет. В отличие от меня».

«Ох, да брось! Не всем же быть строевыми лошадаками!» - игриво подколол меня веселый голосок, эхом раздавшийся под сводами моей черепушки – *«Поверь мне, ты еще узнаешь, что такое настоящее веселье!»*.

- «Галоперидола на тебя нету!» - тихо буркнула я, пожившись от ощущения грустного комизма ситуации. Похоже то, о чем меня пытался предупредить старый доктор в клинике Крылатых Целителей, понемногу становилось явью, и как смешно бы смотрелся разговор с самой собой, если бы от осознания последствий не становилось бы так грустно. Что ж, надеюсь, я успею сдохнуть где-нибудь на поле боя, придавленная грудой тел, прежде, чем попаду в заведение с мягкими стенами и белым потолком.

«А дети?».

«О них есть кому позаботиться» - от упоминания о жеребятках, на мои глаза навернулись непрошеные слезы, которые я сердито смахнула холодным копытом, прислушиваясь к доносившейся из дома возне. Похоже, Рэйн отправил кого-то на обыск этого здания, но я решила лично проконтролировать телодвижения наших северных «друзей», и быстро нырнула в разбитое окошко, уютно светлевшее под прикрывавшим его каменным козырьком. Внутри обнаружилась небольшая комнатка с круглой кроватью, похожей на миску или гнездо, стоявшая прямо под окном, и любезно принявшая в свои пуховые объятия приземлившееся на нее тело. Судя по тому, как утонули мои ноги в мягчайшей перине, долго не хотевшей отпускать мою возившуюся на ней тушку, наполнителем для нее было выбрано явно не сено, и мне оставалось надеяться, что перья для нее брались у птиц – для вящего блага тех, кто жил в этом месте. Не оглядываясь и не засматриваясь на забавные полочки и ящички, утопавшие в каменных стенах дома, я прыгнула к двери, и... Осторожно приоткрыла ее, тотчас же отпрянув назад. Подождала. Затем осторожно высунула в открывшийся мне зал любопытный бежевый нос, с подозрением оглядев горизонт. К счастью, никаких толстых грифин в поварских передниках, со здоровенными кастрюлями кипятка в натруженных птичьих лапах, вокруг не наблюдалось. Быть может, они прятались где-нибудь неподалеку, поэтому я ни на миг не ослабляла бдительности, с помощью палки от найденной мной в небольшом чуланчике швабры проверяя все двери на этаже. Куполообразная форма здания наложила свой отпечаток на все комнаты, всю его компоновку, и признаюсь, что вскоре, я с удовольствием цокала копытами по надраенному полу, осматриваясь по

сторонам, словно в каком-нибудь музее. Посмотреть там и вправду было на что, поэтому появившийся на третьем этаже Равикс лишь зло и озадаченно фыркнул, увидев мою задранную к потолку задницу с нетерпеливо вилявшим хвостом, в то время как оставшаяся часть моего тела с интересом рылась в небольшом сейфе, надежно упрятанном в пол. Услышав раздавшиеся за спиной шаги, я резко вскинула голову, походя, стукнув ею о тяжелую крышку, и оглянувшись, обозрела ввалившуюся на этаж толпу. Помимо серого земнопони, там же была и Нефела, нетерпеливо озиравшаяся по сторонам, а также какая-то бледно-синяя, малохольная кобыла, трясущаяся под укутывавшим ее тряпьем, и все они, словно сговорившись, уставились именно на меня, словно увидев какую-то диковинку.

- «Ну чего?» - недовольно пробурчала я, царапнув не самым дружелюбным взглядом ввалившуюся в комнату тройку – «Никогда не видели мародерствующего Легата?».

- «Это тот самый ящик!» - пискнула синяя, отступая за спину Нефелы.

- «И она его грабит!» - поддержала ее кауряя пони.

- «Не граблю, а провожу следственно-розыскные мероприятия на месте преступления, с целью обнаружения предметов и документов, имеющих отношение к совершенным, или планируемым преступлениям!» - огрызнулась я, вновь задирая задницу к потолку. Длинная кольчужная юбка, доходящая едва ли не до скакательных суставов, позволяла мне не слишком беспокоиться за сохранность собственного крупа, и я еще раз помянула и мудрость щедрых принцесс, и мастерство сталлионградцев, вспоминая тот острый, скребущий, царапающий нервы звук, с которым острая сталь проходит по стали доспехов – «Видите, какой у меня забавный гребешок на шлеме? Вот для того, чтобы головой не биться, когда ползаешь под кроватями или шкафами. А вам тут что было нужно?».

- «Это не важно!» - подскочив ко мне, кобылы попытались было оттащить меня от темного зева коробки, укрытой плетеным ковриком, один край которого был прибит к полукруглой банкетке, стоявшей возле окна. Наивные, честное слово! Несмотря на неважные размеры, из-за которых я вряд ли могла бы произвести впечатление даже на стариков и детей, вес легионерских доспехов часто позволял мне неприятно удивлять вот таких вот любителей потолкаться, воображающих, что одного тычка грудью или бедром будет достаточно, чтобы заставить отступить мелкую, сердитую кобылку, вновь вынудившую морду из сейфа – «Отойди! Там... Там наше! Мое!».

- «Да нуууу?» - сделавший шаг вперед жеребец остановился, после чего озадаченно и не без иронии хмыкнул, увидев, как моя попа, переступив с ноги на ногу, в два тычка разбросала пыхтящих кобыл, старавшихся оттащить меня от дверцы сейфа. Закончив перекладывать найденное в сумку, обнаруженную во время рысканья по этажу, я повесила ее себе на шею, и только тогда отошла от темного проема в полу, к которому тут же прилипли две слишком самонадеянные северянки – «Ничего вашего я там не обнаружила».

- «А как же ты его нашла?».

- «У меня есть свои собственные... методы. Скажем так» - ухмыльнулась я вздернувшему бровь жеребцу, ехидно покосившись на забившуюся под банкетку грифину. Увидев испуганную птицекошку, едва ли не несущую от страха яйца, земнопони нахмурился, и на его морде отчетливо проступило какое-то гадливое выражение, словно у

аристократа, обнаружившего на своем копыте самое обычное, вульгарное дерьмо. Что ж, я не собиралась его разубеждать, рассказывая, как случайно натолкнулась на эту служанку, старательно прикрывавшую ковром спрятанный в полу несгораемый сейф, при приближении к которому гасли любые факелы и фонари, снятые мною со стен. Пусть лучше думает, что Мясник Дарккроушаттена пыталась несчастную, вгоняя иголки в соски и выдергивая когти, нежели списывает все на простую удачу, которой я и была обязана тем, что крышка ячейки была оснащена не кодовым, а самым обычным замком, да еще и отлита из простого, не слишком уж и толстого металла. По-видимому, хозяин поместья был больше заинтересован в сохранности положенных в него вещей от прислуги и иных любопытных, и как выяснилось, в этом я оказалась права, не обнаружив под раскученной крышкой фамильных сокровищ, или компрометирующей переписки принцесс и грифоньего короля. Вместо этого, там обнаружились куда более интересные вещи.

- «Мы должны остаться и обыскать этот ландгут, как называют свои поместья грифоны» - справившись с раздражением, заявил стоящий напротив меня странствующий рыцарь, которому претили столь грубые и вульгарные манеры мелкой, пятнистой кобылы, пусть даже и существующие лишь в его воображении – «Я не могу просить тебя нам помочь, ведь у вас, кажется, был еще какой-то план...».

- «Был. И он продолжает воплощаться» - не стала отпираться я, заметив появившегося на лестнице Рэйна. Решил, что за нашими новыми союзниками нужен глаз да глаз? Наверняка, раз подкрался почти бесшумно, хотя дернувшееся в его сторону ухо Равикса дало мне понять, что и серый земнопони знает о том, что нас стало больше – «Все готово, Рэйни? Тогда вылетаем! Оставишь тут раненных – пусть оприходуют добычу, если позволят силы. Ну, или просто следят за прислугой – что-то она тут слишком самостоятельная. Кстати, а ты-то как?».

- «Сделаем! Нормально!» - услышав мои слова, пегас тут же сделал крылья, по-видимому, опасаясь, как бы и его не оставили присматривать за пленными и захваченными грифонами, так же посчитав за раненного или больного. Увидев, с какой прытью испарился розовый пегас, белогривый жеребец ехидно хмыкнул, но вновь не задал ни одного вопроса, предпочитая прислушиваться к возне своих невольных подопечных, заканчивавших обыскивать сейф.

- «Нет! Тут нету! Пусто!» - схватившись за голову, негромко завывала синяя, плюхнувшись на холодный пол. Ее землячка была поумнее, и обернувшись, буквально прикипела глазами к моей сумке, заставив меня передернуться от всплывших в голове, знакомых слов «А шшшшто, моя прелессть, лежит у него в кармашшшке?». Хмыкнув, я скорчила на морде самое невинное выражение, и от греха подальше, перевесила сумочку с шеи на бок, устроив ее между крыльев, отчего мне пришлось не раз и не два выворачивать голову, звеня кольчужной попоной.

- «Все пропало! Мы пропали!».

- «Это она... Она вытащила что-то из этой скрини!» - поднимаясь, пегаска двинулась ко мне, словно набирающий скорость каток, явно намереваясь отобрать у меня мою добычу – «Отдай, немедленно!».

- «Что именно?» - попытавшись так же ловко приподнять одну бровь, как это получалось у стоявшего рядом жеребца, и при этом не совсем уж перекосить свою мордашку, поинтересовалась я, не собираясь уступать ни на шаг подлетевшей ко мне кобыле – «Я поглядела в это хранилище, и не нашла там ничего, что принадлежало бы ей или тебе, моя хорошая. Так что отвали, не заслоняй мне свет».

- «Тогда я вытряхну это из...» - а вот хватать меня за шкурку, зубами, словно нашкодившего жеребенка, совершенно не следовало. Признаюсь, я терпеливо ждала, когда мне представится шанс поставить на место эту северянку, решившую, что из-за моего размера, ко мне можно относиться как к надоедливому подростку или нелюбимой падчерице, повешенной на шею давно забытыми, и не особенно любимыми родственниками. И вот – дождалась. Рыкнув, я сильно, не экономя и от души, долбанула по протянувшейся ко мне ноге закованным в сталь копытом, отбивая ее в сторону, и не дожидаясь, когда до замершей от боли кобылы дойдет, что нужно бы уже и закричать, крепко обхватила ее за шею передними ногами, прижимаясь лбом к ее голове.

- «Любишь летать?».

Что ж, верная «катапульта» меня не подвела – хоть я и не удержалась от того, чтобы сказать что-нибудь мрачно-коварное своей жертве, сам прием был произведен безукоризненно, и вскрикнувшая пегаска кубарем покатилась по полу, сшибая свою знакомую, оказавшуюся у нее на пути. Я не собиралась калечить зазнайку, и просто подтянувшись на передних ногах, изо всех сил толкнула ее задними, придавая дополнительное ускорение взмахом распахнувшихся крыльев, чей удар удержал меня на месте. Их я использовала впервые, поэтому позволила себе секундочку гордости за хорошо проведенный прием, вдобавок, осуществленный в тяжелых доспехах, после чего, наклонившись, подобрала с пола вывалившееся из-под крыла украшение, продемонстрировав его рванувшемуся ко мне жеребцу.

- «Кажется, вы это искали, умники?».

- «Что ж, прискорбно. Мы надеялись найти это первыми. Ты взяла его из тайника?» - увидев висевший на моем копыте кулон, земнопони притормозил, и ко мне подошел уже шагом, рассматривая сплетенную из веточек безделушку, украшенную ярко горевшим кусочком тщательно отполированного янтаря. Несмотря на громкую кличку, данную ему северянами за какую-то «старую, и никому не интересную историю», он не производил впечатления склонного к насилию пони, каждый раз успевая сделать вид, что врожденная медлительность и отсутствие сообразительности мешают ему вовремя вмешаться в периодически вспыхивавшие вокруг него склоки кобыл. С другой стороны, подобная кличка была и у меня, а я ведь тоже не производила впечатление законченного психа... Верно?

«Уууугу. Конечно-конечно. Как ты вообще могла такое подумать?».

«Когда-нибудь я окончательно протрезвею, и ты исчезнешь, ясно?!».

- «Где взяла – там больше нет» - холодно буркнула я, рассматривая клубок из крыльев и копыт, возившийся у противоположной стены. Забившаяся под диванчик грифина уже буквально размазалась по полу, стремясь превратиться в часть окружавшего ее пейзажа, во все глаза глядя на творившееся вокруг буйство трех не совсем уравновешенных особ – «Признаюсь, я не слишком долго думала, на чем могли поймать эти пернатые Первую

Мать, и быстро пришла к выводу, что вряд ли с помощью десятка-другого северных пони, пусть даже и таких молодых. В вашем бурге около трех тысяч жителей и беженцев из окрестных селений, что им какой-то там молодняк! И что им там два десятка каких-то грифонов. Но раз уж ловушка выстраивалась с таким вот размахом, и без малейших опасений, то вашу правительницу явно подцепили на крючок, да за щеку, как глупого карася. Оставалось задуматься, чем. Так что ты прав, я не удивилась, увидев эту виму. Так, кажется, называется этот кулон?».

- «Да. Это вима. Знак власти, дарованной Добрыми Предками и советом Первых Матерей» - нахмурившись, подтвердил мою загадку Равикс – «И дотрагиваться до него могут лишь Первые Матери... Или те, кто был обличен их доверием».

- «Хмпф! Велика важность» - фыркнула я. Полубовавшись теплым мерцанием желтого камушка, я раскрутила кулон, искусно сложенный из тоненьких веточек, и швырнула его поднимавшейся на ноги Нефеле – «Держи, раз он тебе так важен. У меня еще один такой валяется в ящике стола».

- «У тебя есть вима? У тебя?!».

- «А что такого важного в этом кулоне?» - холодно улыбнулась я двум обалдевшим кобылам, ощущая, как от этой ухмылки мои губы превращаются в две бесчувственные, покрытые инеем сосульки – «Мне его дала одна из Первых Матерей, да и то для того, чтобы ленивые жопы, которых вы прислали ко двору нашей принцессы, не слишком громко плакали и не пытались покончить с собой, когда я взялась за их обучение. Она нужна вам, а не мне. Запомните - действуют и побеждают пони, а не какая-то там деревяшка, пусть даже в ее центр и вставлен застывший каменный огонек».

- «Ты и вправду собираешься все это утащить?».

- «А почему бы и нет?».

- «Далеко, и сложно».

- «Зато гляди, скольких тут можно навьючить!».

- «С этим сложно поспорить... Но все-таки, это нехорошо».

- «И это мне говорит Мясник?».

Разобравшись с делами бурга, я выскочила из здания, вокруг которого уже бродили кое-как перевязанные legionеры, и понеслась на юг, куда уже отправились вылетевшие вперед меня legionеры. Наш план состоял из двух частей, одной из которых была помощь Нефеле и Рэйну в проникновении в то место, куда непременно бы дернула бедная и несчастная мать-одиночка, о судьбе которой так переживал мой белогривый приятель. Как оказалось, я была совершенно права, и проследившие за улетевшей на закате грифиной разведчики вывели нас к новому поселению этих пернатых кошкообразных, в котором, как выяснилось, нас ожидали не только и не столько пленные, сколько тот знак, без которого бургу Олд Стамп грозило самое настоящее безвластие.

Но все это прояснилось потом, а до того, нам предстояло разбить почти полусотню грифонов, да еще и с настоящим, одоспешенным риттером во главе.

К счастью, все прошло веселее и проще, чем мне казалось. Выдвинувшись на юг, мы не успели пролететь и получаса, как обнаружили в светлеющем небе несущееся нам навстречу грифонье крыло, возглавляемое немалых размеров фигурой, чья кираса красиво блестела на фоне полосы рассвета, обозначившейся по правое крыло. На этот раз на нашей стороне не было спасительной темноты, а зрение орлиноголовых грифонов, как я начала подозревать, нисколько не уступало пегасьему, рожденному странным сплавом физиологии и чего-то, что я для себя решила считать пока просто магией, поэтому столкновение вышло жарким, и можно даже сказать, что честным – ведь мы, как всегда, вновь оказались в меньшинстве.

И вновь – круговерть одоспешенных тел, лязг мечей, тесаков и кинжалов. Ни у одной из сторон не оставалось коротких копий – как и мы, грифоны вышли из боя, и направлялись обратно к поместью, услышав сбивчивые крики отпущенного нами беглеца. Я сделала это умышленно – по моим расчетам, в момент нашего нападения грифоны должны были находиться не так далеко от поместья, и вполне могли выделить часть своих сил для защиты собственности своего хозяина, что облегчило бы задачу Блума Нэтл, которой приходилось сдерживать превосходящие силы врага. Чуть позже я выяснила, что ей удалось это с блеском, а до того я старательно тянула время, давая грифоньей вольнице сначала увериться в собственном превосходстве над настигнутым, как им сначала казалось, отрядом разведчиков, а потом – в том, что лишние силы крайне необходимо оттянуть для защиты своего поселения от набега злых аборигенов, посмевавшихся воспользоваться отсутствием хозяев. Ну, и последним актом в этой миниатюре для сотни актеров была наша контратака, в которой мы ударили прямо по сцепившимся в схватке, и уже основательно прореженным вазам.

- «Ну как у вас тут? Веселитесь?» - проорала я, ударом крыльев тормозя перед пушистым зимним облачком, на котором уже развалился десяток пегасов разной степени помятости. Украшенный красными пятнами пар превращался в плотный войлок, стоило моим ногам лишь коснуться краешка облака, но зимние облака слабоваты, совсем не рассчитаны на серьезную трепку, поэтому мне пришлось тут же взлететь, передернувшись от ощущения, что я начала проваливаться сквозь расступавшийся подо мной холодный пар.

- «Вы очень вовремя, мэм!» - взволнованно взывала Нэтл, вслед за мной, поднимаясь с облака, на котором был устроен временный лазарет. Рыжая пегаска волновалась, то и дело срываясь на крик, от которого у меня сразу же разболелись и уши, и зубы – «Мы отступаем! Нам нужно уходить!».

- «Слушай, ну вот чего вы все такие шумные по утрам?» - сердито насупилась я, делая крутую горку, и обходя по большой дуге бой, вновь разгоревшийся с нашим прибытием. Обозрев вертящихся в воздухе бойцов, я заметила пару моментов, которые мне начинали нравиться все меньше и меньше – «Вместо того, чтобы орать, лучше командовала бы. Вон, видишь? Эти грифоны собираются выйти из боя, а перед этим – ударить в спину нашим бойцам!».

- «У нас больше нет ни одного свободного пегаса!» - нет, пожалуй, ей нужно прописать успокоительное, причем в слоновьих дозах. С другой стороны, возможно, это просто груз ответственности, который она ощутила на своих плечах. Я заметила, что такого рода

испытания быстро выбивают из головы любые позывы на критику начальства и повышенное самомнение. Правда, не сразу, и не у всех.

- «А мы с тобой на что?» - фыркнула я, и поправив ремешок охватывавшего морду недоуздка, благодаря которому шлем без особых проблем держался на голове, сложила крылья, и вытянув вперед ноги, понеслась вниз, в лихом штопоре заходя за спину ваза, наседавших на наших бойцов. Несмотря на отсутствие «нормальной», тяжелой брони, бились они умело и даже вдохновенно, но несмотря на весь пыл, понемногу проигрывали эту схватку, хотя наше «подкрепление» состояло всего из нескольких крылатых морд, вынырнувших из-за ближайшей тучки. Все больше и больше ударов приходилось по прикрывавшей тела пони броне, в то время как их тесаки и копыта все чаще находили свой путь в стеганных, обшитых стальными кольцами жилетах и кафтанах грифонов, и предвидя надвигавшееся поражение, самые умные, а может, как это водится, самые хитрожопые, решили побыстрее смотаться – но перед этим, они вполне логично решили проредить врага, чтобы измотанный ранами и весом своей брони, он не так бы ретиво преследовал отступавших ваза. Углядев эти поползновения, мы сверзились на головы самым активным грифонам, свалившись на них, словно две стальные чушки – последовав моему примеру, Нэтл не стала рисковать и доставать оружие, дабы не выронить его при ударе, а вытянула передние ноги, и со всей силы ударила ими по спине не ожидавшего такого коварства грифона. Помня о собственном опыте подобных прыжков с высоты, я решила подстраховаться, и врезалась в своего противника левым плечом, выбивая из вскрикнувшей птицекошки настоящее облако перьев. Кружась, они разлетались по утреннему воздуху, то медленно падая, то вновь воспаряя в холодное зимнее небо, следуя прихотливым течениям бурлящего воздуха, кипевшего под ударами крыльев. Оба грифона, кружась, исчезли в темнеющей чаще, и мне вдруг расхотелось искать их там, внизу, среди неподвижных стволов, между которыми все еще пряталась ночная мгла – лишившись своего предводителя, остатки грифоньей вольницы вдруг брызнули в разные стороны, стремясь поскорее уйти от закованных в сталь лошадок, неистово рвавших на части их гордый доселе отряд. Этих я отпускать не собиралась, и еще долго в рассветном воздухе раздавались скрежет и стук, с которыми сталь ударяла по стали. Мы не стремились добить убежавших, но чаще сдающихся ваза, а попросту связывали их сразу по несколько штук, используя для этого перетягивавшие одежду пленников пояса, и вскоре, вокруг облака, на котором возлежало несколько раненных, уже крутилось порядка пяти тучек, на которых мы сложили спеленатых, словно гуси, пленных. Не всех, к сожалению – многим грифонам все-же удалось уйти, и преследовать их у нас не было ни сил, ни возможностей, поэтому я решила расслабиться, и махнуть на них копытом. В конце концов, пусть лучше оправдываются перед своими нанимателями, рассказывая, как туча пегасов выныривала из притащенного ими снежного бурана, обрушиваясь на кучку орлиноголовых храбрецов.

- «Потери есть?» - примостившись на краю облака, я внимательно оглядывала тяжело порхавших туда и сюда подчиненных, выглядывая среди них скрывавшегося от меня Рэйна – «Нэтл! Ну а ты чего суетишься?».

- «Потерь нет, мэм! А вот ранены почти все!» - плюхнувшись рядом со мной, доложила запыхавшаяся пегаска. Стянув с головы шлем, она с отвращением выплюнула

оказавшийся во рту ремешок недоуздка, после чего внимательно огляделась вокруг – «Мы разбились на крылья, и готовы к перелету в лагерь, мэм!».

- «Ну, вот и отлично. Поехали! Но сперва...» - я проследила за взглядом рыжей кобылы, и мгновенно углядела прячущийся между телами раненных розовый хвост, принадлежащий моему верному кентуриону – «Ааа, вот ты где, Рэйни! А ну-ка, дружище, вылезай! Вылезай-вылезай, и не нужно на меня глядеть такими умоляющими глазами! Показывай, что-то у тебя там... Понятно. Отказался от перевязки? Пропустил еще один удар? Ну, теперь не жалуйся...».

- «А может, пожалеем его, мэм?» - поинтересовалась Нэтл, с опаской выглядывая у меня из-за спины. Увидев прикрывавшегося передними ногами кентуриона, заржали все, даже раненные, кривившиеся от боли, но хохотавшие вместе со всеми – «Все-таки он хороший командир, да еще и жеребец...».

- «Поздно. Я поняла, что должна сделать хоть что-нибудь для окружающих меня соратников!» - с пафосом воскликнула я, роясь в одной из седельных сумок нашего санинструктора, по иронии всемогущей судьбы, оказавшейся на этом же облачке, но уже в качестве пациентки. Найдя самый большой и неудобный бинт, я широко расставила ноги, и встала над розовым жеребцом, судорожно прикрывавшимся уже всеми четырьмя ногами, и хвостом впридачу – «И начну я именно с нашего героя. Стррррасть как люблю лечить! Но сперва... Господа, не будет ли кто-нибудь так любезен, чтобы слетать вооон к тому дереву? Кажется, именно там мы оставили нашего доблестного риттера, довольно невежливо примотав его к вершине приметной сосны».

- «Да, навьючить тут можно многих» - согласился со мной Равикс, демонстративно пропуская мои слова про свою кличку мимо ушей – «Замечу, что многие с радостью навьючатся и без твоей подсказки».

- «В этом виновата тоже я?» - фыркнув, я развернулась спиной к земнопони, чтобы не видеть его презрительной усмешки, с которой тот рассматривал своих соотечественников, по-крестьянски деловито вытаскивавших из поместья все, что было не приколочено, или прибито меньше, чем на десять гвоздей. Гора добычи все росла и росла, и вскоре грозила погresti под собой все четыре повозки, найденные и в кратчайший срок приведенные в порядок мохнатоногими умельцами. Несмотря на подспудные ожидания, я не обнаружила в этом месте следов использования рабского труда – почти все найденные нами грифоны, так или иначе, сами служили своим господам, и только отворачивались, слыша мои расспросы о насильно удерживаемых в поместье пони. Освободившая своих соотечественников Нефела клялась своими Добрыми Предками, что они осмотрели каждую комнату, каждую щель, однако я, недоверчиво хмурясь, все-таки обошла весь ландгут, во все глаза разглядывая необычные, казавшиеся такими надежными стены и колонны обоих домов. Шнырявшие мимо пони сначала аккуратно и робко, а потом все быстрее и быстрее, выносили из комнат все более-менее ценное, включая не слишком тяжелую мебель, и мне оставалось только следить, чтобы скакавшие вокруг северяне не слишком-то зарывались, и не лезли вперед моих подопечных, получивших право первыми обшарить оставшиеся без защиты дома.

- «Нет, но ты их к этому приучишь».

- «Знаешь, вот не нужно навешивать на меня заботу о моральном облике твоих сородичей, ясно?!» - резко развернувшись, рыкнула я в морду подавшемуся назад жеребцу – «Ты отстранился от их проблем, а меня они вообще не волнуют – так зачем полоскать мне мозги разговорами о том, к чему их приучит мое присутствие, а? Или по-твоему, эти пони недостаточно страдали? Или им нужно безропотно сносить все тяготы, которые посылает им судьба – в том числе, и плетку надсмотрщика?!».

- «Тут никого не поработали» - справедливо отметил Равикс, плавно отодвигая меня в сторону. Я уже собралась было возмутиться столь наглым посягательством на мою и без того не слишком крупную особу, как на это место, с грохотом, приземлился окованный сталью сундук, весело подпрыгнувший на рыхлом снегу, тотчас же окрасившемся комьями мерзлой земли, взрытой тяжелым и острым углом вывалившейся из окошка скрыни – «Да, держали в плену. Но мы их освободили. Имеет ли смысл и дальше настраивать против себя грифонов?».

- «Настраивать? Равикс, друже! Они меня уже ненавидят так, что их посол не постеснялся подставить меня на приеме у принцессы, нисколько не смущаясь Высочайшего присутствия! А ты говоришь, я продолжаю что-то там...» - невесело хмыкнула я, передернувшись всем телом при виде покотившегося к повозкам сундука. Обернувшись, я сердито уставилась на окошко, в котором уже исчезала чья-то запыхавшаяся рожа, мгновенно спрятавшаяся при виде моего злобного взгляда – «Эй! Глядите, куда швыряете все это добро! Раз вам грифонов не досталось, то решили зашибить кого-нибудь, чтобы потом сказать, что с боем взяли?!».

- «Ну и шуточки у тебя...» - уважительно хрюкнул серый жеребец.

- «А ты? Ты куда поперлась?!» - рассердившись не на шутку, я вышла на середину двора, и поведя вокруг орлиным взором, принялась делать то, что у меня получалось едва ли не лучше всего, по словам моих подчиненных – громко орать, гоняя взад и вперед всех, кто не успел вовремя укрыться от глаз скучающего Легата – «Да-да, ты! Ты где была, когда я говорила, что вам можно только в правый дом заходить?! А ну, брысь отсюда!».

- «Так в том уже ничего не осталось...» - пробасила молодая кобыла, судорожно затормозившая всеми четырьмя ногами перед уже знакомой мне дверью. Несмотря на размеры, мало чем уступающие взрослым, ломавшийся голос выдавал в ней подростка, которые составляли большинство пленников, с нашей помощью, освобожденных Нефелой Оверкаст, и которые, в отличие от взрослых, гораздо быстрее и свободнее подхватили мою мысль о том, что побежденного противника можно и нужно пограбить, прихватив из его дома множество нужных и полезных в хозяйстве вещей. Признаюсь, сначала я намеревалась тем самым немного отвлечь трясущихся пленников, вылезших из неглубокого и холодного подвала, от идеи тотчас же, теряя подковы, рвануть прочь, подальше от своей темницы, в которой их держали уже более двух недель – их помощь была бы нам крайне полезна, учитывая то количество раненных, пусть и не слишком опасно, которое оказалось у меня на шее. Однако немного поразмыслив, я велела им подождать, после чего, обратилась к своим сотоварищам с короткой и пламенной речью, в которой кратко напомнила про Дарккроушаттен, и наше с ними его посещение, всего пару лет назад. Дальнейших уговоров не потребовалось, и теперь, покончив с одним из домов, легионеры радостно и с огоньком, вдохновенно занимались потрошением внутренностей

второго бункероподобного дома, периодически появляясь из его окон и дверей с тяжелыми сумками и вязанками различного оружия.

Что-что, а вот его, в грифоньем поместье, было довольно.

- «Ну и что? Вы хоть думайте, сможете все это увезти, или нет!» - зарычала я, углядев четырех подростков, с треском пытавшихся протащить через высокую и узкую дверь большую грифонью кровать. Богатая, снабженная роскошным балдахином, она была так не похожа на круглые каменные миски-гнезда, которые я видела в доме бедной грифоньей вдовы, и пожалуй, неплохо смотрелась бы даже в каком-нибудь кантерлотском особняке, вместе с богатой периной, вытаскиваемой из соседней двери – «Богини! Ну вот куда вы это прете, а? Вы ж это все не утащите... Не утащите далеко, я имею в виду!».

- «Я с братанами на полу сплю, в подпечье!» - огрызнулась бурая пони, возмущенно тряся ногами с едва наметившимися щеточкам длинных волос – «А тут вона какая лежанка богатая! Все на ней уместится, да еще и мамке места хватит! Вы ж себе все блестяшки захапали!».

- «Не жадничай!» - буркнула я, старательно игнорируя ехидный взгляд Равикса. Прохаживаясь по двору, он, словно невзначай, подходил все ближе и ближе к груде металла, усилиями моих товарищей, перекочевывающую из караулки на щит. Освободив мешки от одежды, двое пегасов старательно набивали их трофейным оружием, периодически переругиваясь друг с другом из-за царапин и ссадин, полученных в процессе погрузки трофеев, которые мне предстояло нести всю дорогу на своей многострадальной спине – «Иначе все отберу. Вон, бери пример с того земнопони – ходит себе спокойно, ходит... И ДАЖЕ НЕ ПОМЫШЛЯЕТ О ТОМ ПОЛУТОРНОМ МЕЧЕ, КОТОРЫЙ ЛЕЖИТ ВОЗЛЕ МЕШКОВ!».

- «Вот эт голосяра! Сильна ж ты орать, тетенька» - уважительно проговорил какой-то юнак, появляясь из-за моей спины. Гордо вскинув голову с зажатой в зубах периной, пышными складками укрывавшей его тело, он неуверенно брел к ближайшему возку, на мой взгляд, и так уже набитому сверх всякой меры. Услышав мой рассерженный рев, серый жеребец сделал вид, что просто рассматривает крайне интересное пятно на солидной толщины каменной стене грифоньего дома, и совершенно не помышляет о той полосе стали, на которую я сама уже успела покапать голодной слюной. Темно-серая, с синеватыми разводами, она казалась мне настоящим подарком, в отличие от всего, что я ранее видела в лапах своих врагов, и отдавать ее не собиралась ни за какие коврижки.

- «Можно подумать, что я слышу Эпплджек...» - пробормотала я, вновь принимаясь следить за нашими пленниками, сгрудившимися возле большого чулана, как и все грифоньи постройки, выполненного из местного серого камня, почему-то напоминавшего мне гранит. Тащить с собой я их не намеревалась – в конце концов, чем прокормить всю эту ораву пленных? – однако и отпускать их прочь было никак нельзя. Пусть и не слишком искусные в драке, они непременно захотят отомстить за поражение, и уже через несколько дней вновь пополнят ряды моих врагов, влившись в другие грифоньи отряды, вольно порхающие по этим диким местам. Мрачный вид, с которым слуги и ваза глядели на разграбляемое поместье, не оставлял никаких иллюзий о том, что именно хочется сделать этим орлиноголовым забиякам... Но и охранять их у меня не было ни желания, ни, признаюсь в этом честно, никакой возможности.

«Хммм. А что, если послать их Хаю?».

«О, да! Похвалимся великой победой!» - презрительно усмехнулась Я, дергая верхней губой, позабыв, что под ней скрывается ровная, белая подковка мелких зубов, лишенная аккуратных клыков – *«Может, еще и еды у него попросить?».*

«Никогда!» - нахмурившись, я затрясла головой, стараясь не обращать внимания на заволновавшихся грифонов, бочком-бочком отодвигавшихся от меня к холодной, присыпанной снегом стене.

«Тогда сделай так, чтобы они еще долго не смогли подняться в воздух» - ирония, прозвучавшая в наполнявшем мою голову голосе заставила меня поежиться. Ирония – и кровожадность, от которой сводило губы, а язык – настойчиво просился наружу, для того, чтобы подцепить на самый его кончик горячие, алые капли – *«Как думаешь, что для пегаса или гриф она страшнее всего на свете?».*

- *«Остаться без крыльев!»* - прошептала я, невидящим взглядом уставясь на сжавшихся пленников, пытавшихся скрыться за спиной молодого, но уже одоспешенного риттера, что бился с нами над лесом, недалеко от поместья – *«Нужно их остричь!».*

«Остричь? Фи!».

- *«Я никого убивать не стану, понятно?»* - негромко выдохнула я, глядя прямо перед собой. Эти позывы, эти странные мысли, обретшие свой голос, заставляли меня прикладывать все больше и больше усилий для того, чтобы сдерживаться, и не прислушиваться к тем кровожадным идеям, которые они рождали в моей голове. Да, я была больна – я уже чувствовала это, не в силах скрывать от себя и резкие перепады настроения, так похожие на сменяющие друг друга фазы маниакально-депрессивного психоза, ни звуки чужого голоса внутри головы, однозначно трактуемые древней человеческой психиатрией как псевдогаллюцинации, ни это странное забытие, после которого я ничего не помнила, и могла лишь ужасаться тому, что творила... Мне была нужна помощь – но где ее взять, среди этих промерзших лесов?

- *«Это относится и к вам»* - вздрогнув, я подняла голову, ощутив, что уперлась лбом во что-то мягкое, и пахнущее мокрым пером. Стоявший передо мной риттер не отошел, и не отвел своего пронзительного взгляда, хотя я ощутила, как вздрогнуло скрывавшее под перьями тело гордого грифона. От страха? Или от отвращения?

- *«Тебе меня не испугать!»* - акцент в его голосе почти не чувствовался, в отличие от тех же северян, так расставлявших в своих словах ударения, что я иногда просто переставала их понимать – *«Я есть посвященный риттер!»* - громко, но довольно визгливо провозгласил грифон, брезгливо отстраняясь от неподвижно стоявшей перед ним кобылы. Сбоку к нам придвинулась чья-то фигура – пожилой птицелов, украшенный потрескавшимся клювом и множеством окрашенных перышек на груди и шее, попытался вклиниться между нами, но тотчас же замер, услышав за моей спиной сердитое сопение и шорох покидающей ножны стали – *«Назови себя, пони, и причину столь вероломного нападения, и возможно, я буду добр, и не стану приказывать своим слугам выпороть и тебя, и этот твой сброд!».*

- *«С вами говорит опоясанный риттер Хуо фон Вогенвельд»* - вновь сунулся вперед пожилой грифон, на этот раз, аккуратно отстраняя стоявшего передо мной дворянина. Повернувшись ко мне, он наклонил украшенную порядком поредевшими перьями голову,

изобразив что-то вроде короткого поклона, больше похожего на небрежный кивок – «В пятикратно рассеченном золотом и чернью щите – алый муллет. В первом углу – обращенный в три четверти шлем из полированного серебра, с шестью решетинами. Ламбель с пятью поинтами. Девиз - «Фрауэндинст!³». Я же – слуга его милости, Токк».

«Ах вот как... Посвященный в рыцари птенчик, хотя и без золотых накоготников, третий сын при живом деде, урожденный барон. Да, не простая нам птичка попалась...».

- «Ты совершенно выжил из ума, старик!» - гордо вскинув голову, каркнул лишенный доспехов рыцарь, пытаясь отодвинуть заступавшего ему дорогу слугу - «Зачем ты назвал этой пейзажке мой герб?».

- «Мы во власти ее милости, добрый сеньор Хуо» - уже гораздо ниже склонил неподатливую шею старик, обращаясь к своему господину – «И если она назовется, то вы увидите, как старый Токк был прав».

- «Пейзанка не изволит назваться!» - фыркнула я, обдав стоявших напротив грифонов потоком брызг из сопливающего носа. Застонав от отвращения, рыцарь отшатнулся, в то время как его слуга, начал обмахивать грудь господина извлеченным из кармана, испачканным где-то платочком – «Однако этот потрепанный жизнью гигант мысли был прав, и вы – мои пленники. Заруби себе это на носу, баронет, внук барона фон Вогенвельда, и вспомни что-нибудь из рыцарского кодекса на этот счет».

- «В случае пленения, мне непозволительно причинять вред, ни моральный, ни физический!» - несколько оправившись от потрясения, вызванного столь бесцеремонным обращением, процитировал какое-то высказывание молодой грифон – «Хотя при этом я и впрямь остаюсь смиренным пленником у пленившего меня, благородного сеньора. *Благородного сеньора* - понятно тебе, пони?».

- «Вот-вот. «Смиренным пленником». Правильно понимаешь, баронет» - хмыкнула я, раздумывая, не этому ли грифону принадлежит кираса с черно-желтым щитком на правом плече, уже занявшая свое место в одном из мешков, лежащих на грузовой платформе, среди прочего оружия и доспехов. С другой стороны, найденных нами комплектов грифоньих лат было всего два, а рыцарь – один, поэтому я положила себе считать, что это его мы так знатно раздели, когда притащили в захваченное нами поместье – «Захочу – отпущу, а захочу – и стенку тобой оштукатурю. Раз ты не признаешь за мной благородного происхождения, то и я закрою глаза на твою похвальбу... Тем более, что ни герба, ни щита у тебя с собой нет, если я правильно тебя понимаю. Верно?».

- «У нас есть грамота о благородном происхождении Хуо фон Вогенвельда, как и положено каждому благородному рыцарю» - вступился за сюзерена Токк, изо всех сил пытаясь не дать разгореться скандалу. За моей же спиной переступала с ноги на ногу Нэтл – зажав в зубах тесак, рыжая пегаска с удивлением поглядывала то на явно испуганного слугу, то на меня, словно удивляясь моему долготерпению – «Но она была... Ее забрали эти пегасы, ваша милость. Но если бы вы сообразовались назвать нам свой герб...».

³ Первый угол – левый верхний угол щита. Муллет – пятиконечная звезда. Ламбель – полоса или веревка. Поинты – ленты-флажки. Геральдические элементы гербов.

- «Токк! Что ты несешь?! Какая она тебе «Милость»?! Считай, что отец тебя уже выкинул со службы!».

- «Эммм... Герб...» - я беспомощно оглянулась на тупо таращившуюся на меня Блуми, лихорадочно пытаюсь сообразить, как бы не сморозить что-нибудь совсем уж тупое – «Ээээ... Ну...».

«В червленом щите черненное солнце, со вписанной в него же, и обращенной влево луной...».

- «В червленом щите солнце... Со вписанной в него же... Луной...» - не найдя ничего лучше, как повторять раздававшиеся под сводом моей черепушки слова, я с удивлением наблюдала за стоящими передо мной грифонами, хмурящимися в попытках представить себе этот бред – «Обрамленное распахнутыми пегасыми крыльями. Под ними же – надпись «Legio Equestrica», чернью».

«Богини, откуда взялся этот бред?!».

«Это блазонирование⁴ герба, который вышит на той тряпке, что ты, по своему скудоумию, называешь штандартом. Ты что, никогда не слышала о геральдике, и ее строгих правилах? В каком хлеву тебя воспитывали, деточка?».

«Меня нашли на пригорке, под сенью склоненных олив!» - мысленно огрызнулась я, все еще находясь под впечатлением от всего произошедшего. Как быстро я согласилась озвучить все то, что находилось у меня в голове? А главное, почему? Не было ли тут принуждения, или какого-нибудь злого колдовства? Эти птицекошки каким-то образом умеют зачаровывать разные предметы, если верить словам барона фон Гриндофта – так почему бы им не использовать какое-нибудь колдовство, или алхимию? Сердито нахмурившись, я подозрительно уставилась на стоявших напротив меня грифонов, словно ожидая, что они начнут демонически хохотать, потирая когтистые лапы с зажатыми в них бутылочками яда. Увы, ничего подобного не обнаружилось – услышав описание «моего» герба, оба пленника переглянулись, и вновь поглядели на стоявшую перед ними пегаску.

- «Вот видите, молодой господин, как я был прав?» - возрадовался душой пернатый. Словно старого отца встретил, заскочившего на огонек посидеть, да поговорить о былом – «Их милость обладает гербом, а значит, вы можете быть уверены, что к вам применимы все те привилегии, о которых сказано в кодексе риттеров!».

- «А про выкуп там, случаем, ничего не было сказано?» - немного оправившись от потрясения, я решила держаться подальше от этих пернатых, и при случае, избавиться поскорее от странных пленников, рядом с которыми моя шизофрения расцветала, словно майский луг по весне – «Мы пони заняты, и ловить для кого-то рыбу я точно не собираюсь. Поэтому рекомендую напрячь свою память, дорогие мои пленники, и вспомнить, не захочет ли кто-нибудь из богатых и влиятельных родственников заплатить за вас мааааленький выкуп, пока вы не начали корчиться от истощения, клюя капусту и местное пиво. Которое, кстати, я больше в рот не возьму – это просто моча какая-то... Только вы от меня этого не слышали, ясно?».

⁴ Громогласное описание герба.

- «Я так и знал, что у этих пони нет чести!» - взвизгнул новоиспеченный риттер, не обращая внимания на судорожно пытавшего успокоить его слугу – «Выкуп! Таланты! Это все, о чем может думать это ничтожество!».

- «Не хотите? Дело ваше...» - пожала плечами я, оглядываясь на распахнувшуюся дверь, из которой выбежал Рэйн, сопровождаемый двумя легионерами, на чьих боках красовались плотно набитые сумки – «А, вы уже закончили? И как?».

- «Ты была права! У них там был целый сейф, в подполе!» - радостно завопил розовый жеребец. Голос его звучал придушенно из-за огромной и не слишком умелой повязки, наложенной на шею жеребца моими проказливыми копытами, однако судя по задорно блестящим глазам, наши поиски и впрямь увенчались успехом – «Только битов совсем мало было. В основном, только камни и серебро».

- «Вот и славно» - покивала я, заметив скривившиеся от злости рожи грифонов – словно акулам нацепили на нос праздничные колпаки – «Тогда запускайте туда этих северных жадин – пусть порезвятся, напоследок. Нам же полотенца и шторы без надобности, верно?».

- «Конечно-конечно!» - уверил меня один из пегасов, появляясь из расположенного над нашими головами окошка. Судя по странно топорщившимся седельным сумкам, он уже успел прихватить что-то себе на память в захваченном нами имении – «Даже не сомневайся, командир. Мы ж не ворюги какие-нибудь, правда? С другой стороны, не зря ты с собой все наши сумки тащила, мы сразу это поняли!».

- «Ваша милость, выслушайте меня!» - взмолился пожилой грифон, уже безо всякого пиетета отталкивая от меня своего подопечного – «Я вас сразу узнал. Видел, в Дарккроушаттене! За нас заплатят большой выкуп, куда больше, чем вы набрали в этом охотничьем домике, понимаете? Позвольте молодому господину вернуться за серебром, в то время как я отправлюсь с вами. Потом вы с ним встретитесь там, где...».

- «Скажи, Токк, я на самом деле выгляжу такой тупой?» - с внезапно нахлынувшим безразличием осведомилась я. Мои гогглы потерялись, когда меткий удар грифона разрубил ремешок, удерживавший их на лбу, и поднявшееся над лесом солнце вовсю слепило мне глаза, заставляя щуриться, как китайского пчеловода – «Он летит, радостно сообщает своим предкам, что подцепил на крючок Мяслика Дарккроушаттена, а потом я сама, радостно и с песнями, лечу к вам прямо в засаду. Ты издеваешься, что ли?».

- «Нет-нет! Это же «Кодекс риттера», глава о выкупе и обмене знатными пленниками! Поверьте, не нужно сжигать это поместье!».

- «Такую красоту? Даже и не собиралась» - честно откликнулась я. Оглянувшись на Рэйна, я на миг перевела взгляд на черневшие окна второго дома, за которыми уже показались тени самых нетерпеливых северян. Я знала, что сейчас там лихорадочно обрываются занавески, сворачиваются и перевязываются простынями перины, а также вытаскивается и отрывается все, что прибито меньше чем на пару-тройку гвоздей. Гонору и жадности у ребят было много, а вот опыта в грабежах... С другой стороны, а разве он был у нас? Разве что память о занятиях по обыску и экспроприации улик и вещественных доказательств – «К своему синьору полетишь ты. Не спорь, Токк, не спорь. Ты вполне способен его убедить в серьезности моих намерений тем же самым рассказом о

произошедшем в Белых Холмах, и если он решит, что двух сыновей ему будет достаточно, то...».

- «Я понял вас, ваша милость» - тяжело вздохнув, поник пожилой грифон. Опали топорщившиеся до того перья, и мне вдруг показалось, что передо мной стоит уставший, и много повидавший старик, вдвое старше своих лет – «Но не прогневайтесь, мне нужно пять дней, чтобы добраться до моего господина. Да еще и помощника бы прихватить. Года уже не те... Вон, хотя бы вон того юнака».

- «Нет, Токк, с тобой полетит вот эта вот дама» - отчего-то насторожившись, я затрясла головой, и не слушая испуганного клекота, вытащила из толпы пленных уже виденную мной грифину, что так любезно подсказала мне место, где у хозяина был организован тайник – «Она тебе поможет в дороге, да еще и доложит хозяину кое о чем. Верно?».

В ответ, птицекошка испуганно засопела, опутив золотистые глаза. Странно, и чего меня бояться? Я же без гогглов, и совсем не сержусь.

- «Но ваша милость...» - попробовал было воззвать к какому-то моему чувству старик, но я уже отвернулась, давая знак Рэйну поднимать наших ребят. Стоявшая рядом Нэтл только удивленно вскинула брови, когда, повинувшись моему негромкому приказу, ей пришлось вложить тесак в ножны, и отправиться за теми пегасами, кто еще мог без особенных проблем держаться на крыльях или ногах. Таковых набралось три неполных десятка, и вскоре, пленные грифоны были окружены частоколом коротких копий, недобро блескующих у самых их шей. Выйдя вперед, я внимательно оглядела унылых ваза, дрожащих в своих драных колетах, дублетах, и стеганках на холодном зимнем ветру. Пара из них так и не поднялась, и судя по запрокинутым, вывернутым шеям, этим беднягам уже не понадобилась бы та процедура, которой я собиралась подвергнуть захваченных нами врагов. Да, это было нехорошо, и даже у меня в душе поднималась какая-то неприятная волна отрицания при мысли о том, что...

«Это необходимо сделать. Иначе они вновь займут место в строю, среди тех, кто противостоит Легиону».

«Используйте копья. Сэкономите время и силы. Да и свою банду ты свяжешь с собой не контрактами и договорами - а кровью!».

- «Итак, уважаемые...» - сглотнув внезапно пересохшим горлом, я вышла вперед, глядя на угрюмых пленников, и стараясь не отводить взгляда от строго глядевших на меня, круглых орлиных глаз – «Мы с вами бились открыто и честно, и не ваша вина, что нам повезло больше вас. Однако, как вы понимаете, я не могу, да и не собираюсь оставлять вас у себя в тылу. Из этого следует две вещи...».

- «Ты нац отпущаешь, а мы тепе не фредим!» - высунулся с предложением первый из этой банды грифонов. Двинуться ко мне он не посмел – мешали копья легионеров, тотчас же упершиеся ему в горло и грудь – «Нет, я серьезно! Цпроци у кого хочешь, ваза цлов на фетер не броцает. Клянемца цвоей чецтью!».

- «Из этого следует две вещи: первая – вы можете отправиться вместе с нами, чтобы на своей шкуре вкусить все прелести жизни у наших северных друзей» - выслушав предложение грифона, я недовольно дернула ухом, после чего продолжила, словно и не слышав его слов – «Однако, как мне кажется, они на вас немного рассержены, и разносолов у этих ребят я бы, на вашем месте, не ожидала».

- «Они морят пленников голодом, и облиф фотой, оцтавляют замерзать на морозе!» - передернувшись, пробормотал птицелей, отводя глаза от пробежавших за строем легионеров северян – «Жуткое племя!».

- «И не говори. Дикари-с!» - поддакнула я, испустив неуверенный смешок. Уж больно правдивыми звучали слова этого вольнонаемного бойца, и еще свежи были в моей памяти воспоминания о вывешенной на улице клетке, в которой замерзал какой-то грифон – «Отсюда, у нас есть второй выход...».

- «Ты хочешь нац нанять?».

- «Чииииво?!» - теперь пришла моя очередь прийти в недоумение. Нанять? Их?!

- «Ну а что такого?» - почувствовав себя увереннее, грифон вновь приблизился к уткнувшимся в него копыям, постаравшись принять самую гордую позу, на которую он был способен, учитывая подранную и проткнутую в нескольких местах, стеганную куртку – «Как только мы уфидели, что на нац напал Легион, то тотчац же поняли – дело пахнет укцуцом, и заперлиць ф оружейной. И нагебли фы неплохо, рацпотрошиф это мецто... Так что мы цоглацны выцлушать тфое предложение».

- «А ты попробуй, отбери» - предложила я насупившемуся птицельву. Неуверенность быстро уходила – передо мной стояли наемники, и подспудное нежелание делать то, что в глубине души я считала необходимым, быстро исчезло, уступив место какой-то непонятной обиде, объяснить которую я не смогла бы сама. За моей спиной раздалось презрительное фыркание – похоже, слышавшие нашу беседу легионеры были вполне не против, если грифоны, стоявшие на расстоянии удара копыя, попробуют отобрать у них честно награбленные богатства – «Не хочешь? Что ж, тогда у нас с вами остается второй выход... И боюсь, понравится он далеко не всем».

Дернув крыльями, я вышла вперед, и подняв переднюю ногу, слегка согнула ее, ощущая ставший уже привычным щелчок, с которым лезвия Когтей Луны выскочили из-под скрывавшей их филиграни изогнутого щитка.

- «Что ты цобираешься делать?» - отступая, тихо прошипел грифон, и не мигая, уставился на приближавшиеся к нему лезвия.

В бургe нас уже ждали. Высыпавшая из ворот толпа удивленно таращилась на здоровенные мешки, которые пыхтевшие северяне втаскивали по узкой, извитой дорожке, петлявшей между огромных камней. Острые грани бурых обломков раздробленных скал недобро поблескивали из-под укрывавших их снежных шапок, обещая незабываемые впечатления от встречи с любым, кто попробует сунуться без приглашения к побуревшим от времени, деревянным стенам городка. Так и не пожелавший расстаться с награбленной в поместье добычей, молодняк проливал потоки пота, впрягаясь в наспех починенные повозки и волокуши, вынуждая нас принаравливаться к их упрямым, неспешным шагам. Ждать, пока они ковыляют по лесу, я не собиралась, и оставив с ними десяток пегасов, а также Нефелу и Равикса, наотрез отказавшихся оставить своих соотечественников, отправилась в Олд Стамп, добавив к своей коллекции пленных молодого риттера, очутившегося в одном погребе с двумя предыдущими искателями моей головы. Уже не

столь бодрые и агрессивные, они подслеповато щурились на меня из-за открытой двери, в которую я впихнула свою новую жертву, одобрительно покивав сторожившим землянку легионерам.

- «Пытались бежать?».

- «Ага. Разобрали крышу из коры – ее местные «гонтой» называют» - кивнула кобыла, вновь устраиваясь на камне, лежащем над круглой дверью, ведущей в недра земляного холмика, возвышавшегося над каменистой, глинистой почвой городка – «Еле успели отловить. Поэтому теперь сидят в этом погребе, среди вязанок с сеном. Остальные посговорчивее были, поэтому их просто связали, и даже перья не повыдергивали».

- «Погоди! Перья? А что, это практикуется?» - насторожилась я, рывком разворачиваясь к пегаске – «То есть, можно врагам перья пообрывать, чтобы они больше не мешали?».

- «Конечно же!» - удивилась та, недоуменно взблеснув на меня глазами из-под края деканского шлема, украшенного золотистым шишаком – «Это же главное, когда пленников или хулиганов берешь. Выдерешь им перья, или обрежешь, если на службе – и все, пожалуйста в земнопони! Нет-нет, я не говорю, что ты не права, просто... Ну, пытки – это совсем неправильно, командир. Да и связывать смысла сильного нет – грифоны просто переключают наши веревки, и все. А вот без перьев ни они, ни мы летать не сможем, поэтому лучший способ избавиться от головной боли с пленными - это остричь им крылья. Как мы и сделали – в соответствии к гвардейским уставом, кстати, ведь в нашем об этом ничего конкретно не сказано, а вот насчет того, чтобы хорошенько побить – аж целых четыре статьи. Может, дополним его, когда вернемся?».

- «Эээээ... Ну конечно же. Это ты ловко придумала. Хвалю» - ошарашенно буркнула я. Наверное, моя морда полыхала, как хороший костер, пока я спускалась по запутанным дорожкам и тропинкам, заменявшим в бурге привычные дороги – подумать только, пока я мучилась угрызениями совести, буквально заставляя себя орудовать правой ногой, ловко отсекающей холодно белевшими Когтями перья орущим от злости грифонам, оставшиеся без моего присмотра помощники, легко и непринужденно, использовали обычай, которому уже непойми сколько сотен лет!

«А ты думала, что ты умнее всех, вместе взятых?» - мурлыкнул мне на ушко знакомый голосок – *«Не забывай, что ты - просто юная дурочка, берущая нахрапом и силой там, где умной достаточно просто приложить лишь немного усилий, чтобы добиться того же эф ф екта».*

«Мне просто нужны таблетки. И тогда...».

«Даже не думай об этом» - вздрогнув, я споткнулась, когда мне показалось, что мое ухо вдруг облизнул чей-то горячий, юркий язычок. Бархатный, грассирующий, голос продолжал шептать и мурлыкать, но за покровительственно-дружелюбными нотками мне вдруг послышалось предостережение - острое, словно скрывающаяся во тьме опасная бритва – *«Не думай о таблетках или о нём. Теперь есть только ты и я. Мы с тобой. Навсегда».*

- «Не верю!» - потрянув головой, прошептала я, стараясь не покатиться по крутому склону, на который меня вывела обледенелая дорожка. Где-то впереди, у ворот, уже шумел четвероногий народец, встречая вернувшихся из грифоньего плена, а в стороне, на задворках общинного дома, вдруг тонко и щемяще запел небольшой кузнечный молоток,

колокольчиком выстукивая контрапункт к тяжелым, ухающим ударам большой кувалды. Голос еще пытался что-то шептать, уговаривать, но едва не упав, я выправились на узкой тропинке, и ноги сами понесли меня в сторону звонких ударов, отдававшихся во всем моем теле торжественным звоном, заглушавшим, выбивавшим из головы всю ту дурь, что расцвела в ней в отсутствие Древнего. Старый хомяк вновь залег в свою зимнюю спячку, но на этот раз ощущение одиночества, так терзавшее меня прошлые зимы, сменило новое чувство – глубокого, тщательно подавляемого страха.

И именно от него я пыталась укрыться за веселым звоном кузнечного молотка.

- «Че, пришла?».

- «Пришла» - согласилась я, заваливаясь в душное, низкое помещение кузни. После белевшего на солнышке снега я мгновенно ослепла, пытаюсь сморгнуть плавающие перед глазами, разноцветные пятна, пока, наконец, не различила небольшой кузнечный горн – просто камень со срезанной верхушкой и выдолбленным в нем углублением, где радостно потрескивали угли. Нависавшая над горном воронка воздуховода, выходявшего на крышу кузницы, щетинилась множеством крючков и гвоздей, на которых висели тяжелые, но явно современные инструменты, вроде клещей и прихватов – я не имела понятия, для чего было вешать их именно туда, где они неминуемо нагревались от жара, полупрозрачным маревом висевшего над щелкающими углями, но раз кузнец так решил...

- «Ну, че встала? Заходи, коль приперлась».

- «Захожу» - вздохнув, я ощутила, как сухой жар коснулся моих губ и ресниц, высушивая зимнюю влагу. Огромная наковальня вновь, уже в который раз за эти несколько дней, радостно ткнулась мне в бок здоровенным, изогнутым рогом, на котором работавший возле нее земнопони обстукивал ярко-оранжевый наконечник копья. Покосившись, он словно бы невзначай, как можно сильнее грохнул по ней своим молотом, удобно устроившись на ременной петле, обхватывающей его могучую ногу, обдавая меня ворохом искр, тихонько шипевших и умиравших на моей влажной, холодной броне и прихваченных морозом крыльях. Этот ритуал кузнец повторял каждый раз, когда видел мою фигурку, спускавшуюся в его царство угля и металла, и в глубине душе я ощущала смутное облегчение от того, что в этот ритуал своеобразной проверки не входят прыжки через костер, или окуривание колдовскими травами, как это водилось среди ушедших людей. А ну как расчихаюсь среди торжественного мероприятия? Изгонят ведь, а то и сожгут к чертям понячьим, словно какую-нибудь ведьму.

- «Ну, и что встала? Проходи и садись там, в уголочке, коли пришла!».

- «Хорошо» - цепляя боками за тиски и углы верстака, я с трудом протиснулась между какими-то большими и непонятными конструкциями, похожими на изогнутые решетки, и в конце концов, очутилась в конце небольшого лабиринта, возле кадки с холодной подернутой ледком водой, в который вмерз порядком пожеванный, берестяной ковшик. Устроившись на стоявшей тут же скамеечке, я замерла, позволяя глазам понемногу привыкнуть к темноте, в которой двигалась грузная фигура, работавшая над очередным гарпуном.

- «Приперлись они?».

- «Ага» - бородатый земнопони не любил многословность, и уже на второй день нашего с ним общения, я привыкла молчать в тряпочку, и неподвижно наблюдать за работой грубого пони, пару раз даже заснув под мерные удары кузнечного молотка.

- «И че, все целые?».

- «Угу. Наши вели их от этого самого ручья. Горазды же переть, бродяги – целую кучу барахла приволокли на своих спинах».

- «Барахла!» - описав широкую дугу, раскрученный на ноге молот в последний раз бухнул по заготовке, и тяжело опустился на земляной пол кузни, в то время как заостренный конус будущего наконечника полетел в широкую каменную чашу, зло зашипев в принявшей его ледяной воде – «Барахла, а не инструментов!».

- «А вдруг они и инструмент прихватили?» - обнадеживающе хмыкнула я, откидываясь спиной на холодную каменную стену – «Хотя я не видела там каких-нибудь стойл, а вот камеры для пленных в этом поместье были, этого у него не отнять...».

- «Эти засранцы не нашли бы и собственного хвоста, чтобы им подтереться!» - с досадой бросил мне кузнец, откладывая в сторону забавного вида клещи с закрученными в кольца концами. Проржавевшая, скрипучая пружина позволяла использовать их одной ногой, чем он и воспользовался, погрозив своим оружием в сторону двери – «Раззявы! Олухи! Дождутся, когда я от них переберусь в какой-нибудь грифоний город!».

- «Переберешься?» - открыв глаза, я уставилась на сердито сопящего земнопони, грозно трясущего длинной и неухоженной бородой, курчавившейся от жара кузнечного горна – «Шегги, ты серьезно думаешь пойти к грифонам? Вы ж с ними воюете, разве нет?».

- «От сезона зависит» - отмахнулся от меня кузнец. Подойдя к сундуку, стоявшему у входа в кузницу, он зарылся в него с головой, отчего его голос стал глуше и неразборчивее – «Бывает, что и схлестываемся на узкой дорожке, если у них безрыбье, а у нас – неурожай. Бывает, что и дружим... В каком-то смысле».

- «Это в каком же?».

- «А мы их не трогаем, и они нас не замечают» - хладнокровно объяснил мне реалии местной политики вынырнувший из глубин сундука жеребец. Протиснувшись между столом и наковальней, он остановился возле могучих, хотя и несколько примитивных тисков, бросив рядом с ними несколько изогнутых железных пластин – «Но вам, чужакам, этого не понять. Ну, и чего ты там расселась? Думаешь, я долго буду тебя ждать?».

- «Заказов у тебя не особенно много, так отчего и не подождать?» - потянувшись, хмуро хмыкнула я. Услышав мои слова, земнопони раздулся, словно застигнутый врасплох Кабанидзе, и кажется, даже потянулся задней ногой к наковальне, возле которой валялся его тяжелый кузнечный молоток – «Эй, я просто шучу. Не дуйся, как мышь на крупу. Я ведь тебе свои ноги доверила, представляешь? Вот подкуешь меня не так, как нужно, и я, с чистой совестью, отправлюсь в госпиталь, мять там подушку и поплевывать в потолок, пока другие рискуют своими жизнями, вызволяя из плена молодых дочерей и сыновей одних хитрожопых идиотов, решивших и на ёлку влезть, и sraki при этом себе не ободрать - и Легата в плен захватить, и с грифонами поцеловаться, и с Легионом отношения не испортить».

- «Да мы...».

- «Шегги, давай не будем хвастаться друг перед другом крутизной, хорошо?» - поднявшись, я примиряюще похлопала вытянутым крылом по плечу возвышавшегося надо мной жеребца, гадая, не прибьет ли он меня за такой панибратский поступок – «Мы уже не маленькие, чтобы спорить, чей герой одолеет злодея, или такого же, как он, героя. Я просто понадеялась на то, что ты настоящий кузнец, и сможешь меня подковать, вот и все. Поэтому я терпеливо ходила к тебе все это время, и надеюсь, что смогу приходить и дальше. Но если тебе, *your mat*, так претит общение с тупой, пятнистой кобылой...».

- «Во, теперь хорошо!» - довольно осклабился бородач, похоже, нимало не смущенный моей вспышкой, переходящей в злобный крик – «А то все притворялась, с Первой Матерью об умном беседовала; ворон своих, железом увешанных, вдохновляющими речами обнадеживала; с городскими пиновала... Личину свою скрывала - вот что ты делала, кобыла! Будто мы не знаем, как должен выглядеть Мясник. Давай сюда свои шагалки – я тебя так подкую, что не одна рожа вспомнит Шегги-кузнеца из Олд Стампа, получив этими малышками по самой... По самой...».

- «По самой роже?» - предположила я. Все еще пыхтя, я с трудом заставила себя запрыгнуть на верстак, где притаилась странная, похожая на рогатку штуковина, снабженная жесткой подушечкой с сеном, на которую полагалось опираться ногой. Наверное, ее следовало бы поставить пониже, на пол, но судя по притягивавшим ее к поверхности верстака болтам, хозяин странного устройства явно считал иначе – «Ладно, забыли. Только для тебя, при встрече, буду ругаться, сморкаться, и поминутно богохульствовать, поминая возвышенные прелести принцесс. Сойдет?».

- «Для начала. Потом посмотрим» - пробормотал земнопони, набрав полный рот острых, четырехгранных гвоздей. Подняв с верстака молоток, он приглашающе дернул меня за ногу, заставляя упереть ее бабкой в твердую, как камень, подушечку на станке – «Не дергайся! Что ты, как жеребенок! Ну-ка, сейчас мы примерим на тебя этих красавиц...».

Из кузницы я вывалилась, сопровождаемая напутственным пинком кузнеца. Рассердившись на то, что я слишком медленно и осторожно переставляла ноги, словно хромой паралитик, он подцепил меня зубами за прикрывавший шею кольчужный воротник, и выкинул из своей землянки, пожелав напоследок не сдохнуть до того момента, когда придется менять «его красавиц». Что было красивого в грубых, сероватых подковах, я так и не поняла, но благоразумно решила обойти этот вопрос стороной, чтобы не тратить время на очередные препирательства со склочным, как бабка, жеребцом. У выхода я натолкнулась на Равикса, спешившего к распахнувшейся двери – увидев меня, словно курицу, вылетающую через грохнувшую за моей спиной дверь, он притормозил, и принялся оглядывать меня так, словно видел в первый, и возможно – в последний раз в этой жизни.

- «Чего?» - не выдержав этого оценивающего взгляда, я нахмурилась, проведя копытом по взмокшей от жара голове. Резкий переход из темноты к свету вновь заставил мои глаза вести себя непредсказуемо, и мне пришлось проталкивать слова через крепко сомкнутые зубы, стараясь унять поднимавшиеся внутри меня волны рвоты от скачущих перед глазами картинок – то слишком далеких, то наоборот, слишком близких, и перемешанных

с солнечными зайчиками, проходящихся по сетчатке не хуже иных ножей – «Я просто решила подковаться. Не спрашивай, зачем».

- «Не буду» - пообещал мне земнопони, но помолчав, все же решил докопаться до сердито трясущей головой кобылки – «Нет, ну а все-таки, зачем? Я слышал, это уже давно не в моде среди жителей Эквестрии, верно?».

- «Да чтобы не слышать голосов в голове!» - злобно рявкнула я, от собственного крика приседая на задние ноги. К счастью, жители окружавших дворец домов были заняты встречей вернувшихся земляков, а оставшимся дома не было никакого дела до глупой пегаски, что-то оравшей на заднем дворе общинного дома – «Чтобы спокойно заниматься своими делами, не мучаясь то от бесполезных угрызений совести, то от советов, которые кажутся жуткими даже мне самой! Да, я сумасшедшая, и полная дура! И что с того? Хочешь поржать?!».

- «Пожалуй я рискну, и откажусь от этой затеи» - с такой серьезной миной, что даже не слишком умное существо вроде меня почувствовало бы насмешку, проговорил Равикс, откровенно оценивая разглядывая мои крылья – «А вот ты бы могла и поинтересоваться, как прошло наше путешествие. Или тебя интересуют только убийства и разграбление чужих домов?».

- «Как прошло путешествие, я знаю, хотя и в общих чертах» - не стала скрывать я. В конце концов, это по моему приказу остававшиеся в бурге десятки вот уже несколько дней, сменяя друг друга, сопровождали возвращавшийся караван – «Но не отказалась бы услышать подробности. Все прошло хорошо?».

- «Нормально. Обыденно. Скучно. Смотря как на это поглядеть» - то ли земнопони был слишком умен, и не стал набивать себе цену, рассказывая о спасении от невидимых чудовищ, то ли такие прогулки и впрямь были для него не впервой – «Хотя мне почему-то казалось, что всю дорогу за нами следили. Тебя это не слишком тревожит?».

- «Они были бы дураками, если бы не попытались этого сделать» - хмыкнула я. Несмотря на озабоченный вид жеребца, я не придала его предупреждению большого значения. В конце концов, я крепко подозревала, что расположения всех городов и городишек, бургов и весей, а также поселений грифонов известно и тем, и другим – то есть всем, кроме нас. Чужаков, которым не доверяли. Которых привечали, как привечали бы большую и сильную собаку-волкодава, не забывая, впрочем, о необходимости длинной цепи – «Так что да, я не слишком волнуюсь по этому поводу. В конце концов, должны же они попытаться отбить его, или нет?».

- «Ты говоришь о своем пленнике?».

- «А о ком же еще?» - ухмыльнувшись, я по старой привычке, задумчиво дотронулась до губы копытом, но тут же отдернула ногу, лишь в следующий момент сообразив, что нечто холодное и твердое, неприятно пахнувшее сталью и грязью, было не прилипшей к копыту какашкой, а самой обычной подковой, охватывающей нижнюю поверхность моего копыта. Не удержавшись, я покосилась на задумчиво хмыкнувшего жеребца, явно заметившего мой нервный жест – «Не вздумай там придумывать себе разные глупости, понял? Я просто еще не привыкла к этим железкам».

- «Такую обувь используют тюремщики Махакама, чтобы вдохновлять рабов на новые трудовые подвиги во имя Короны и Каменного Трона» - пробормотал серый жеребец.

Подняв глаза, он взгляделся в какую-то точку за моей спиной, но я решила не оборачиваться – кто его знает, этого охотника на чудовищ, не придет ли ему на ум шарахнуть меня по башке чем-нибудь тяжелым. В качестве расплаты за каких-нибудь рабов, которых побили такими же вот подковами.

– «Только они используют вкручивающиеся в них шипы» - закончил свою мысль белогривый. Отставив уши назад, я услышала приближающиеся хлопки, словно где-то позади, за спиной, пытался взлететь небольшой пегасенок. Через мгновение, мою гриву довольно бесцеремонно дернули чьи-то острые и цепкие когти, а вокруг головы поднялся настоящий ураган, когда по ней начали лупить буро-белые совиные крылья – «Послушай, мне кажется, или у тебя что-то запуталось в волосах?».

- «Шутишь? Счас дошутишься...» - пригрозила я непонятно кому – то ли пони напротив меня, то ли грузному сычику, бесцеремонно топтавшемуся у меня по голове. Придя в совершеннейший восторг от моего возвращения, он радостно ухал, урчал, и то и дело хватал меня за уши своим острым совиным клювом – «Ну, а ты чего расшумелся? Ты-то вообще где был, когда тебя не было? Почему отсутствовал на построении, морда свинская?!».

Ответа, конечно же, не последовало. Потоптавшись, как слон, у меня на макушке, сов уместился у меня между ушей, и испустив тонкий, дребезжащий, похожий на предсмертный стон паровоза вздох, приготовился отойти ко сну.

- «Кого-то он мне напоминает...».

- «Ни слова больше!» - предупредила я жеребца, для острастки, свирепо фыркнув соплящимся на морозе носом – «Я твои намеки за полгорода вижу!».

- «И сопит, и чешется, и даже ворчит во сне точно так же...» - продолжил издеваться белогривый негодяй, ловко уворачиваясь от удара моих задних ног. Сердито взбрыкнув, я зарычала, но не успев начаться, драка быстро сошла на нет, когда проснувшийся от моих прыжков сычик разорался, и вновь принялся наводить бардак у меня на голове. Отдохотавшись, земнопони помог мне приструнить вольнолюбивую птицу, похоже, считавшую, что наиболее полным выражением этой самой свободы будет возможность спать между ушей у своей хозяйки, периодически просыпаясь для того, чтобы поорать на совершившую неловкое движение голову, и долбануть по этой самой голове крючковатым, хищно загнутым клювом.

- «Ладно-ладно. Не кипятись» - вдоволь наиздевавшись, жеребец похлопал меня по загривку, словно специально, насыпав туда ворох снега, якобы случайно налипшего на его копыто – «Тебе еще понадобится вся твоя выдержка, когда вы будете делить добычу с местными жителями».

- «Делить добычу?» - насторожившись, я зло оттолкнула серую ногу, опять же, якобы случайно, оставшуюся на моем загривке. После рождения детей желание молодого тела трахаться со всем, что шевелится и не ёжик, несколько поутихло, а зимой – притупилось и вовсе, поэтому я довольно вяло отреагировала на заигрывания местного белогривого мачо, больше заинтересованная в собственном благополучии, нежели на отыгрывании роли недалекой пегаски – «А чего ее делить? Все, что они притащили, нас совершенно не интересует, и если для вас с Нефелой сопровождать их было делом чести, или чем-то там

еще, то для меня вся эта эпопея – просто небольшая услуга местному бургу, который я сделала временной базой для своих операций в этом регионе».

- «Какие умные ты слова говоришь, Легат. «Временной базой», «операции», «регион» - я просто онемел от восхищения твоей эрудированностью!» - ехидно откликнулся земнопони, скрывая за нарочито серьезным тоном сквозившую в его голосе насмешку – «А о желании местных становиться этой самой «временной базой» ты подумала? Вы прилетите и улетите, а им еще жить и жить бок о бок с грифонами, построившими тут немало своих каменных домиков-поселений».

- «Так они сами меня пригласили. Разве ты этого не помнишь?».

- «Не стоит играть словами».

- «А я и не играюсь!» - фыркнула я, на этот раз, заранее прикрывая нос сгибом передней ноги – «И вообще, это не я! Первая Мать сама пригласила меня в этот бург, и не моя вина, что она собралась продать меня твоим драгоценным грифонам, нарушив все мыслимые законы гостеприимства. Или ты решил, что я упомянула про «свои условия» просто для красного словца? Теперь Олд Стамп мне *должен*, и вирой⁵ я выбрала вот такое вот тягло⁶ для этих пони. Что, думаешь, я была не права?».

- «Грифоны обманулись, и явно не ожидали, что ты прилетишь с сотней пегасов-бойцов» - покачал головой Равикс с видом взрослого, отчитывающего малолетнего хулигана – «Ты легко могла бы ускользнуть от тех двух или трех десятков, которые привел с собой этот унгон».

- «И что дальше?» - помимо своей воли, начала заводится и я, взбешенная этим менторским тоном. Этот наемник собирается учить меня тому, как нужно и можно поступать во время войны? *«Да что он вообще позволяет себе, этот жеребец?!»*.

- «И что дальше?» - могучим усилием заставляя голос не срываться на крик, поинтересовалась я у стоявшего напротив охотника на чудовищ – «Вновь бежать? В лес, в темноту, в зимнюю вьюгу? И для чего же? Неужели лишь для того, чтобы аборигены не чувствовали себя виноватыми в том, что собирались расплатиться моей жизнью за собственные ошибки?! Так вот, белогривый, знай – я срать хотела на все их проблемы и недоразумения с грифонами! Срать, причем с высокой колокольни! Они не обратились ко мне, когда я заняла Кладбище Забытого! Они не обратились к Гвардии, разведчики которой, по слухам, шныряли по этим лесам! Они решили прогнуться – так какая тебе разница, под кого?!».

- «Мне – не все равно» - выслушав мой сбивчивый монолог, холодно хмыкнул Равикс, лишь прижатыми к голове ушами выдавая свои настоящие чувства – «И если я увижу, что твое присутствие для них станет хуже, чем грифоний налет, тогда кое-кому придется пожалеть, что они не бежали той ночью в лесную темноту».

- «Смело сказано, белогривый! Грифоны тоже так считали, как думаешь?».

- «Тебе понадобится нечто большее, чем просто слова, чтобы заставить меня отступить, Мясник Дарккروشаттена».

⁵ Плата за убийство. Скраппс использует его в появившемся позже, переносном смысле этого слова – «плата за тяжелую вину».

⁶ Тяжелая повинность в пользу государства.

- «На себя погляди... Мясник!» - сердито фыркнув, я выпустила из ноздрей два быстро рассеявшихся облачка пара, серебристой финифтью осевших на залатанной стеганке стоявшего напротив меня жеребца – «И вообще, ты хоть видел, как реагируют жители на возвращение своих близких, да еще и с добычей? Судя по воплям, теперь они совершенно не против моего присутствия в их городке. Так что гляди, как бы тебе первым не вылететь из этого угрюмого местечка, Равикс. Толпа – дама ветреная, и к тому же, не слишком умная».

- «Как я уже говорил, меня кормят ноги. Поэтому я не задерживаюсь там, где в моих услугах не нуждаются» - прохладно ответил серый жеребец, вместе со мной, вслушиваясь в многоголосый гомон, доносящийся от ворот. Развернувшись, я ехидно хмыкнула, и утерев нос земнопони своим торжествующе поднятым хвостом, двинулась прочь от городской кузницы, из-за закрытой двери которой вновь раздались удары кузнечного молотка – «И как только я улажу свои дела в Олд Стампе, я вновь отправлюсь в дорогу. И в связи с этим, мне захотелось узнать – а моя часть награды за это небольшое приключение тоже составит подушка и пара набитых соломой перин?».

- «Твое... Вознаграждение?» - притормозив, я растеряно оглянулась на шедшего за мной Равикса, не вполне понимая, откуда в его голову пришла такая блажь – «Так ты ж сам напросился! Еще уговаривал взять тебя, как отличного следопыта!».

- «Конечно. И как хороший наемный истребитель монстров, я полностью выполнил взятую на себя роль. Вот скажи, за все то время, которое мы провели в пути туда, а затем обратно, ты видела хоть одно чудовище?».

- «Н-нет, но...».

- «Воооот. Так что не благодари» - с приличествующим моменту пафосом, надулся от гордости жеребец. Разинув рот, я выпучила глаза, зависнув между желанием расхохотаться от такой неслыханной наглости, или же восхититься находчивостью серого мерзавца. Похоже, этот негодяй и вправду был лишь «наемным охотником», да к тому же, не раз остававшимся без единого бита в кармане. Застыв с нелепо поднятой ногой, я обескураженно глядела на нагло ухмылявшегося земнопони, просто не зная, что и сказать ему в ответ.

- «Конечно, я бы мог согласиться на часть добытых *нами* денег...» - между тем, продолжил тот развивать свою мысль – «Тем более, что я уверен в том, что ты не преминешь поступить благородно, и пожертвуешь их часть в пенсионный фонд охотников на монстров...».

- «Равикс, тебе давно морду не били?».

- «Очень давно» - ехидно откликнулся серый жеребец, высматривая что-то за моей спиной – «Но раз тебя одолевают какие-то сомнения...».

- «Еще как одолевают!» - набычилась я, не собираясь оборачиваться, тем самым попадаясь на старую, как мир, уловку. Он и вправду считает меня такой тупой? А я не глупая, я с пятнышками! – «То ли рассмеяться тебе в морду, то ли обглодать ее, как косточку!».

- «...тогда я готов прийти к тебе на помощь в этом вопросе, и после долгих уговоров, согласиться на меч. Как думаешь, Неф?».

- «На меч? Какой еще меч?» - остолебенев, я несколько мгновений пыталась сообразить, о каком мече, и о какой Неф идет речь, пока, обернувшись, не увидела спешащую к нам каурюю пегаску – «Какая еще Не... Вот ведь конский хрен!».

- «Я? А я вас повсюду ищу!» - при виде нас двоих, пусть даже и стоящих не так чтобы близко друг к другу, глаза кобылы позеленели от злости – «Раг! Твои пони устроили бучу возле ворот, и если ты считаешь, что таким вот образом добьешься нашего расположения, то ты крупно ошибаешься, поняла?!».

- «Бучу?» - вскинувшись, я оттолкнула с дороги Равикса, и лихим наметом ломанулась в сторону ворот, откуда уже доносился гул рассерженных голосов. Новые подковки звонко молотили по прихватившему за ночь дорожки ледку и слежавшемуся снегу, и вновь, как всегда, я напрочь позабыла о том, что можно было бы и не бежать по петляющим между хаток тропинкам, а воспользоваться тем, что висело у меня на боках...

Но, как я уже говорила, я была не самой умной кобылой.

То ли Нефела, переволновавшись, сгустила краски, то ли она и в самом деле, никогда не видела «бучи» в исполнении Легиона, но к моменту моего прибытия, никакого кровопролития или мордобоя у ворот городка не наблюдалось. Притащенные северянами телеги уже развезли по домам, и теперь, в разных уголках бурга, шла оживленная дележка добычи, сопровождавшаяся выкриками, спорами и негромким, напряженным смехом.

- «Ну и что тут у вас происходит?» - поинтересовалась я у Рэйна. Важный, как петух на навозной куче, тот взгромоздился на крышу ближайшей землянки, и с негодованием глядел на нескольких грузных земнопони, облаченных в длинные, подбитые тряпичными подкладками, плащи. Похоже, к нам прибыла делегация от местных, но сколько бы я ни вглядывалась в неподвижные, бородатые морды, сумрачно зыркавшие на меня из-под насупленных бровей, понять, зачем они приперлись, я так и не смогла.

- «Да вот! Деньги, говорят, давай!» - кипя от возмущения, ткнул в сторону бородатых пони мой зам, сердито топорща порядком пожеванные в прошлом сражении крылья – «Хотят, чтобы мы им за постой платили!».

- «И за постой. И за кров» - пробурчал правый пони. Прилизанная, и судя по запаху, смазанная чем-то вроде масла, его грива была зачесана на пробор, тотчас же поселивший во мне недоверие как к самой старообрядной «прическе», так и к ее обладателю – «И за еду. Вы ж не на своем кошту сюда притекли? Значит, за постой придется платить, как и за наши обиды».

- «Чееего?! За обиды?!» - не на шутку разошелся Рэйн. Спрыгнув со своего насеста, он завис перед сумрачно глядящими на нас лесовиками, громко и раздраженно хлопая подранными крыльями – «Дураки дубиноголовые! Вы еще у нас помощи просить приползете!».

- «Спокойнее, Рэйни. Не кипятись» - отстраняя крылом рычавшего на земнопони пегаса, попросила я. Где-то впереди, из-за хаток и домов, показались Равикс с Нефелой, как и я, дружно решившие пренебречь наличием у одной – крыльев, а у другого – каких-то там неотложных дел с кузнецом, и присоединившихся к местной делегации. И если серый жеребец решил остановиться неподалеку, то его спутница повисла над головами своих соотечественников, с сердитым видом уперев передние ноги в бок.

- «Значит, хотите получить за постой?» - переглянувшись, стоявшие напротив земнопони решительно затрясли головами, а висевшая над ними Нефела открыла было рот для того, чтобы разразиться каким-то пегасым спичем об угнетении трудового народа, но осеклась, увидев поднявшееся в предупреждающем жесте крыло – «Что ж, это можно».

- «Серьезно?» - уставилась на меня каурая. Судя по настороженному выражению на морде, пегаска явно подозревала какой-то подвох, как и стоявшие под ней горожане. Не зря, наверное, на их боках висели крючковатые палки, грубо украшенные какими-то бусинами и тусклыми камнями. Интересно, не с их ли помощью они собирались выбивать из меня дань? А может, это лишь знаки отличия глав районов? – «Ты... Заплатишь?».

- «Без проблем!» - пожала плечами я, игнорируя возмущенно крутанувшегося ко мне в воздухе пегаса – «Счас всем заплачу. Все, что есть отдам...».

Стоявший неподалеку Равикс напрягся.

- «А потом – уйду. Вместе со своим отрядом» - слова вырвались у меня изо рта так легко и свободно, словно я уже давно готовилась к этой встрече. Я подозревала, что аборигены, так или иначе, попытаются взять меня в оборот, придавив оказавшихся на их шее пегасов своей крестьянской обстоятельностью и знанием местных обычаев, но все заготовки на этот случай мгновенно выветрились из моей головы при виде столь неприкрытой жадности этих волосатых лошадей – «А перед этим – навещу своих пленных. Они же вам тоже в тягость, верно? А после того как я их навещу... Я тут подумала – а почему бы мне их не отпустить?».

- «Командир!» - с негодованием воскликнул Рэйн, но тотчас же заткнулся, увидев мой кипящий злобой взгляд.

- «Дааааа... А это неплохая идея» - расплывшись в улыбке, я вновь, по скопированной у Луны привычке, задумчиво потрогала копытом нижнюю гуду, ощущая на ней холод металлической набойки – «Пожалуй, нужно будет даже накормить их перед дорогой, а напоследок – обнять, и дружески распрощаться, уверив, что в отличие от местных, совершенно не одобряем такого отношения к вазе. Надо же – держать гордого риттера и его свиту в грязи, в холоде и голоде! Позор! Да, думаю, это будет забавно...».

- «Это будет глупо!» - фыркнула каурая пегаска, возмущенно потряхнув длинной, растрепанной гривой – «Они будут в ярости от того, что им пришлось сидеть в землянке, и они... Они обязательно вернуться, чтобы отомстить!».

- «Да нуууу?! Не может быть!» - делано удивилась я, расставив в стороны крылья, словно огромные руки, тщащиеся охватить стоявшую напротив меня группу пони. Увидев вблизи эти перьевые простынки, земнопони вздрогнули и сделали шаг назад – «Да что ты говоришь? Думаешь, ваза опустятся до мелочной мести?».

- «Ты просто не знаешь унгонов!» - проскрипел один из явившихся за моими грошами горожан – «Они сильны и злопамятны, а уж летают такими стаями! Как заглядишься – так инда сердце-то и захолонет».

- «Ну, это будут уже ваши половые проблемы, уважаемые» - твердо ответила я, резко складывая крылья. От свиста и последовавшего за ним щелчка, с которым жесткие маховые перья ударили меня по бокам, собеседники вновь вздрогнули и переглянулись – «Просто вас тут перебьют, или уведут в рабство, напоследок, спалив весь этот городок, меня волновать уже не будет. Пожалуй, я даже займу на облачках свободное место, и

кушая попкорн, останусь понаблюдать за происходящим. Знаете, как красиво горят города?».

- «Нееееет...».

- «Потом обязательно покажу» - доверительно наклонившись вперед, сообщила я тяжело сопящим, бородатым мордам – «Конечно, вы не останетесь совсем уж без защитников...».

- «Правда?».

- «Конечно!» - оскорбленно вскинула голову я, стараясь игнорировать тщательно сдерживаемое хихиканье за своей спиной. Судя по запаху и хлопкам крыльев, за моей спиной уже собралось несколько легионеров, и если мои уже порядком покоцанные ушки меня не подводили, они мгновенно принялись заключать пари, с негромким звоном обмениваясь золотыми монетами – «Вон, поглядите-ка направо! Как вы думаете, кто этот мощный жеребец? Кто этот серый герой в сверкающей - ну, ладно, не особенно сверкающей - стеганной куртке? Кто этот могучий спаситель? Что? Равикс из Угла? Нееет, это не просто какой-нибудь Равикс – равиксы бывают разные, поверьте! Этот же Мясник! И он с радостью защитит хоть весь этот город, хоть весь этот край, от неисчислимых орд грифонов, в этот момент, уже готовящих внезапный штурм вашего бурга. Расценки его вы знаете – на мой взгляд, кстати, совершенно демократичные».

- «Знаем. Как не знать» - тон старшего земнопони, в отличие от слов, явно выдавал его чувства – «Ох и знаем... Ты, эта – не серчай. Мы тебя на свой кошт возьмем, коль обещаешь, что отсюда ни ногой. Тьху ты, пегасы проклятые! Ни крылом, в общем! Согласна?».

- «Ну... Мне нужно подумать...» - возвела я очи горе, старательно пытаюсь свести вместе кончики губ, разъезжавшиеся в злобной ухмылке – «В конце концов, одно поместье мы уже навестили, и делать там больше нечего – оставшиеся унгоны злые, и наверняка захотят отомстить. Может, и вправду уже пора честь знать...».

- «И банду твою на прокорм возьмем!» - задергал глазом третий, все это время молчавший земнопони – «И пленных, коли таковые сыщутся. Токмо ты должна будешь нас защищать, животом своим, а не абы как. Знаем мы вас, пегасов!».

- «Ну, если за прокорм...» - я сделала вид, что колеблюсь, но быстро бросила это дело. Какая-то недобрая мысль оцарапала мой мозг, словно коготок промелькнувшей мимо летучей мышки, и мне вдруг стало не до этих реверансов, тем более, что всем уже стало ясно, чем закончится все это дело – «Но учтите, добычу, которую взяли мои ребята, я распределяю сама. Все, что найдете после нас – хоть зубами грызите, но даже и не рискуйте пытаться отжать что-нибудь у *меня*».

- «Тяжко. Но пусть будет так» - вновь переглянувшись, лесовики пытливо уставились мне в глаза – «А ты клянись Добрыми Предками, что не оставишь нас без защиты!».

- «Хоть добрыми, хоть злыми. Пока вы блюдете свое слово – я буду держать свое» - отвернувшись, я двинулась в сторону подчиненных, с невинными глазами разбредавшихся кто куда – «Эй! А ну, стоять! Куда двинулись, удавы хромоногие? А ну, вытряхивайте карманы! Куда пошли, я вам говорю?!».

- «Кажется, ты не слишком уж популярна у своих подчиненных?» - поделился со мной своими сомнениями серый жеребец. Двигавшийся абсолютно бесшумно, даже на скрипящем снегу, Равикс подошел ко мне, и с интересом уставился на взъерошенную сову, приземлившуюся мне на затылок – «Не опасно ли такое панибратство?».

- «Опасно. Но мы сейчас в походе, да и...» - подняв глаза на бегавшего по моей голове сычика, я тяжело вздохнула – «Да ладно, кому я вру. Меня никто не любит, не ценит, и не уважает. Даже этот противный кабан, что топчется у меня по голове, как корова! Все меня ненавидят, обижают и объедают. Вот так и живем».

- «Кажется, ты несправедлива к своей зверушке» - хмыкнул белогривый, глядя на активизировавшегося сыча. Услышав мой вздох, он бочком-бочком передвинулся мне на затылок, спустился, словно скалолаз, по прикрытой кольчужной сеткой гриве, и сердито ворча, устроился у меня на плече, цепляясь когтями за щелочки между стальными пластинами. Прикрыв глаза, Кабанизе вдруг заурчал, словно голубь, и ласково потерся о мою щеку, явно пытаясь приободрить – «А так же, к остальным. Стоило ли их так пугать?».

- «Ну, может быть, и вправду не все. И может, пугать их тоже не стоило» - подумав, согласилась я. Поведя глазами по сторонам, и убедившись, что за нами никто не подглядывает, я потерлась носом о клюв сыча, приведя того в какой-то совсем неприличный восторг. Постояв, я на какое-то время потеряла счет времени, и лишь покашливание серого пони вывело меня из задумчивости, с которой я наслаждалась легкими покалываниями совиных когтей, пытавшихся забраться мне на голову по шуршащей кольчуге – «Но знаешь, как говорили ушедшие от нас древние? Vae Victis - «Горе побежденным!», а эти пони – они уже побеждены, и лишь я, со своей «бандой», как ты называешь этот передовой пегасий отряд, удерживаю их от раздробленности и неминуемой свары, после которой они разбегутся... Или попадут в лапы грифонам, которые сожгут это место дотла. Ладно, Равикс, не будем о грустном. Что за меч ты просил?».

- «Тот, что вы забрали из оружейной грифоньего ландгута. Мой промысел подразумевает использование двух мечей, и тот, что мы нашли, станет неплохой заменой настоящего оружия охотников на монстров. Не забывай, что ты мне должна, Раг – хотя бы за то, что я прислушался голосу рассудка, а не увещаниям достопочтенной Матери Почард, так и рвавшейся отдать тебя грифонам, готовым построгать тебя на ремешки».

- «Хорошая попытка, белогривый» - хмыкнула я, двигая шкуркой головы, отчего сидевший на моем темечке сычик беспокойно завожился, для порядка, клюнув меня в дернувшееся ухо – «Однако ты видел, чем закончилась эта встреча, и кого там порезали на ремни. Ладно, не спорь! Хотя штука это красивая, и как я подозреваю, цены немалой, но так уж и быть – забирай. Дарю. Бездвоздмездно!».

- «Благодарю тебя, Легат» - кивнул жеребец. На его губах промелькнула удовлетворенная ухмылка, с которой он двинулся в сторону сердито сопящей Нефелы, возвращавшейся к нам от крыльца общинного дома, где уже собралась какая-то толпа.

- «Но теперь уже ты мне должен, Равикс» - крикнула я вслед обернувшимся в мою сторону пони. Жеребец и кобыла – что связывало их? Дружба или нечто большее, еще

неизвестное мне, чужаку из южных земель? – «Слышишь? Теперь уже ты мне должен, и однажды, я стребую этот долг!».

- «Командир! Раг, поднимайся!» - открыв глаза, я долго не могла сообразить, где я нахожусь. Темнота общинного дома, в которой расположилась вся моя сотня, была расчерчена золотистыми столбами света, косо падающего на стены и пол через расположенные на втором поверхе окошки, забранные вместо стекол косой деревянной решеткой, и в их мерцающем свете я разглядела ошалевших со сна подчиненных, спешно натягивавших на себя туники, поддоспешники и броню. Поведя слипающимися глазами по сторонам, я столкнулась нос к носу с Нэтл, очумело трясущей меня, словно наполненный конфетами мешок – «Вставай же! Быстрее!».

- «Трубить тревогу! Всем по местам!» - выталкивая из горла волны перегара и вонь нечищенных зубов, рявкнула я, со скрипом поднимаясь на все четыре кости. Вчерашняя попойка явно была лишней, и мне осталось лишь порадоваться, что сопевшая неподалеку Лиф еще не успела подняться, и только охнула, когда на нее повалилось мое тело, коварно сбитое с ног внезапно качнувшимся полом. Перекатившись на спину, я уже не пыталась подняться, а лежа, как была, начала заползать в валявшийся неподалеку поддоспешник, от запаха которого начинали слезиться глаза. С трудом затолкав свою опухшую после суточной гулянки тушку в сегментарный доспех легионера, я предприняла еще одну попытку разлепить глаза, щурящиеся на мир не хуже любого китайца, и бодро поскакала на выход, где уже строилась моя сотня.

Ну, хорошо – полетела вверх тормашками. Нет, была бы я принцессой – законодательно запретила бы строить такие скользкие лестницы и жесткие полы!

- «Строоооой-ой-ой-ой... Строоойся!» - проскулила я, держась за пятую точку, и пытаюсь воинственно размахивать крылом, скрывая полученные ранения, дабы вдохновить на подвиги окружавший меня пернатый народ. Из открытых дверей в зал врывались потоки холодного ветра, почему-то отчетливо пахнущего дымом – «Десятники, не спать! Схема вылета – защита! Чего вымя мнем?!».

- «Легат, на город напали!» - из подсвеченного алым полумрака появилась звенящая доспехом фигура. Налетев на меня, Нэтл едва не свалила меня с ног, и только случайность позволила мне остаться на ногах, а не чебурахнуться в наметенный у входа сугроб – «Местные в панике! Патрули отступают от стены – Колт сказал, что там невозможно находиться из-за каких-то звуков!».

- «Звуков? Каких еще нахрен звуков?!» - я с трудом разлепила один глаз, которым уставилась на приплясывавшую рядом пегаску – «Что вы тут все, с ума посходили?».

- «Там какой-то скрежет, и... Да просыпайся ты!».

- «Уже-уже» - уверила я ее, с трудом открывая второй глаз, чему немало помог холодный и жесткий снег, размазанный по всей морде. Что ж, мне оставалось только надеяться, что решившие подняться по нужде отходили куда-нибудь подальше от входа в общинный дом бурга. Выбегавшие из него пегасы подпрыгивали, и уходили в темное небо, уже

подсвеченное пожаром, разгоравшимся где-то на восточной окраине городка – «Ладно, полетели. Сама погляжу, что к чему».

Поглядеть самой оказалось непросто, и мне пришлось подняться на приличную высоту, чтобы охватить взглядом весь Олд Стамп. Серевшие в ночи тропинки были заполнены бегающими туда и сюда земнопони, над которыми кружили фигурки пегасов, то и дело нырявшие вниз, но тотчас же, поспешно набиравшие высоту, словно пугаясь той белесой пелены, что напознала на бург с востока. Непроницаемая взгляду темнота кольцом окружала городок, пламенеющий огнями на холме, посреди каменистой долины – и через нее, медленно и неостановимо, белым саваном лилась призрачная река, подсвеченная всполохами огня, охватившего несколько построек. Она охватывала полукругом немаленькой протяженности стену, и вливалась в широкий пролом, разбиваясь на несколько узеньких ручейков, отчего восточная часть Олд Стампа, с высоты, напоминала замерзшую дельту реки.

И в этой полупрозрачной, туманной пелене двигались темные фигуры.

- «ТРЕТИЙ И ПЯТЫЙ ДЕСЯТКИ! ПРОТИВНИК НА ВОСТОКЕ!» - заорала я, надрывая связки. Увы, вчерашний пир, на котором мохноногие лошадки решили отпраздновать первую свою добычу, затянулся далеко за полночь, и теперь, мой голос то басовито гудел на холодном ветру, то, подобно тому же ветру, истончался, срываясь в пронзительный фальцет. Услышав мой призыв, ближайшие ко мне тройки резко нырнули вниз, на лету, поудобнее хватаясь за копыта... И тут же рванули вверх, хлопая крыльями и едва ли не кувыркаясь на лету. Мои зубы непроизвольно сжались - до хруста, до боли - когда я увидела, как мало боевых товарищей вернулось обратно в небо.

Что-то явно шло не так, и мне поскорее следовало найти причину происходящего.

- «Рэй! Рэйни!» - увы, розовый, как сахарная вата, пегас порхал где-то внизу, командуя нашим отрядом. Через мгновение, возле меня мелькнули рыжие крылья Блуми Нэтл - услышав мой писк, пегаска пристроилась слева, и вместе со мной, понеслась в расцвеченный всполохами огня полумрак. Покосившись по сторонам, я сложила крылья, и ввернулась, словно штопор, в зазор между летевшими тройками пегасов, чего не сделала бы раньше – но в тот момент, в моей голове стучало одно – мои товарищи попали в беду, и я собиралась вытащить их из этой непонятной аномалии, от которой за версту несло проклятой магией.

«Интересно, каким бы был этот мир, если бы в нем не было магии?».

На мгновение, сознание подсунуло мне воспоминание о руинах городов, стоящих посреди радиоактивных пустошей, под которыми, в убежищах, медленно догнивали последние представители разумной некогда расы. Мысль появилась – и исчезла, когда наши тела нырнули в белесую муть, раздвигая мгновенно намокшими доспехами холодный и влажный полумрак, в котором жила непонятная, еще ни разу не виданная нам жизнь. То тут, то там, среди завихрений тумана, проступали неясные, прикрытые белыми ключьями фигуры, медленно двигавшиеся в сторону яркого марева, манящего, словно путеводный маяк. Наши уши мгновенно оглохли, когда пространство вокруг нас, как по команде, вдруг взорвалось оглушительным стрекотом, похожим на концерт десятков тысяч обезумевших кузнечиков или цикад. Резавший уши, словно пила, он то нарастал,

заставляя наши зубы вибрировать в такт гудящим черепам, то практически исчезал, переходя в область ультразвука, отчего нам становилось только хуже – от едва слышимого, пронзительного свиста сердце начинала сжимать невидимая когтистая лапа, заставляя судорожно хватать воздух раскрытыми ртами. Звук то накатывался, то ослабевал, заглушаемый порывами ветра, но стоило нам спуститься пониже, к земле, как мощная волна лютого визга, словно пила, резанула по нашим головам.

- «Я... Не...» - летевшая рядом Нэтл что-то скулила, передними ногами терзая торчащие из прорезей шлема уши, как и я, пытаюсь содрать с головы ставшую вдруг неимоверно тяжелой железяку, чтобы заткнуть их, хотя бы копытами, хотя бы изгаженным снегом, барханами мелькавшим все ближе и ближе под нашими животами. Я попыталась что-то сказать, что-то крикнуть, но непослушные крылья не дали нам даже взлететь, и все, что мы смогли – это обогнуть выросшую впереди нас огромную, сгорбленную тень, медленнодвигающуюся в сторону мерцающего где-то впереди света, косыми лучами пронизывавшего странный туман, наворачнувшись в большой, и почему-то очень жесткий сугроб.

- «Paf! Раааааг!».

- «Блум! Бл... Твою ж мать!» - грохнувшись с камня, который прятался под свеженьким снежком, я попыталась перевернуться, и встать на дрожащие ноги, гнущиеся, будто резинки. Стрекот и визг нарастал, и я с ужасом ощутила, что захлебываюсь в чем-то горячем и кислом, заливавшем мой нос и глаза. Сверху, с едва слышимым за ужасной какофонией стрекотом стоном, на меня завалилась Нэтл, то ли пытаюсь прикрыть распластавшимися крыльями от беды, то ли не в состоянии даже подняться, со стоном хватаясь за уши и лоб. Очередная волна стрекота схлынула, оставив нас корчиться на снегу, но не успела я сморгнуть соленую влагу, обильно орошавшую наши морды, как ощутила, что где-то рядом находится... Нечто.

Ощущение было странным, и пугающим – так ощущается присутствие рядом огромной опасности, пока еще непонятной, и оттого – пугающей вдвойне. Разлепив смерзающиеся ресницы, я вглядывалась в завихрения холодных, белых струй, неторопливо, уверенно текущих в сторону бушевавшего где-то позади нас огня, и шатаюсь от боли в раскалывающейся голове, пытаюсь нащупать глазами то неведомое, что врывается в наши уши оглушительным стрекотом и визгом. Там, за туманными струями, что-то двигалось, скрываясь за матово-алой пеленой, какая-то огромная фигура, покачиваясь и двигая необычайно длинными конечностями, брела через поднявшийся буран в нашу сторону, двигаясь зловеще неторопливо. Задрожав, я попыталась было ухватить зубами тесак, но первое же движение, первый же поворот головы заставил меня закрутиться на месте, со стоном опускаясь на снег. Мои копыта бессильно скребли по ремешкам охватывающей морду уздечки в попытке стянуть с головы шлем, тяжелевший с каждой секундой – казалось, что если бы мне удалось приложить к ней хотя бы немного снега, то боль обязательно исчезнет, и сразу же станет легко и хорошо. Просто нужно снять шлем – и не двигаться.

- «УУУУУМММММММММММ...» - тяжелый, глубокий звук раздался где-то совсем рядом. Стрекот и визг заглушили мой крик, когда что-то огромное, остановившись неподалеку, протянуло непропорционально длинную конечность, и подцепив меня за крыло, подняло в

воздух, выворачивая вмиг онемевшую часть тела. Земля покачнулась перед глазами – далекая, словно в полете, а передо мной, неторопливо и величаво, тянулась поверхность лохматой скалы, покрытой зеленовато-бурой, свалявшейся шерстью. Хлюпающий соленой влагой нос наполнился запахом дикого зверя – огромного, грузного, словно медведь, снабженного короткими, кривыми лапами, на которых тот стоял, опираясь на длинные обезьяньи конечности, одной из которых он удерживал меня в воздухе, рассматривая, словно игрушку. Где-то внизу, у отвратительно толстых лап, непристойно шевелящих грязными пальцами с внушительного размера когтями, уже поднималась рыжая пегаска, дрожащими ногами поднимавшая мой упавший тесак, но я видела, насколько жалким казалось наше оружие против этой ожившей горы. В стрекоте и свисте, заставившим меня застонать, послышались новые, визгливые нотки, и державшая меня лапа потянула меня наверх, замахиваясь для неуклюжего, но сильного броска.

«Неужели... Вот так...».

«Когти! Когти!» - непонятно, что визжало громче – доносящийся со всех сторон стрекот, в котором я уже могла вычленить отдельные, пронзительные голоса, или вопль, раздавшийся в моей голове. Безвольно повиснув в разгибающейся лапе, я с ужасом глядела на эту мохнатую гору, заканчивающуюся неприлично маленькой, безо всякого намека на шею, головой, мохнатой, словно коленка. Покрывавшая ее шерсть на мгновение раздвинулась, и в лохматых космах мелькнула огромная, черная щель, увенчанная редкими, бугристыми зубами, больше похожими на серые камни, по какой-то ошибке застрявшие в рыхлых, белесых деснах неведомого существа. Я в ужасе дернулась, словно пойманный воробей, трепыхая свободным крылом, но увы, на этот раз сталь, прикрывавшая мое тело, стала для меня той самой ловушкой, о которой предупреждал меня когда-то командор. Тяжелая, давящая, она не дала мне ни развернуться, ни изогнуться, ни хотя бы достать ухватившее меня существо своими копытами – сжавшись в комочек, я уже представила себе недолгий полет, заканчивающийся треском ломающихся о камни костей... Но вместо убийственного броска, держащая меня лапа разжалась, отдернувшись в сторону, когда сумевшая подняться рыжая пегаска все-таки подцепила мой меч, и пошатываясь, рухнула на стоявшую рядом с ней, короткую лапу, вонзая клинок в мохнатую, вонючую шерсть. Замахав всеми четырьмя ногами и здоровым крылом, я попыталась было уцепиться за грязные космы, но смогла лишь замедлить падение, и грохнуться на спину, плашмя, вместе с упавшей рядышком Нэтл, отлетевшей от удара мелькнувшего когтистого кулака.

Подниматься я не стала, да и просто бы не смогла – усилившийся стрекот и визг вновь стегнул по нашим ушам, заставив извиваться в корчах боли. Что ж, те, кто высмеивает головную боль, считая ее уделом истеричных дамочек, просто не встречался с настоящей мигренью, во время которых любое движение или мысль проходят по кающемуся обнаженному мозгу подобно ржавой пиле. Этот визг был стократно сильнее, рашпилем вгрызаясь в наши головы и уши, накатываясь волнами, словно испускавшие его существа наслаждались зрелищем бьющихся на снегу четвероногих тел. Медленное и неповоротливое, чудище ощупало свою поцарапанную ногу, и уже гораздо быстрее занесло над нами огромные кулаки, желая вбить своих обидчиков в каменистую землю... Но вновь опустилось на все четыре конечности, делая маленький шаг назад. Лапа

поднялась, прикрывая мохнатую голову от холодного блеска белоснежной стали Когтей, которые я, в слепой надежде, выставила перед собой, словно предостережение – «Ни шагу вперед!». Кажется, это подействовало – похоже, это существо уже знало, что это такое, а может... А может, оно даже встречалось с ними раньше?

Увы, если даже оно и пришло сюда из глубокой древности, каким-то образом оказавшись под стенами бурга Олд Стамп, то явно не для того, чтобы встретить тут какого-нибудь воителя из прошлого – я никак не тянула ни на прежнюю обладательницу этих клинков, ни даже на самого захудалого из фестралов, уж точно умевших пользоваться таким оружием получше меня. Отшатнувшись, чудовище вздрогнуло, и повинувшись стегнувшему по нам визгу, вновь двинулось вперед, словно чудовищных размеров горилла, поднимая над собой непропорционально длинные передние лапы. В отчаянии, я попыталась оттолкнуть от себя Блуми Нэтл, но увы, у нее были точно такие же планы, и столкнувшись, мы закричали друг о друга сталью обмерзших доспехов, словно два жука, повалившись в истоптанный снег.

К счастью, в тот день нам было не суждено пополнить коллекцию камней, разбросанных на холме вокруг бурга, парочкой симпатичных надгробий.

Снежная шапка, еще чудом удерживающаяся на гребне стоявшего позади нас валуна, внезапно решила вспомнить о законах всемирного тяготения, которые, вроде бы, еще никто из принцесс не отменял, и радостно устремилась вниз, ухнув на нас не хуже тапка, приземлившегося на жирного таракана. К счастью, нам так и не удалось стащить с себя шлемы, и уже через несколько секунд, из образовавшегося под камнем сугроба появились наши отплевывающиеся от снега головы, удар которого заставил их кружиться и звенеть, подобно двум старым котелкам. С другой стороны, нет худа без добра, и оглушение хотя бы немного притупило тот дикий визг, что терзал наши нервы и мозг, а падение рыхлого снега, все еще сыпавшегося с гребня скалы мне на морду, ознаменовал собой появление нашего спасителя – серая, подобная туману фигура, облаченная в черную стеганную куртку, уже плясала вокруг отмахивающегося от нее существа, с ловкостью избегая ударов огромных, словно бревна, передних лап. Расставив во все стороны когтистые конечности, чудовище стало похоже на огромного паука, и мы непроизвольно сжались в комочек, ожидая, что смелого, но глупого жеребца непременно расплющит не один, так второй удар этих лап... Но оказалось, что волновались мы зря.

- «Охотник... На чудищ...» - прохрипела рыжая пегаска, сплевывая непонятно откуда взявшуюся кровь. Она сочилась у нее из глаз и ушей, почти незаметная на фоне рыжей шерсти, заставляя поминутно встряхивать головой, обдавая меня солеными брызгами – «Видела? Нужно... Помочь...».

Не отвечая, я тяжело кивнула, с трудом ворочая онемевшей шеей. Что бы это ни было, мы должны были помочь серому земнопони, или хотя бы воспользоваться моментом для того, чтобы выбраться из этой ловушки, пока невидимые в тумане глотки притихли, и срежетали не так уж и громко, словно их обладатели следили за разворачивавшимся поединком. Скрипя и охая, мы поднялись, и синхронно шагнули вперед, вскидывая свое оружие – чудовище повернулось к нам задом, гоняясь за неуловимым противником, любезно подставив нам мохнатые тылы, увенчанные слипшейся, просиженной шерстью, к нечесаным космам которой прилипли какие-то подозрительные комки. Передернувшись от

отвращения, я ударила, с потягом проводя клинками по обосранной заднице, стремясь зацепить ими анус, или хотя бы немного повредить кобчик или крестец, что явно затруднило бы существование этому монстру. Пошатнувшись, чудовище неловко взмахнуло длинными лапами, едва не задев кувыркнувшегося над нашими головами жеребца, и рухнуло на землю, заставив запыленно порскнуть в разные стороны двух глупых пегасок, увлеченно полосовавших оружием дергавшиеся перед ними задницу и ноги. Отбежав, мы обернулись, чтобы вновь навалиться на упавшее в снег существо, да так и застыли, когда увидели невероятно красивый, внушающий трепет и восхищение, и наверняка такой же бесполезный в реальном бою прыжок, с которым облаченная в черную куртку фигура взлетела над ближайшей скалой, и перекувырнувшись в воздухе, с разворота, вонзила свой полуторный меч в трепыхавшееся на снегу существо, по самую рукоять погрузив его в грудь пытавшегося подняться монстра.

- «Уходите! Быстрее» - монстр умер не сразу. Еще шевелились огромные лапы, упираясь в предательски расползавшийся снег, еще открывалась оказавшаяся неожиданно огромной пасть, грозившая небу покрытыми рыхлым налетом зубами, но все уже было кончено, и прыгнувший с бочкообразной груди земнопони, в полете, стряхнул с оружия темные капли, шипящим веером оросившие ближайшую скалу. Скрежет притих, и теперь мы могли различить в нем отдельные вопли, раздававшиеся то справа, то слева, то позади. Невидимый дирижер этого адского оркестра был явно растерян, но где-то в тумане я заметила еще несколькодвигающихся гор – неспешных, неторопливых, бесшумно идущих к пролому в городской стене.

- «Выпендрейщик!» - буркнула я, с отвращением пытаюсь протереть слипавшиеся от крови глаза, и старательно не обращая внимания на протянутый мне ком истоптанного снега – «Что это вообще за хрень?!».

- «На город напали койпу» - подозрительно спокойно ответил жеребец, придерживая плечом пошатывающуюся Нэтл. Чудище позади него наконец затихло, перестав царапать когтями снег, и теперь струи белесого тумана плыли в неприятной, пугающей тишине. Стрекот и визги пропали, оставив после себя воспоминание кровавыми пятнами на снегу, да неподвижной тушей чудовища – «Странно, ведь зимой у них спячка. Наверняка именно поэтому дозоры были сняты. Но что заставило их пробудиться ото сна?».

- «Так их тут много?!» - встревоженно выдохнула рыжая пегаска, обессиленно опираясь на плечо жеребца – «Мы с одним-то справиться не смогли!».

- «Это? Это спригганы» - жеребец махнул хвостом в сторону поверженного монстра. Уши земнопони непрерывно двигались, вслушиваясь в безмолвное течение белесых струй – «Если честно, тоже не подарки. Обычно они не собираются в группы больше, чем из трех-четырех особей, и уж совсем редко делают то, что им прикажут эти мелкие ублюдки. Хотел бы я знать, случайность ли это...».

- «Так это еще не самое страшное, что мы видели?!».

- «Слышали эти ужасные звуки?» - вопросом на вопрос ответил нам Равикс, придирчиво изучая извлеченный из снега меч. Темные пятна и разводы покрыли некогда темно-серую поверхность, почти закрывая собой красивые синеватые волны, из которых и состояла благородная сталь – «Если услышите – сразу бегите, как можно дальше. Я займусь

спригганами – тогда и местным станет полегче. Они вломились в город, и Предки знают, что сейчас там творят».

- «Я... Постараюсь. Правда» - несмотря на радужное заверение Нэтл, я заметила, что она вряд ли сможет пройти хотя бы пару шагов. Похоже, по пегаске эти завывания и скрежет ударили сильнее, чем по мне, в то время как жеребец оставался свежим, словно огурчик – «Я смогу!».

- «Сможешь, сможешь» - буркнула я, оглядываясь по сторонам. Что-то промелькнуло на фоне далекого пламени, быстро проشمгнув по гребню развороченной стены, и скрылось в тумане – «Равикс! Раз уж ты идешь в город, не будешь ли так любезен...».

- «Буду. За отдельную плату, разумеется» - недобро хмыкнул жеребец. Опустившись, он взвалил себе на спину бормочущую пегаску, все еще уверявшую кого-то в том, что она непременно долетит до дома, обязательно сделает уроки, и точно никогда не будет гулять с теми противными жеребятами из соседнего класса – «Спригганы двинулись в бург, и я должен быть там. Оставлю ее возле дворца».

- «Дворца?» - удивившись, я покосилась на рваные, белесые клочья, взлетающие и падавшие под напором зимнего ветерка – «Этот дом, пусть и огромный, вы называете дворец? Ну, хорошо. Тогда я соберу своих, и...».

- «А ты отправишься вперед, и избавишь местных от койпу» - жестко приказал земнопони. Обернувшись, он вперился в меня своими желтыми глазами, заставив вздрогнуть, делая шаг назад. Морда жеребца заострилась, и в отвесах пожара я видела, как пульсируют под ставшей еще более серой шкурой набухшие вены, словно сытые змеи, извивающиеся под кожей охотника на чудовищ. Горящие желтым глаза пробежались по моей фигуре, и вновь спрятались под набрякшими веками – «Услуга за услугу, Ра! Серебро ты уже раздала своей банде – я уже узнавал, а той доли, которую ты оставила лично себе, мне не хватит даже на пиво в Фоур Воллс, не говоря уже о Сталлионграде. Поэтому ты тоже окажешь услугу мне, и этому городишке, и сделаешь часть работы, избавив местных от проклятых зверей».

- «Но...».

- «Ты узнаешь, с чем имеешь дело, когда увидишь этих тварей» - буркнул охотник, поправляя копошившуюся на его спине пегаску – «Они опасны количеством, поэтому не дай себя заманить в дом или узкий проход. Ну же, не ссысь, боец! Они не едят пони... Обычно».

- «Ахренеть ты меня ободрил!» - несмотря на подхваченный мной бравурный тон, я ощутила, как мои ноги и зубы, одновременно, начинают выбивать позорную чечетку, подрагивая от страха. В моей голове – спасибо тебе, Древний! – мгновенно промелькнули силуэты всех чудищ, рожденных воспаленным воображением создателей древних ужасиков, остановившись на демонических существах с кислотой вместо крови – «Обычно, значит? А меч ты стряхнул потому, что...».

- «Кровь у них зеленая, но проедает все не хуже кислоты» - пояснил земнопони. Повернувшись, он мощным прыжком оказался на камне, заставив меня разинуть от удивления рот – «Но меч выдержал. Благодарю за подарок. И давай уже, двигайся! Делай свою работу, Мясник!».

- «Делай свою работу, мясник! Ххха! Да я лучше в кадке с водой утоплюсь!» - пробурчала я, осторожно двигаясь между темневшими халупами. Зарево пожара все так же расплывалось окрест, подсвечивая накрывший город туман, и серебристые струи, словно природные световоды, принимали в себя эти отсветы, алым маревом разнося их на сотни метров вокруг. Иногда мне казалось, что я плыву по оранжево-красному морю, раздвигая грудью едва ощутимые волны, разбивающиеся о поскрипывавшую броню. Крыло нещадно саднило – уже который раз за мою недолгую жизнь ему доставалось то от веревки, натянутой поперек рудничного ствола, то от удара о землю, то от лап невиданного чудовища, решившего помахать мной, словно флажком – «Yebanniy йети! Ssuka hueva! И этот тоже... «Иди! Избавь!». От кого тут избавляться?!».

Я обшаривала окрестности пролома уже не один десяток минут, но все, что мне попадалось по дороге – лишь покинутые жителями дома, носившие на себя признаки разграбления. Мои копыта то и дело хрустели по черепкам, оставшимся от разбитой посуды, разбросанным вещам и детским игрушкам, безжалостно вытащенным из домов, и разбросанных в слепой ненависти по близлежащим сугробам. Остановившись, я отдернула копыто, и выгребла из-под истоптанного множеством ног снега серую тряпичную куклу – одна из пуговиц-глаз ее оторвалась, а из неумело, но заботливо заштопанного бока вновь показалась вата, казавшаяся такой нереальной, такой чужеродной тут, в этих северных лесах, где даже матрацы набивают соломой, а украденные у грифонов перины почитают за великое благо, отдавая их старейшинам и беременным кобылам. Похоже, это был настоящий подарок какому-нибудь жеребенку, и подумав, я затолкала ее под больное крыло, хоть немного ослабив боль от трущегося об него железа, двинувшись дальше.

Вскоре, я поняла, что была не одна. Ноги принесли меня в не затронутую пожаром часть города, где еще теплилась жизнь – тревожно мычали коровы, нутужно блеяли овцы, пытаюсь выбраться из своих загонов, но на фоне ревущих, блеющих и мычащих голосов я все чаще и чаще слышала шуршание чьих-то лап, перебежавших между домов. Приглушенные визгливые голоса слышались все громче, когда издававшие их существа осмелели, и уже не раз, обернувшись, я видела исчезающие за углами хаток светящиеся злобой глаза, взблескивавшие в колышущемся мареве тумана. Воображение услужливо подсовывало мне картинки освежаванных тел с выеденными внутренностями, развешенных под потолками домиков трупов, и сцены пожираемых заживо существ. Дрожа и дергаясь, я крутила головами по сторонам – в конце концов, все эти твари, как было известно каждому уважающему себя киноману, подкрадываются совершенно бесшумно, в том числе и по хрустящему опавшей листвой, осеннему лесу, а не то что по зимним тропинкам или крышам землянок, укрытых скрипевшим под копытами снегом. Здоровенные, мне по колено, они сопровождали меня, практически бесшумно перемещаясь по крышам домов, выдавая себя потревоженным снегом, то и дело обрушивавшимся на мою голову или спину. Остановившись под нависавшей над улицей крышей богатого, по меркам местных, дома, я потихоньку перевела дух, ощущая противные струйки пота, прокладывавшие холодные дорожки под взмокнувшим поддоспешником. Не знаю, что заставило меня отлепиться от казавшейся надежной стены, но только я сделала первый шаг, как ощутила, что мой круп покачнулся от удара,

нанесенного чем-то тупым и увесистым, высунувшимся прямо из стены. Обернувшись, я заметила странную палку, быстро убравшуюся в какую-то щель, и тотчас же бросилась к двери дома – вряд ли зубастики, ксеноморфы или акула-убийца стали бы так любезно предупреждать меня о том, что не стоит оставаться на улице, когда по ней скачут неведомые твари, алчущие крови и плоти безобидной маленькой пони. Увы, дом был пуст – лишь разбитое окошко напоминало о том, что тут побывал кто-то живой. Кто-то, кто был так любезен, что предупредил меня, и заставил уйти с улочки, по которой двигался враг. Я замерла, услышав попискивание, похрюкивание и топот, с которым полчища монстров неслись по заснеженной тропинке, и в тот момент, эти звуки – звуки охотящейся стаи – показались мне ужаснее любого рева. Еще долго я не могла заставить себя отлипнуть от стены, пока накопившаяся во рту слюна не начала стекать по зажатому в зубах клинку, с оглушительным, как мне казалось, стуком падая на скрипучие доски пола. Сжимаясь и дрожа, я прокралась к выходу, вздрагивая от доносившегося до меня испуганного рева коров – похоже, чудовища решили полакомиться парной говядиной, и закусить перед основным блюдом, в этот момент, кравшимся по истоптанной, изгаженной, и усеянной остро пахнувшим пометом тропинке. Где-то вновь взревела корова, а из-за соседней хатки вдруг послышался громкий всхлип, тотчас же перебитый странным, ойкающим криком.

- «Кооп?!».

- «Что за...» - теперь времени на сомнения уже не оставалось. Бросившись вперед, я едва не визжала от ужаса, ощущая, как несущиеся за мной по пятам существа несутся чуть сзади и по бокам, как вскакивают мне на спину, и их огромные зубы раздирают укрывавшую меня кольчугу и доспех... Но нет, в землянку я вломила совершенно одна – никто не рычал, не хватал меня за хвост, да и на желающих прокатиться на спине несущейся во весь опор пони тоже пока не наблюдалось. В полумраке, подсвеченном алыми прядями заползавшего через открытую дверцу тумана, я увидела жеребенка – малыш, лет пяти, валялся на холодном земляном полу, в окружении светящихся камушков, образывавших странную, чудовищно искаженную спираль, от одного взгляда на которую мне становилось дурно. Удерживавшие его на месте веревки вели к колышкам, вбитым в утоптанную землю, а перед ним, что-то пища, уже сидела здоровая крыса, размерами не меньше иного пса, и явно затевала что-то недоброе.

- «Что за нахрен...» - пробормотала я, прыжком оказываясь возле покрытого бурой шерстью паразита, и ударом ноги отправляя его в полет, закончившийся возле стенки землянки, в которую грызуноподобное существо и ударились с радующим сердце стуком. Вырвав зубами удерживавшие его кольца, я начала распутывать веревки, неумело намотанные на шею и ноги малыша – «Вот уж верно, «Крысы – вестники войны»! Поднимайся, дружок! Ты чего тут разлежся?».

Не отвечая, жеребенок задрожал. Его глаза вдруг округлились, заставив мое сердце уйти в несуществующие ныне пятки – мне вдруг показалось, что вот сейчас его глаза побелеют, а челюсти разойдутся, и между ними покажутся окровавленные, прячущиеся между складками синтетической плоти, острые циркулярные пилы. Однако тот не спешил превращаться в ужасное существо, а лишь бросился ко мне, хватаясь за больное крыло, и икая, указал трясущейся ногой в сторону крысы, тяжело шевелившей жирным гузом в своем углу. Обернувшись, я недоуменно покосилась на паразита – тот уже был на ногах,

но вместо того, чтобы тихо смотаться, молясь всем известным и неизвестным ныне богам, чтобы мне не пришла в голову мысль проверить, насколько местные крысы годны на шашлыки, расселся на жирной заднице, и расставив в стороны мощные передние лапы, похожие на отечные, розовые ручки, оскалился, и широко раскрыв оказавшуюся неожиданно широкой пасть, продемонстрировал нам огромные крысиные резцы неприятного, оранжевого цвета.

- «Кооооооойп...» - дожидаться, когда эта тварь родит угрожающий вопль, я не собиралась. Тесак радостно прыгнул мне в зубы, и уже через миг, тварь подавилась зарождающимся писком, когда пара десятков сантиметров доброй стали воткнулась в ощеренную пасть, пройдя через глотку, и вонзилась в глиняную стену, с сухим скрипом вырвавшись из спины. Фыкнув, я быстро выдернула меч, похожий на короткий, красиво изгибавшийся меч, и поманила к себе жеребенка, старательно прикрывая своим телом не самую красивую картину бьющегося в агонии существа.

- «Пойдем. Пойдем, а то тебя вновь тут найдут, и покусаят» - как можно дружелюбнее шепнула я, стараясь звуками своего голоса не привлечь пробежавших тут недавно существ. Они-то уж явно не стали бы церемониться, и сожрали бы как его, так и крысу, из вредности, подыхавшую с таким бульканьем и хрипами, словно кто-то топил в бассейне придушенного динозавра – «Не смотри туда. Не смотри. Вот, видишь? Куколка...».

- «Это... Ваше?» - нижняя челюсть малявки дрожала, и мне пришлось импровизировать на ходу, стараясь отвлечь его от громкого испуганного рева, уже зарождавшегося в детской груди.

- «Нет. Я нашла ее тут, на снегу. Ее тоже похитили, видишь?» - выглянув из двери, я покрутила головой по сторонам, и не заметив ничего уж *слишком* подозрительного, осторожно двинулась вперед. Жеребенок бежал рядом, схватившись зубами за хвост, и доверчиво поглядывая на меня вместе с куклой, блестящей оставшимся глазом у него со спины.

- «Пойдем. Только тихо. Тут рыщут какие-то тва... Странные существа. Поэтому тебе придется позаботиться об этой... Об этом... Мммм...».

- «Я назову его Коттон!».

- «Ладно-ладно. Пусть будет Коттон, раз уж у него вата из бока торчит» - шикнула я, тревожно вскидывая голову. Где-то впереди послышался нарастающий грохот, и я с испугом отпрянула в сторону, заскулив от боли в потревоженном крыле, которым притянула к себе жеребенка. Забившись в щель между тесно стоявшими землянками, мы притаились, услышав, как что-то огромное выметнулось из-за поворота, и топоча тяжелыми копытами, ломанулось по нашей дорожке. Высунув нос из щели, я тотчас же юркнула обратно, провожая глазами промчавшуюся мимо тушу лохматой коровы – задрал хвост и безумно трубя, скотина неслась вперед не разбирая дороги, в то время как на ее спине, беснуясь и пискляво хохоча, подпрыгивали три знакомые крысиные фигуры.

- «Ох нихрена ж себе!» - выдохнула я, нескоро выбравшись из щели. Сжавшийся и дрожащий, жеребенок вцепился мне в спину, грохоча трясущимися зубами по холодным доспехам – «Всего пара часов прошла с момента нападения, а эти паразиты уже обнаглели настолько, что грабят чужое имущество? Ну, дела... Слушай, малыш, а кто такие эти «койпу», ты не знаешь?».

В ответ, жеребенок покосился на меня такими дикими глазами, что я решила не продолжать расспросы, а собрать тех, кому удалось уцелеть. Увы, больше мы никого не нашли, хотя двери двух или трех подполов были плотно закрыты – изнутри, и открывать их явно никто не собирался. Ни стук, ни тихие уговоры не помогли, и нам пришлось идти вперед, петляя между домов и землянок в надежде на то, что нам удастся выбраться к пони раньше, чем нас обнаружат эти кошмарные хищники, от которых дрожала земля.

«Бред какой-то. Жертвенные фигуры на земле. Привязанный к ним жеребенок. Крыса эта... Не вяжется как-то» - напряженно раздумывала я, бредя в сторону яркого марева. Туман вновь сгустился, и где-то впереди вновь послышался скрежет и свист – похоже, защитники бурга не дремали, и существа двинулись прямо к ним, привлеченные светом и голосами. Что ж, мне оставалось надеяться, что наша стая справится с противником, вылезшим из тумана на свет, в то время как их командир вновь пропадает неизвестно где, к тому же, опять оставшись стреноженной – *«С другой стороны... С другой стороны, в бурге уже давно могло что-нибудь, да зреть. Какое-нибудь колдовство, привлекающее этих чудовищ, или этот волшебный туман. А еще эти звери из самого ада... Нет, тут явно творится что-то не то. Да и колдун мог вполне убежать, когда увидел, какие силы он вызвал»*.

- «Тут есть другая дорога?» - тихонько поинтересовалась я у жеребенка, вновь ухватившегося за мой хвост. Планировка города меня откровенно бесила, и вместо логичного, радиального расположения, тропинки вели себя как вены на ногах застарелого варикозника, петляя и извиваясь в самых неожиданных направлениях, и те, по которым мы шли, явно уводили нас все дальше и дальше от боя, направляя в северную часть городка. В ответ, тот лишь помотал головой, заставив меня тихонько выругаться от ощущения собственного бессилия – ведь насколько было бы проще взлететь, и уже с высоты, без этого дикого визга, осмотреть и найти тех существ, избавиться от которых мне поручил Равикс. Дорожка петляла то вправо, то влево, то спускаясь с обрывистого склона в овраг, испещренный большими, круглыми дверьми, за которыми тоже жили пони, то поднимаясь на косогор, обходя какой-нибудь одноэтажный, убогий домишко, считающийся у аборигенов богатым жильем. Наконец, ноги привели нас к большому амбару – одному из тех высоких, похожих на риги сооружений, где, как я поняла, пони хранили общегородские запасы – видимые даже с высоты, они возвышались над убогими землянками и одноэтажными домиками будто скалы, и так же, как эти скалы, казались тяжелыми и нерушимыми... До поры. Уже при приближении к складу я учуяла тягучий, затхлый, тошнотворный запах большого количества мокрых зверей, собравшихся в одном месте. В одном месте питавшихся и похоже, там же и срававших – острый запах протухших яиц ударил по носу не хуже иного копыта, и мне пришлось уткнуться мордой в сугроб, чтобы не всполошить половину города громовым, раскатистым чихом. Отстранив от себя жеребенка, протестующе мотавшего головой, и для верности, вцепившегося в мою ногу, я посадила малыша на удобную полочку, располагавшуюся над окном соседнего дома – похоже, в этом закутке, образованного выступавшим из стены бревном и нависавшим над ним крышей, располагались гнезда для кур, стремительно разбежавшихся, как только поднялся бедлам. Смахнув усеянные скорлупой и перьями гнезда, я затолкала на их

место сопротивляющегося малыша, и сунув ему в зубы – уже его – куклу, осторожно двинулась к амбару.

Плевать на то, к чему меня собирался припахать этот странный убивец беспомощных чудовищ, выглядевший не лучше, чем любое из них – в конце концов, я всегда могла вернуться со своими ребятами, и уже в честном, «правильном» бою разобраться со всеми, кто посмел поднять хвост на этот проклятый городишко. Но я понимала, что не смогла бы себя простить, если бы не выяснила, что за странные звуки доносятся из этого места, так похожие на тихий, безудержный хохот, временами переходящий в тщательно подавляемую икоту.

«В конце концов, жрут там кого-то, или нет – но я лучше сдохну, чем позволю пропасть еще одному жеребенку!».

Двигаясь как можно тише, я постаралась вспомнить все то, чему нас когда-то учили в Обители, и шаг за шагом, приблизилась к приоткрытым дверям склада. Стараясь, чтобы шаги совпадали с раздающимися изнутри звуками, я слегка потянула за створку двери, и тотчас же злобно ругнулась, услышав пронзительный визг несмазанных петель. *«Выпороть местного сторожа!»* – только и успев подумать, я ринулась вперед, распахнув проклятые двери...

И обнаружила перед собою нескольких крыс, давившихся и чавкающих овощами, рассыпавшимися из порванного мешка.

Зрелище было настолько комичным, что я, не выдержав, громко фыркнула, наполнив раскатами вырывавшегося из носа воздуха помещение высокого склада. Да, тут явно было чем поживиться, поэтому я совершенно не удивилась, увидев трех огромных, похожих на нутрий или капибар грызунов, свирепо ощерившихся в мою сторону своими огромными, рыжими резцами. Что ж, кот из дома – мыши в пляс, однако, как эти сволочи не боялись тех злобных чудовищ, что мелькали на периферии моего зрения все то время, пока я блуждала по городку? Или они, словно рыбы-прилипалы, всего лишь вестники, глашатаи того мрака, что идет по их следам? Я не знала ответа на этот вопрос, но с удовольствием шуганула жирных паразитов, наподдав самому наглomu по хлебалу, и с облегчением лягнув остальных по наеденным задницам, заставив с визгом улететь в подсвеченный алым полумрак. С отвращением оглядев изгаженные продукты, я заметила оставшиеся лежать на полу детские игрушки – миниатюрные копыта и холщовые сумочки с мелкими, гладкими камешками, собранными на берегу реки. Похоже, эти существа, как и многие животные этого мира, обладали зачатками интеллекта, но почему их привлекали детские игрушки, понять я так и не смогла. Покатав по полу тщательно отполированные деревяшки, украшенные костяными наконечниками, я решила было проверить второй этаж, но остановилась, услышав раздавшийся снаружи торопливый перестук копыт. Кто-то летел, сломя голову, и явно намеревался укрыться в амбаре, а судя по стуку, с которым неизвестный пони врезался в дверь, он явно был легок и невысок, едва сумев поколебать тяжелую дверь, со скрипом начавшую открываться навстречу туману, радостно ввалившемуся в помещение риги. Из его клубов, запинаясь, выкатился мой найденыш, пронзительно визжа, словно укушенный за хвост поросенок, и мертвой хваткой вцепился в мою ногу, завывая от ужаса и боли. Его задние ноги и бедра украшали неглубокие, но явно болезненные ранки, видимые даже сквозь лохматую шерстку, в то время как с улицы,

- «Спрячься. На втором этаже» - негромко произнесла я, подтолкнув малыша к широкой лестнице, сколоченной из целых стволов. В ответ он яростно замотал головой, разбрызгивая по сторонам сопли и слезы, но даже когда я отпихнула его, сердито указав в сторону темневшего лаза на второй поверх, он только затрясся, и быстро шмыгнул за груды мешков, вонявших проросшей картошкой. Серdito ругнувшись, я обернулась в сторону заскрипевших дверей, с щелчком выпуская из поножа Когти – времени на уговоры у меня не осталось, как мало осталось времени и нам с малышом. Ведь если меня не подводил слух, на улице, возле амбара, собралось целое стадо из монстров, и все, что мне оставалось – это подороже продать свою жизнь, или хотя бы продержаться до тех пор, пока кто-нибудь, друзья или враги, не явятся поглядеть, что же за шум творится в одном из двух городских складов. Двери подались назад, заскрипели... И наконец, распахнулись настежь, впустив в складской полумрак целое море тумана.

- «Что за хрень...» - я нахмурилась, не понимая, считать ли это издевательством, или нарочитым оскорблением. Мое воображение рисовало мне тянущиеся вперед руки с когтями, способными рвать металл; разинутыми пастьями, внутри которых, вместо языка, непристойно кривилась еще одна пасть, поменьше. Я ждала клубка хитиновых тел, готовых откусить мне ноги и крылья, после чего, подвесив на стену, запихать свой яйцевод во все естественные и неестественные отверстия организма, а вместо этого... Крысы?!

Уставившиеся на меня паразиты были не слишком малы – размером с крупную собаку, в холке они доходили мне едва ли не до колена, да к тому же, каждый из них был, как ни странно, вооружен. Короткие копыя с костяными и железными наконечниками топорщились над десятком скалящихся бестий подобно веткам кустов – такие же изогнутые и корявые, но явно опасные в умелых лапах. Кто-то таскал в зубах нож, кто-то – грязный, и явно ворованный подсумок, из которого на свет появились камни, недобро щелкавшие в перебиравших их лапах, и все, все как один, скалили на меня свои длинные, оранжевые зубы.

- «Коооооооойпппппппуу!!!» - визг, раздавшийся над площадкой, потряс меня до самых костей. Передние ряды заверещали, издав подозрительно знакомый мне визг, и бросились вперед, в то время как оставшаяся позади троица слитно уселась на жирные задницы, и подняв головы к скрытому за туманом небу, начала голосить, неимоверно раздувая оказавшиеся огромными щеки, раскрывая, словно лепестки, безумно огромные пасти. Их визг становился все пронзительнее, живо напомнив мне тот скрежет, что едва не отправил меня с Блуми на Небесные Луга, поэтому я рванулась вперед, навстречу верещащей толпе, и возблагодарив небо, принцесс и сталлионградских оружейников за предусмотрительность, заставившую их отказаться от облегчения нашей брони, перемахнула через короткие копыя, воткнувшиеся в мой укрытый кольчугой живот. Открыв глаза, безумно визжащие твари замешкались, и сложив раздувавшиеся рты, попытались отпрыгнуть от моей вопившей что-то тушки, но было уже

поздно, и уже через мгновение, на снегу забились хрипящие тела, получившие клинками по жирным, покрытым коротким и жестким волосом шеям. Ощутив, что мой тыл вновь стал объектом посягательств оставшихся нутрий, я яростно заорала, едва не подпрыгнув от боли, и развернувшись, бросилась на вопящих паразитов, старательно тыкавших в меня своим сучковатым оружием. Я едва успевала отдергивать голову, спасая свой нос и глаза от метящих мне в морду наконечников копий, и без устали махала то одной ногой, то другой, прыгая и вертясь вокруг разбежавшихся грызунов. Отвратительные твари драться любили, но не умели – по крайней мере, не с противником, закованным в кольчугу и сегментарный доспех, отражавший большую часть их наскоков. Бегаю по площадке, я набрасывалась то на одну выдру, то на другую, пока, наконец, не ударила по оставшимся, загоняя их в амбарный проем.

Вскоре, все было кончено, и только опустив гудящую переднюю ногу, я поняла, насколько вымоталась, расправляясь с агрессивной фауной этих мест. Моя шея и живот превратились в самый настоящий дуршлаг, если не по сути, то по ощущениям – острые наконечники копий успевали пробить поддоспешник, и неглубоко, но чувствительно уколоть находившееся под ним тело, и я, уже не в первый раз, задумалась о том, что не все вещи стоило бы копировать у наших воинственных, но все-таки обладавших иной анатомией предков. Снимать доспех не хотелось, да и намахавшись, я вряд ли смогла бы сделать это в одиночку. Услышав за спиной тихий всхлип, я застонала, и покачнувшись, отправилась за жеребенком, дрожавшим между двумя пахучими мешками. Зажмурившись и спрятав мордочку между передних ножек, он взглянул на меня только после того, как я, поднатужившись, подняла его, вытащив из казавшегося ему таким надежным убежища.

- «Эй, малыш. Ты как тут?» - тихо спросила я. Давящая на грудь и спину броня, казалось, возжелала меня задушить в своих стальных объятьях, поэтому голос мой звучал надсадно и хрипло, словно у самого настоящего Карлсона, интонации которого я изо всех сил пыталась изобразить – «Держись, скоро придут настоящие койпу, и тогда тебе нужно будет спрятаться, ясно? А вообще-то, со мной не соскучишься!».

- «Ккккой...».

- «Да-да. Они самые» - в ответ, он лишь затрясся, и начал скулить, с ужасом глядя по сторонам. Я оглянулась – а вдруг эти самые чудища еще и невидимые? – но быстрый осмотр показал, что в амбаре мы вновь были одни – «Ты их знаешь? Видел?».

В ответ жеребенок затряс головой.

- «Они большие? Нет? Ох, это хорошо! А страшные?» - я начала задавать наводящие вопросы, но добилась лишь того, что малыш еще больше замкнулся в себе – «Слушай, а ты их точно видел? Они...».

В ответ тот заревел, протянув вперед ножку.

- «Ну-ну, не плач. Тише» - мгновенно пожалев о своем поступке, я прижала к себе содрогавшееся в плаче тельце. Похоже, я сильно его напугала, и даже немного успокоившись, жеребенок еще глядел на меня дикими глазами, словно я вдруг отрастила себе дополнительную голову или хвост – «Слушай, а ты куда показываешь? Туда? Там эти самые, да?».

- «Ккккойпу...».

- «Нет, их тут нет» - попытавшись отстранить от себя малыша, я не преуспела, и весь путь до входа проделала с дополнительным грузом, намертво вцепившимся в мою ногу всеми четырьмя конечностями – «Вот, видишь? Только крысы. Кстати, стоило бы заняться этой проблемой, ведь санинспекции у вас, наверное, нет».

- «Кккккой... Ппппу...».

- «Да где?!» - взъярившись, выкрикнула я, уже не боясь быть услышанной. Ожидание смерти подчас хуже самой смерти, и вымотанная, обессиленная, теперь я желала лишь одного – чтобы уже пришли те самые монстры, которых я, с замиранием сердца, ждала всю эту ночь. Тех, кто гоняет огромных и волосатых великанов, как каких-нибудь гусей. Тех, кто собирался разрушить этот город – «Где эти самые койпу?!».

Шестеренки в моей голове медленно, со скрипом, провернулись, встав в нужное положение с громким, подобно выстрелу, щелчком.

- «Погоди-ка... Погоди...» - уже не церемонясь, я схватила зубами за шкуру вновь заревевшего жеребенка, и подняв, потащила его к месту побоища – «Ну-ка, покаши еще рас, где эти вафы койпы?!».

Поднявшись, трясущаяся ножка недвусмысленно и совершенно определенно ткнула в сторону порубленных мною крыс.

- «Я ненавижу вас, ясно?» - выпустив из зубов скулившего в ужасе малыша, я вышла на середину площадки. Снег под моими ногами плавился, хлюпая и растекаясь по копытам отвратительной, окрашенной в алое кашей, когда я, изо всех сил ударила по натекшей луже передними ногами – «ЭТО? КОЙПУ?!».

Тишина не ответила – она вообще редко отвечает глупцам. Туман редел, звуки боя стихали, а яростно гудевшее пламя, озарявшее южный конец городка, стало стихать, понемногу ступая место ночной темноте. Вместе с ним уходил и туман, но я еще долго стояла на месте, подняв морду к постепенно очищавшемуся небу, и с внезапно поднявшейся горечью осознавала, как много глупости и мелочных мыслей копилось в моей голове. Я стояла и чего-то ждала, искренне осознавая свою ничтожность, в то время как под сводами моей черепушки вновь раздавался задорный, искренний, и так ненавидимый мною смех.

- «Успокоилась?».

- «А разве я волновалась?» - неудача с подковами, в общем-то, не слишком ударила по моему самолюбию. Подумаешь – еще один провалившийся план из разряда «сделай что-нибудь непонятное, авось прокатит!». Но все, что последовало за той скоротечной схваткой у амбара, яснее ясного дало окружающим меня пони понять, что мне нужна помощь. Желательно – внимательных и чутких пони в белых халатах.

- «Ученые пони описали бы это как «приступ неконтролируемой ярости и жажду насилия, вылившийся в причинение тяжелого вреда здоровью одному или группе существ, совершенное в состоянии аффекта, а также повлекший за собой смерть вышеуказанных существ». Но поскольку я не ученый пони...» - взгромоздившись на верхнюю ступеньку

узкой лесенки, Равикс удобно устроился, повиснув на передних ногах, и продолжал разглагольствовать даже несмотря на порывистый ветер, гнавший с севера лохматые, растрепанные облака. Поскрипывая, дозорная вышка ощутимо покачивалась, но земнопони не обращал на это ни малейшего внимания – «...то я описал бы это как временное помешательство. Какая муха тебя укусила, Раг?».

- «Как дела у Нэтл?».

- «Нэтл? Это та рыженькая? Жива, хотя есть сможет еще не скоро».

- «А остальные?» - вздохнув, я вновь двинулась вперед, не отрывая глаз от линии горизонта, перечеркнутой неподвижными кронами деревьев. Я знала – она где-то там, и если вглядываться в небо, до боли, до рези в глазах, то рано или поздно, можно будет разглядеть то место, что шипя, принимает в себя усталое, заходящее солнце.

В конце концов, мы живем в мире, полном магии, не так ли?

- «Остальные сориентировались быстрее, и нашли себе дела где-нибудь подальше от той кучи» - вздохнул жеребец, глядя на проплывавшие мимо него доспехи. Обледеневшие, за ночь они покрылись слоем изморози и льда, приятно похрустывая на морозе, в такт поскрипыванию онемевшего от холода тела – «А вот новенькая решила, что тебя во что бы то ни стало необходимо связать, и доставить в ваш лагерь. Хотя я все еще считаю, что челюсть ей ломать было совершенно необязательно».

- «Сильно... Сильно я ее?» - протиснувшиеся между губ, слова царапали язык и небо не хуже сосулек, что я прикладывала к разгоряченному лбу. Одну за другой, всю ночь я отправляла их в полыхавшую пасть, кормя исходившую жаром утробу, пытаюсь заглушить ревущий огонь, разгоревшийся после того, как...

«Я обещала, что не буду об этом вспоминать. Все уже кончено».

- «Спустись и проверь».

Не обратив внимания на слова земнопони, я снова двинулась вперед, шаг за шагом делая круг по вершине башни. Собранный из длинных, уложенных в пучок жердей, она скрипела и качалась на самом легком ветру, а сбита из досок платформа на ее вершине уже порядком расшаталась за ночь. Восемь с половиной шагов – вот и весь круг, что я повторяла уже много часов. Восемь ударов копытом для каждой ноги. Три вдоха. Один круг. Не двигаясь, серый жеребец все так же висел на краю площадки, однако его покашливание быстро начало действовать мне на нервы.

- «Местные, когда проснутся, захотят прибраться на улочках» - вновь кашлянув, и выпустив из ноздрей струйки пара, нарушил молчание Равикс – «Ты бы спустилась отсюда, Раг. Тебе давно пора в тепло».

- «А при чем тут местные?» - я хотела ответить подробнее, но почему-то раздумала. Рубленные фразы вылетали одна за другой, но на долгий диалог я была уже не способна.

- «А ты посмотри вниз» - остановившись, я скосила глаза на лежавшую под нами часть городка, абсолютно пустынную, даже несмотря на слишком раннее утро. Тени все укорачивались, исчезая под лучами пробивавшегося сквозь тучи солнца, но этот квартал Олд Стампа был все еще погружен в предрассветную мглу – «Им нужно будет убрать все то, что осталось после ночного побоища».

- «А при чем тут я?».

- «При том, что ты их явно пугаешь, торча у всех на виду! Поэтому слезай. Хочешь, я тебе помогу? Вон, гляди, какой я нашел для тебя симпатичный сугроб...».

- «Я с детства высоты боюсь. Даже как тут оказалась – не помню» - буркнула я, отводя глаза от враз приблизившейся земли. Не говоря ни слова, Равикс подтянулся, и резким броском оказался рядом со мной, на площадке опасно закачавшейся под его весом, дозорной башенки. Лихим наметом сделав короткий круг по протоптанной мною тропинке, он остановился на самом краю деревянного настила, и лихо крутанувшись на передних ногах, опустил взлетевший в воздух круп на лесенку, вновь зависнув над бездной. Поежившись, я попыталась собраться с духом, и показать, что и легионерская выучка чего-нибудь да стоит, но уже через несколько шагов поняла, что лучше это доказывать кому-то другому, и развернувшись, по-старушечьи долго и неуверенно пробовала воздух задней ногой, наконец, с трудом утвердив ее на гнущейся даже под моим весом перекладине лесенки, представлявшей собой обычную решетку из не самых толстых жердей. Труднее всего было соскользнуть с обзорной площадки – обливаясь потом, я с трудом заставила себя понемногу разогнуть сведенные судорогой ноги, под копытами которых негромко потрескивал покрывавший доски ледок – но все обошлось, новые подковы не подвели, и я, хоть и с трудом, но смогла добраться до того самого сугроба, о котором говорил белогривый жеребец, почти ни разу не соскользнув с обледенелых, угрожающе потрескивавших жердочек. Спуск напоминал сходжение во мрак, и добравшись до подножия караульной башенки, мы вновь очутились в темноте, еще не нарушенной робкими лучами утреннего солнца, словно то, после случившегося, и впрямь побрезговало одарить нас своим скудным теплом.

Наш путь лежал между тихих, замерших землянок и хаток, закончившись возле длинного, приземистого барака – единственного, чьи окошки курились дымком, выходящим через продухи и щели в укрытой дранкой крыше. Открыв дверь, мы окунулись в густое облако пара, вырывавшегося из кипевших на огне кастрюлек и котелков, возле которых, сгорбившись, сидела неопрятного вида старуха, один лишь единственный раз зыркнувшая на нас мутным, изъеденным катарактой глазом, и вновь принявшаяся возить оструганной палочкой в своих котелках. Отмахиваясь от пахучих миазмов, зримыми волнами распространявшихся по бараку, я огибала старые рыбацкие сети, на нитях которых были развешены на просушку невиданные мною раньше растения, следуя за серым жеребцом, уверенно ориентировавшемся в этом лабиринте, то и дело натываясь на расставленные без всякой системы койки и тюфяки. Пройдя на порядочном расстоянии от очередной «сушилки», казавшейся живой от многочисленных корешков, часть которых, извиваясь, сердито царапала допотопные прищепки, крепко удерживающие их на порядком изношенной сети, я вновь запнулась о какую-то лежанку, и с грохотом навернулась, заполнив вязкую тишину, нарушаемую до того разве что тихим пением булькавших котелков, тревожным грохотом и звоном доспехов. Поднявшись, я злобно зашипела, потирая ушибленный нос, и встретила взглядом с Нэтл, разбуженной этими немелодичными, но такими знакомыми звуками. Приоткрыв слезившиеся глаза, рыжая пегаска одурманенно вглядывалась в поднимавшуюся с пола фигуру, после чего вновь утомленно опустила веки, ничем не показав, что узнала пришедших к ней гостей. Похоже, лечение шло полным ходом – подойдя, я разглядела припарки и какую-то вонючую мазь,

покрывавшую не слишком чистую тряпицу, под которой угадывалась огромная гематома, обезобразившая всю левую половину морды пегаски. Угадывавшаяся даже под шерстью, она была напряжена и горяча, когда я прикоснулась к ней своими губами, но даже это нехитрое действие вызвало тихий стон боли, заставивший меня отшатнуться от лежавшей больной.

- «Это... Это и в самом деле я?».

- «Копытопашников-тяжеловесов в этом бургере вроде бы нет» - негромко хмыкнул Равикс, с ехидством глядя на мою осевшую на пол тушку. Вздвогнув, я обернулась, услышав раздавшийся сбоку шум, однако тотчас расслабилась, обнаружив, что это была всего лишь Нефела, тишком соскользнувшая с койки, стоявшей возле шевелящейся перегородки из извивавшихся корешков. Похоже, она спала в этом же помещении, рядом с Нэтл, но заметив мой вопросительный взгляд, стоявший рядом с ней жеребец прищурился, и покачал головой, словно предостерегая меня от самой мысли о том, что я могла бы причинить ей какой-либо вред.

- «Но я же... Челюсть хотя бы не сломана?» - наклонившись над неподвижно лежащей кобылой, прошептала я. Навскидку определить наличие повреждений костей было бы сложно, если не невозможно, поскольку речь шла о пони, густая зимняя шкура которых надежно скрывала под собой любые не слишком заметные деформации скелета, но я все-таки сообразила, что трогать ее своими копытами, уже прошедшимися по этой морде, было бы апофеозом глупости. Заметив стоявшую рядом с койкой бадейку, наполненную талой водой, я подхватила висевшую на краю ведра мокрую тряпку, и аккуратно приложила ее к морде вздрогнувшей Нэтл.

- «Мммммффф...».

- «Все, все. Потерпи» - стараясь не встречаться взглядом с распахнувшимися от боли глазами пегаски, я принялась осторожно стирать бегущую по ее шее воду, стараясь не намочить тощий соломенный тюфяк. Мне нужно было извиниться, но как простить в такой вот ситуации? Что я могла ей сказать? Что она отправилась в путь за сходящей с ума недоделкой? А может, что та, что считала себя командиром этой банды пегасов, становилась опасной для своих же товарищей по оружию? Негромко вздыхая и мучаясь сомнениями, я раз за разом меняла холодную тряпку, пока не почувствовала чью-то ногу, неверными движениями пытавшуюся отстранить мои, ставшие совсем ледяными, копыта.

- «Не двигайся, Нэтл» - негромко попросила я, отстраняя дрожащую ногу подопечной – «Сейчас станет легче. Тут, кажется, пытаются твою гематому всячески согреть... Найду, кто это сделал – ноги из плеч повыдергиваю!».

- «Я финофата, мэм» - прошипела, стараясь не кривиться, отчего на ее морде проступила мимика, живо напомнившая мне какого-нибудь insultного больного – «Я не фыполнила пфикас... Но шечь фсё... Так ше нельфа! Вы ше не такая, я фитела это!».

- «Жечь... все?» - я почувствовала, как вес надетого на меня доспеха увеличивается, словно камень, начиная тянуть к грязному, залепанному чем-то полу. Стальные пластины казались мне ледяными, и впервые с начала этой бесконечной ночи я ощутила, что холодна, словно лед, несмотря на стоявшую домике удушливую жару.

- «Мне показалось, что ты имела в виду нечто иное, нежели поджог Олд Стампа со всех четырех сторон» - поделился со мной своими сомнениями Равикс, по своему обычаю,

неслышно подбираясь к кровати. Если бы не его преувеличенно серьезный тон, я бы могла подумать, что он говорит серьезно, но даже почуяв иронию в словах серого земнопони, я никак не отреагировала, занятая тем, чтобы никто не увидел мои трясущиеся губы.

- «Так, похоже, это настойка из мандрагоры...» - продолжил тот, внимательно глядя на Нэтл, слепо шарившую в воздухе передними ногами в поисках моего копыта, отдернувшегося от нее, как от огня – «Чистотел... Стоило бы приложить еще и киноварь, называемую грифонами *цинобером*, но даже если ее нет, всегда найдется замена. Не волнуйся, она поправится. Думаю, кости не задеты, а остальное уже дело времени».

- «Что... Что ты говорил про поджог?» - слова выдирались из горла подобно моткам колючей проволоки, царапая небо и примерзший к нему язык – «Кого я призывала... Призывала?».

- «Кого призывала жечь, или кого призывала сжечь?» - сдохмил желтоглазый, успокаивающе помахав копытом Нефеле, возбужденно блестящей глазами из-за своего тюфяка – «Мне думается, все же второе. Да, твоя фигура, застывшая с распахнутыми крыльями на фоне пожара, взгромоздившаяся на груды убитых койпу, выглядела необычайно вдохновляюще. Пугающе. Я бы даже сказал, величественно!».

- «Издеваешься, да?» - тихонько выдохнула я. В моей голове не осталось ни одного внятного воспоминания о произошедшем – только звезды, насмешливо глядевшие с высоты, да уходящий в лес, подсвеченный алым туман. Кажется, я следовала за ним по пятам – охотясь, выискивая, и... Нет, не помню! Я до сих пор не помню, что именно произошло на заснеженных тропинках и улочках того северного городка – лишь темноту, расцвеченную всполохами пламени, укутанную клубами удушливого дыма... И мерзкие визги и вопли существ, которых я... Которых...

«Нет. Это не я. Это не могла быть я!».

«Ну-ну-ну. Вот только не нужно такой вот дешевой патетики, детка».

- «Эй, не стоит так вздрагивать, Раг» - покровительственно хмыкнул жеребец. Остановившись передо мной, он с усилием выдернул у меня холодную тряпку, расставшуюся с моими копытами под звуки веселого хруста ломавшихся льдинок – «Ты выглядела просто великолепно. А как выискивала притаившихся в землянках и норах вражин, как загоняла их к той самой куче, растущей буквально на глазах... Знаешь, а ты не думала сменить род деятельности? Я знаю одного старого пони, который с удовольствием бы взял тебя в ученики».

- «Так вас еще и много?» - мое сознание плыло, а взгляд перескакивал с одного предмета на другой, неизменно останавливаясь на копытах. Услужливо прыгая вперед, пегасий взор услужливо давал мне рассмотреть все трещинки и сколы на бежевой кости, и каждая казалась мне ущельем, до самых краев заполненным пролитой мною кровью. Услышав последние слова земнопони, я инстинктивно ухватилась за них, словно пловец, висящий над водоворотом, хватающийся за прогибающийся и трещащий под его весом, высохший куст – «Так ты такой не один?».

- «Увы, нас не так много, как раньше, но... Да, я не один» - стального цвета медальон в виде морды какого-то зверя загадочно блеснул в мою сторону рубинами глаз, на мгновение, выглянув из распахнутого ворота холщевой рубахи охотника на чудовищ –

«Ворлдвайду нужны молодые и энергичные пони, а у тебя, как я погляжу, для этого есть все задатки».

- «Какие?» - заметив, что Нефела, не отрываясь, глядит на мои дрожащие ноги, я постаралась как можно быстрее занять чем-нибудь свои копыта, отбрасывавшие по всему барaku веселые искорки света, отражавшиеся от набитых в них гвоздей. Каждый *хуфнагель*, как называл их по-грифоньему Шегги, был по самую шляпку утоплен в свое гнездо на грубой подкове, а вышедшие из передней стенки копыта острия – надежно загнуты книзу и тщательно прибиты к роговой поверхности копытного башмака⁷. В душном полумраке барака они казались какими-то замысловатыми украшениями, и я постаралась спрятать их как можно дальше в холодную воду, чтобы не выдать предательскую дрожь, сотрясавшую мое тело – «Приносить окружающим один только вред? Ой, прости, Нэтл!».

- «Не только. Это скорее особенности кобыльего характера» - вновь неудачно схохмил жеребец, удостоившись злобного взгляда, который кинули на него все три кобылы, включая валявшуюся в медикаментозном полусне рыжую пегаску. Застонав от неудачного прикосновения мокрой тряпки, она лишь на секунду открыла глаза, но затем вновь затихла, ухватившись за мою ногу, которую мне пришлось оставить у нее в копытах. Присев рядом с ней, я постаралась принять чуть более удобное положение, и положила голову на колючий тюфяк, обессиленно прикрывая глаза.

- «В общем, ты неплохой материал для нашего ордена, поэтому подумай над моим предложением» - продолжил земнопони, видя, что я не собираюсь отходить от вновь задремавшей пегаски. Судя по шороху, осмелела и Нефела, стараясь как можно тише выползти из своего угла, останавливаясь каждый раз, когда мое ухо поворачивалось в ее сторону, ловя негромкий перестук кобылих копыт – «Жаль видеть, что пропадает такой талант».

- «Нет уж, спасибо!» - негромко фыркнула я, глядя на лежавшую передо мной пегаску. Холодные примочки сделали свое дело, и та наконец-то заснула, страдальчески морщась во сне. Приспав пострадавшую по моей вине подчиненную, я тихонько высвободила свою ногу из ее копыт, и поднявшись, попятилась к двери – «Я уже была приглашена на одно торжественное мероприятие одного такого ордена, и если бы не муж, то уже давно гнила бы заживо в комфортабельном ящике на дне океана, обгладывая от голода собственные ноги. Так что если хочешь гарантированно вывести меня из себя – пригласи к вам на фуршет. Я приду... Ох и приду!».

- «Увы, у нас, в Олд Сиа Фортрес, не бывает праздников и фуршетов» - фыркнул истребитель монстров всех видов и мастей – «Хотя, в честь прибытия новичка, быть может, Ворлдвайд и устроит какую-нибудь пирушку. Главное, прихвати с собой капусты, сметаны и пива – тогда, быть может, он даже споет».

- «Сметана? С пивом?!» - передернулась я.

- «С подогретым пивом!» - наставительно поднял копыто жеребец, вслед за мной, вываливаясь из барака. После спертого, душного, пропитанного запахом трав воздуха лечебницы, холодный, морозный ветерок ощущался как удар по носу хорошим лошадиным копытом, заставляя нас на секунду закашляться, отфыркивая из носа и горла

⁷ Наружная часть копыта.

мгновенно покрывший их иней – «Не пробовала? Очень полезная и нужная вещь в холодные зимние ночи».

- «Особенно когда кому-то лень идти за дровами, а в нетопленном замке гуляет пурга!» - ядовито выдохнула нарисовавшаяся сзади Нефела. Углядев меня со своим дружком, она тотчас же позабыла про страх, и мгновенно очутилась у нас за спиной, ревниво сверкая позеленевшими от злости глазами – «Мне кажется, ваш «орден» может по праву считаться самым ленивым и бедным из всех эквестрийских обществ и орденов!».

- «Ну, извини, Неф. У всех свое занятие, верно?» - развел копытами Равикс, с улыбкой глядя на ревниво пофыркивавшую подругу – «Мы, например, больше к уничтожению монстров приспособлены. Вот был бы я плотником – разве ты взглянула бы на меня?».

- «Только если бы ты стал столяром!» - хмыкнула та. Золотисто бурые волосы ее красиво разметались по плечам жеребца, когда они потерлись друг о друга носами, но даже тогда она нашла время, чтобы бросить на меня победный взгляд через плечо пофыркивавшего от удовольствия жеребца. Я ответила ей тупым, бараньим взором, усиленно делая вид, что вообще не понимала, что они там делают, и не стремилась понять. Глаза северянки вновь сердито засверкали, словно два ограненных изумруда – «Мммм... Так может, останешься на зиму?».

- «ЗИМА БЛИЗКО!» - не зная, что еще сказать, я выпучила глаза, и прохрипела эту фразу лишь для того, чтобы увидеть, как вздрогнули стоявшие передо мной земнопони. Восходящее солнце наконец продралось из-за заснеженных верхушек деревьев, и золотистые лучи облизнули промерзшие камни и крыши, сугробы и улочки городка. Где-то недалеко уже стучало деревянное било⁸, отмечая утренние часы – и в такт ему, осторожно, несмело, раздавались голоса овец и коров. В городке не все было ладно, и даже отсюда, с холма, мы видели широкий пролом в и без того невысокой стене, пробитый вторгающимися монстрами. Их широкие спины, словно холмы, зеленели среди убогих, покореженных хаток, в то время как наводнившие улочки пони, словно сговорившись, десятой дорожкой обходили не слишком высокую кучку, черневшую возле открытых дверей уцелевшего амбара. Не увидеть ее с этого места было довольно непросто, и сколько бы я не убеждала себя, что мне просто чудится то, что я никогда бы не смогла на таком расстоянии даже заметить, а не то что рассмотреть темневшую возле дверей риги горку коричневых тел, мои глаза, помимо воли, все время поворачивались в сторону собиравшейся у амбара толпы.

- «Равикс, а как ты... Ну... Этих?» - мне было все равно, о чем спрашивать у стоявшего неподалеку земнопони. В конце концов, пусть считает это все профессиональным интересом, если ему так хочется считать меня такой же, как он.

«Убийцей? Наивная дурочка. Не заставляй меня разочаровываться в тебе. Ты так хорошо развивалась, усваивала все на лету - и вдруг остановилась. Не возводи стены, которые потом придется пробивать головой! Поверь, у тебя отличные задатки - так, простите меня звезды, не проси их, хорошо?».

- «Эй! Ты точно со мной разговариваешь?» - поинтересовался знакомый голос. Вздвогнув, я подняла голову, уставившись в глаза подошедшего ко мне жеребца.

⁸ Доска, часто фигурная, использующаяся как сигнальный инструмент, при ударе по которому раздается громкий звук.

Большие, золотистые, с необычайно широким зрачком, сидящим в центре окруженной алым ореолом радужки, они внимательно разглядывали меня, заставляя мою шерсть на загривке приподниматься, шурша под обледенелой броней. Дыхание опасного зверя коснулось моего носа, и мне с трудом удалось подавить испуганный рык, готовый вырваться у меня изо рта – «Эй, кто-нибудь дома?».

- «Ты... Ты хотел рассказать мне о том, как победил этих чудовищ!» - на одном дыхании выпалила я. Ну кто, ну вот кто говорил, что психом быть легко и приятно? Скрываться, все время стараться думать, что говоришь и не говорить того, что думаешь, вздрагивать от каждого вопроса, от любого намека и просто от глупых подколов, даже от друзей... Плюнуть бы этим мудрилам в глаза!

- «Извини, профессиональная этика не позволяет мне обсуждать подробности моей работы, даже с нанимателем» - нагло усмехнулся Равикс, однако его глаза задумчиво обшаривали мою морду, словно ожидая увидеть на ней тщательно скрываемую усмешку, или недоверие к его словам – «Но услуга городу была оказана, и немаленькая».

- «Ты потребуешь за это плату?».

- «С Олд Стампа? Ты шутишь! Хотя следовало бы, конечно» - фыркнул серый жеребец, поворачиваясь в сторону амбара. Тревожный звук била утих, и над городом повисла звонкая, словно морозец, по-зимнему оглушительная тишина. Вздогнув, я обернулась, стараясь выглядеть беззаботной... Ну, или по крайней мере, не слишком испуганной видом толпы, собравшейся возле высокого строения риги. Пространство перед воротами было забито собиравшимся народом, и я ощутила, как ворох холодных, колючих мурашек пробежал по моей ослабшей спине при виде факелов и вил, видневшихся над головами земнопони.

- «Послушай, чего это они, а?» - я видела, что над городом уже поднимаются блестящие на солнце доспехами патрули, и надеялась, что это сборище местной ячейки Ку-клус-клана не останется незамеченным остальными пегасами из моего отряда. Конечно, я в любой момент могла бы и улететь, но сваливать из городка, провожаемой летящим вслед сельхозинвентарем мне вдруг показалось очень... Унизительным.

«Воооот. Умница. Наконец-то ты начала понимать» - ощущение горечи растеклось по языку зеленоватой каплей абсента, постепенно спускаясь все глубже и глубже, словно одна эта капля вдруг обрела вес пудовой гири, выжимающим слезы комом прокатываясь по горлу. Сорвавшаяся с конька общинного дома птица подлетала все ближе и ближе, пока, наконец, не приземлилась мне на спину, откуда, с конским топотом, перебралась на плечо – *«Не бойся. Они ничего не узнают. Тут каждый со странностями, чего уж говорить о тебе. Но поверь - они еще будут целовать нам копыта»*.

- «Так значит, они испугались...» - прищурившись, я попыталась разжечь в себе злость или обиду, но увы, северный ветер выдул из меня все, кроме страха и горечи, горьковатым зеленым дымком застилавших мой взор. Не обращая внимания на пристально уставившегося на меня Равикса, я двинулась вперед, поднимаясь по трескучей стене близлежащей землянки – «Так значит, они решили избавиться от меня, раз и навсегда».

- «Эй, это не то, что ты думаешь!» - настороженно пискнула кауряя пегаска, делая шаг за спину стоявшего перед ней жеребца. От толпы отделилась небольшая группа, явно направившаяся в сторону оставшегося позади нас барака.

- «Мне кажется, ты не думаешь вообще» - в голосе земнопони послышалось неприкрытое предостережение, похожее на негромкое поскуливание готового к броску, бойцового пса – «По крайней мере, не тем местом, которое для этого Добрыми Предками приспособлено. Сегодня тебе предстоит довольно почетная миссия...».

- «Дай угадаю – придется изобразить из себя жертву для будущего урожая?» - горько сыронизировала я, не раз успев пожалеть, что не прихватила с собой ничего, кроме Когтей, все так же таящихся под красиво выгнутыми пластинами поножа. Неброские. Незаметные. Ждущие – «Меня собрались пристукнуть палкой, как рыбу? Или, может, они сумеют придумать что-нибудь получше, чем бодрящее, утреннее аутодафе?».

- «Не глупи, Раг» - нахмурился Равикс. Подпрыгнув, он без особого усилия подтянулся, и оказался на коньке покатой крыши, покрытая дранкой поверхность которой была не менее скользкой, чем лед, благодаря обильно покрывавшему ее снегу – «Ты вообще себя хорошо чувствуешь?».

«Мне кажется, что все хорошо».

- «Просто замечательно. А почему ты спросил?».

- «Потому что тебе сейчас предстоит поучаствовать в увлекательном местном обряде – тебе придется пойти вместе с ними, и торжественно сжечь эту кучу, которую ты, уж извини за каламбур, навалила возле дверей».

- «Я... Чего?!».

- «Равикс!» - прыснув, Нефела ударила себя копытом по лбу, оставляя на нем отпечатки покрытого снегом копыта – «Ты идиот! Мог бы как-нибудь по-другому это обставить? Нет, нужно обязательно все опошлить!».

- «Жители этих лесов считают, что именно тот, кто забрал жизни живых существ, должен проводить в последний путь их останки» - совершенно серьезно ответил мне жеребец, отмахнувшись хвостом от подпрыгивавшей под нами пегаски. Покосившись в сторону амбара, я заметила фигурку земнопони, облаченную в уже виданную мной однажды меховую накидку, суеящуюся возле сложенных в кучу тел – «И неважно, кто это – монстры или друзья. Родители, враги или просто случайно погибшие существа, чьи жизни забрала зима, бескормица или река. Мы все едины в этом круговороте жизни, и те, о ком мы узнали, или кого мы увидели, обязательно встретят нас там, на Небесных Лугах».

- «Интересная концепция...» - спустя несколько долгих минут, прохрипела я, глядя на бредущих ко мне представителей местных властей. Где-то недалеко, совсем близко, как казалось моим уставшим за эту бессонную ночь глазам, я увидела Первую Мать Почард, вышедшую на широкое, каменное крыльцо общинного дома, и внимательно приглядывавшуюся к происходящему внизу, в ее городке – похоже, старая земнопони решила держать копыто на пульсе, хотя очевидным для всех знаком ее поражения служили двое легионеров, со скучающим видом следовавших за неспешно двигавшейся старухой, словно почетный караул, или самый настоящий конвой - «Так что, мне идти с ними?».

- «Не я навалил эту кучу» - вновь, но на этот раз без иронии, ответил мне жеребец – «Пусть я и просил тебя об одолжении, но поверь, я знаю, что это такое – выбор меньшего из двух зол. И запомни – никогда и никто не поблагодарит тебя за это. Запомни – никогда и никто! Но тебе, и только тебе жить с последствиями принятых тобою решений».

- «Скажи, а у вас все такие?».

- «Чего?».

- «Ну, все такие, как ты?» - поинтересовалась Нефела. Утро уже наступило, и наш патруль заканчивал облет прилежавших к бургу земель, располагавшихся к северо-западу от Олд Стампа. Решив не рисковать, и не дергать грифонов за то, что у всех кошачьих располагалось пониже хвоста, мы вылетели вечером, и всю ночь провели в дороге, высматривая, вынюхивая, запоминая. Подгадав свое возвращение на предрассветные часы, во время которых гордые птицы старались без нужды не взлетать, подслеповато щуря свои дальнзоркие глаза, мы проскользнули мимо пары грифоновых застав, и теперь нам оставалось лишь пошустрее работать крыльями, чтобы успеть к позднему завтраку, нарочно, для нас, сберегаемому Нэтл.

- «Нет, конечно же» - вспоминая свое возвращение из Обители, я только качала головой, хотя и ощущая себя способной неподвижно и долго сидеть, не меняя позы, хоть у окошка, хоть на гряде камней, но теперь понимая, что что-то во мне изменилось. Что-то, чему я не могла дать пока названия, но то, что настойчиво толкало меня изнутри, побуждая расправить широкие крылья, почувствовать тугие плети ветра, холодящие плечи и грудь; желание все чаще и чаще смотреть в огромное, чистое, безумно огромное небо... И постепенно укоренявшееся отвращение к тяжеловесным, неспешным, казавшимся мне теперь откровенно тупыми земнопони, с их косностью, приверженностью традициям, нежеланием принимать что-то новое и хорошее, ведь только новое ведет нас вперед, не давая оставаться на месте. Тихонько выдохнув, я криво усмехнулась – ну вот, уже начала задвигать самой себе спичи, проповедуя свободу пегасов!

- «Я так и знала, что не все! Ты очень необычная... Для пегаса, я имею в виду».

- «Ага. Я – не все» - почувствовав, как грудь, помимо моей воли, начала раздуваться от похвалы, я едва не захохотала – уж слишком необычным было это ощущение – «Я худшая среди этого племени, представляешь? Да-да, а уж как офицер... В общем, на меня не равняйся, и не держи за эталон. Легион держится лишь потому, что в нем много компетентных офицеров, таких как Хай Винд, Черри Дроп, Буши Тэйл, Фрут Желли, Рэйн. Да-да, тот самый, розовый весь. Вот они-то настоящие образчики легионеров. А я... Я просто скрепляю всю эту банду в единое целое, как флажок на кончике копья. Сегодня он нужен, а завтра - уже нет».

- «Так значит, не ты ими командуешь?» - увидев, что я не прочь скоротать оставшуюся пару часов за разговором, Нефела пристроилась выше, старательно избегая приближаться к моим работающим пархалкам – «А кто тогда? Те, кого ты назвала?».

- «В данный момент командует парадом опцион Хай Винд» - решительно закруглила эту тему я. Заметив мое раздражение, летевший неподалеку Колт решил было вклиниться

между нами, оттесняя каурюю в сторону и вниз, но я строптиво мотнула головой, и пожавший плечами жеребец вновь вернулся в кильватер, внимательно рассматривая горизонт в поисках преследователей или разведчиков грифонов.

- «Мы же... Ну, можешь считать нас отдельным отрядом» - я недовольно прянула ушами, услышав за спиной сдержанные смешки. Да уж, неплохо поднимутся ребята, если нам удастся вырваться из всех передряг живыми и здоровыми – «Отдельным отрядом, предназначенным для операций по захвату и удержанию плацдарма, а также проведению рейдов на территории врага».

- «Рэйд? Это что-то вроде...» - кобыла недоуменно потрясла головой, делая странные движения копытом передней ноги, словно силясь понять или вспомнить давно и прочно забытое слово – «Ну, вроде как воровства? Или грабежа?».

- «Еще чего!» - фыркнула я, обдав брызгами, вылетевшими из сопливающегося носа, идущих чуть ниже легионеров, сердито закашлявшихся на холодном ветру – «Это у вас тут грабежи, убийства, насилие... Мы же занимаемся тем, что нарушаем коммуникации и инфраструктуру врага, которые тот может использовать при наступлении, захватывая материальные ценности, которые можно использовать для ведения войны. Если это делают простые пони, вот как вы, то это называется каперством. Если же отъемом материальных ценностей занимаются профессионально, да еще и военные – тогда это определяется как крейсерство, или рейдерство».

- «Но...».

- «А все, что захватывается во время этих операций, называется «призом», и регламентируется статьями призового права. Если нечестно нажитое, и честно отжатое находится в государственной собственности, то такой рейд не нуждается в официальном решении о законности этого изъятия, а вот если придется потрясти владельца частной собственности, как это случилось недавно, на лесопилке Боар Туск...».

- «Да-да, то что тогда?» - вклинилась в разговор Лиф. Синяя зараза все-таки пробралась в мой спальный мешочек, и наутро я выгреблась из него вся пожеванная, сердито срываясь на хмыкавших и завистливо ухмылявшихся подчиненных. Похоже, наша разведчица решила, что теперь у нее были на меня какие-то особенные права, но увидев мой сердитый взгляд, кобыла быстро опомнилась, и невинно захлопала глазками, изобразив на морде самое преданное выражение.

- «Тогда это дело рассматривается призовым судом, который уже и выносит решение о правомерности такого отжатия, и либо возвращает собственность владельцу, либо не возвращает ее рейдеру».

- «Погоди! А если не тому, и не другому – тогда кому же?».

- «В казну» - с невинным видом пожала плечами я, ехидно подглядывая на вытянувшиеся, как у верблюдов, морды подчиненных. Ветер крепчал, неприятно холодя левый бок, и мне пришлось сдвинуться чуть в сторону, чтобы не задевать летевшего справа Рэйна – «В пользу государства».

- «Но мы-то все сделали верно? Ведь так?».

- «Пока мы все сделали как нужно. Ведь мы при каждом налете освобождали земнопони, не так ли? А поскольку рабство... Ой, простите, «принудительный труд»... Одобрен и

узаконен самими Грифоньими Королевствами, то я не вижу никаких причин считать отжатые нами призы частными, а не государственными, верно?».

- «Это пхоицвол!».
- «Ага».
- «Бецобхасие!».
- «Не то слово».
- «Я путу шалофацо!».
- «Ну и шалуйсо... Креведко!».

Налет на лесопилку Боар Туск назревал уже давно, несмотря на то, что обнаружили мы ее намного раньше, еще при первых облетах новой территории. Удобно расположившаяся на порогах извилистой лесной реки, шумевшей, даже несмотря на стоявшие морозы, она вряд ли могла претендовать на звание самого незаметного предприятия в этих лесах. Набравшие разгон ледяные воды с шумом срывались с покатых камней, в полете, проходясь по лопаткам большого, скрипучего колеса, чьи деревянные спицы трещали и взвизгивали, погружаясь в студеною воду северной речки, и потеряв былую мощь, покорно текли по прокопанному кем-то руслу, впадавшему в большой и широкий пруд, на поверхности которого плавало множество бревен, освободившихся от коры⁹. Широкое пространство перед высоким трехэтажным баракom было забито очищенными и неочищенными бревнами, сложенными в огромные штабеля, и белело на фоне угрюмого леса здоровенной проплешиной, сверкавшей не столько истоптанным снегом, сколько густым слоем стружки, вместе с древесной пылью, покрывавшей каждый сантиметр лесопилки и прилежавшей к ней росчищи. Работа на ней не замирала ни днем, ни ночью – при свете солнца и факелов, в бурю и ливень, по площадке двигались пони и грифоны, волоча на себе тяжеленные бревна.

Ах да, волочили, тащили и двигали, в основном, только пони. Летавшие вокруг грифоны предпочитали работать более легкими орудиями – кнутами.

Именно там я увидела пони, низведенных до уровня простых животных, Твайлайт. Именно там я увидела, как бредущие по посыпанному опилками снегу существа угрюмо волокут свои повозки и тачки, упираясь облысевшими плечами в грубое деревянное ярмо, не реагируя ни на мелькнувшие тени пегасов, ни на рванувшихся им навстречу грифонов. И именно там я поняла, до чего можно низвести этот красивый и дружелюбный народ.

Я поняла это, увидев целые дорожки навоза, отмечающие путь, по которому ежедневно ходили десятки и сотни рабов.

Конечно, тогда я не знала, что забитые, потерявшие волю к жизни, земнопони предпочтут остановиться и дрожать, прижавшись к тяжелым повозкам, боясь сделать от них лишний шаг, когда над их головами просвистит загонная тройка, потревожившая местных грифонов. Я долго и нудно талдычила нашим добровольцам о том, что уроки Бастиона нужно хотя бы на время забыть, и летящие над лесопилкой пегасы должны изобразить из себя заблудившихся местных, или не менее заблудившихся туристов, но никак не легионеров, присмотревших для себя очередную добычу. Я изо всех сил

⁹ Наверное, самый древний способ очистки древесины от коры, применяемый кое-где и поныне.

пыталась не допустить паники или случайных жертв среди тех, кого мы намеревались освободить, поэтому вместо прямого и незатейливого штурма я предпочла усложненную схему, по которой владелец этого немаленького производства, вместе с частью охраны, оказался в десяти минутах полета от своего ненаглядного лесопильного заводика, попав прямо в наши загребущие лапки. С ликующими криками гнав вопящих от явно наигранного ужаса пегасов, они и не заметили, как оказались в центре спускавшейся с облака стаи, и после короткой и злой стычки, отправились обратно на лесопилку – но уже в качестве тех, кого туда, день за днем, притаскивали сами грифоны.

- «Вроде все, командир!» - спустившись с небес, доложил мне Рэйн, поглядывая на распушившего перья грифона. Владелец этого предприятия, а также небольшого грифоньего городка, расположенного где-то на востоке, был не просто грифоном, а наперсником баронета дэ Лонгчто-то, хозяина дэ Чего-то, расположенного где-то в Углу. Услышав последнее, я насторожилась, и кажется, дала птицемордому повод считать, что своим клекотом и высокими званиями своего покровителя он сумел защитить свою уютненькую плантацию от набега оголтелых легионеров – «Вроде бы повязали всех. Один прятался среди бревен».

- «Да?» - я недоверчиво покосилась на возвышавшиеся у подножия здания конторы штабеля из бревен. Диаметр большинства из них превышал мой собственный рост, что было заметно даже из маленького, подслеповатого окошка, забранного помутневшим, неровным стеклом – «Ну и как вы его нашли?».

- «А его придавило, когда Лиф решила попрыгать по бревнам!» - расхохотался взмокший, разгоряченный боем жеребец – «Нет, ты представляешь – эти придурки на нас с кнутами набросились, и кричали что-то вроде «вандраден» или «вундруды»... В общем, идиоты они и есть!».

- «Наверное, имелось в виду грифонье *wanderer* – путник или прохожий» - предположила я, глядя на большую толпу земнопони, которую гнали перед собой рассыпавшиеся по лесопилке пегасы – «Да, ты прав, эти вообще обнаглели. Или наивные, как дети. Ладно, вы все осмотрели?».

- «Пожалуй. Осталась только контора».

- «Я тут уже разобралась» - мое копыто уткнулось в пару объемных мешков, стоявших возле входной двери. Контора была маленьким помещением, большую часть которого занимали такие нужные вещи как книги учета – именно из них, пробежавшись глазами по пыльным, протертым страницам, я почерпнула немало интересного о размахе деятельности этой старейшей на севере лесопилки, чьи бревна, доски и брус поступали по воде прямо в лежащий ниже по течению городок, где грузились в большие ладьи, влекомые вверх по течению других рек, напрямик к подножию Короны, чей мрачный массив был замечен при хорошей погоде из любой точки северных земель.

- «Грузить?».

- «А что еще с ними делать?» - удивилась я, покосившись на пыхтевшего подчиненного – «И не забудь закрыть тут все хорошенько. Пусть помучаются, когда будут открывать».

- «А разве не...».

- «Нет, жечь тут ничего не нужно» - мне не хотелось говорить при своих пленниках о планах на эту лесопилку. По моей подлой задумке, она очень скоро должна была стать костью в глотке орлиноголовых рабовладельцев – «Хорошее же место. А мы не дикари».

- «Это пхоисфол!» - убедившись, что мы не собирались устраивать тут пиротехническое шоу, вновь начал хорохориться грифон – «Мы не военная латифундия!».

- «А какая? Рабовладельческая?».

- «Тут нет хабоф!» - вскинув лапу, патетически воскликнул птицелев, от негодования поднимаясь в воздух. Пришлось дернуть цепь, ведущую к надетому на его шею ошейнику, спуская друга баронета на землю. Подействовало, хотя возмущаться он не перестал – «Это не хабы! Это... Ну...».

- «Ну? Что?».

- «Их напхафили сюда на... На пехефоспитание».

«Вонючие, жестокие твари, наслаждающиеся страданием жертв».

- «Так значит, на перевоспитание...» - остановившись, я оглянулась на грифона, тотчас же сделавшего ехидную морду. Изогнутый, острый, внушающий уважение клюв оставался неподвижным, как и положено каждой кости, но вот уголки желтого рта разъехались в стороны, демонстрируя нагловатую ухмылку. Попробуй, мол, опровергни! Потаскайся по нашим и вашим судам, и вскоре сама уверуешь в то, что цинично напала на пансионат для реабилитации безнадежно больных грифонят! Отвернувшись от хрипло каркнувшего что-то пленника, я двинулась в сторону собранной подчиненными толпы – усевшись на землю или неподвижно стоя возле остановившихся повозок, пони не сделали ни малейшей попытки снять с себя цепи, веревочную сбрую или деревянное ярмо, однако все, как один, задрожали при виде идущего за нами грифона.

«На них следы кнута» - недоброе чувство бурлило где-то внутри, заставляя меня стискивать зубы от злости – *«С другой стороны, мы сами пороли друг друга за ошибки. Но их-то за что? За то, что не хотели работать?»*.

«За миску жидкой похлебки из муки и зерна».

«Они оголодали... Ребра и кости можно считать на глазок».

- «Рэйн, тут есть еда?» - прошептала я, глядя на отупевших от непосильного труда земнопои – «Все, что с собой захватили».

- «Не стоит, командир» - оглянувшись, пегас понизил голос, бросив странные взгляды на висевших возле пленников пегасов. Их уши то и дело поворачивались в нашу сторону, ловя каждое сказанное слово – «Мы уже пробовали... Они начинают драться, за каждый кусочек!».

«Вот ради чего мы боролись!» - голос внутри меня наливался горечью и злобой. Кипящая, словно лава, она искала себе выход, прожигая мне сердце и грудь – *«Вот, ради чего проливали свою кровь! Чтобы кто-то пришел, прилетел, прискакал, и объявил нас животными! Ради того, чтобы какие-то твари пороли и мучали нас, забивая кнутом!»*.

Стукнули слитно копыта. Вскинув голову, я увидела, как шарахнулась в сторону толпа тех, кто когда-то был мирным народом, но теперь превратился в забитых животных. Последние слова я, похоже, проорала вслух, уже не заботясь о том, сочтет меня кто-нибудь сумасшедшей, или нет. Не слушая предостерегающего бурчания Рэйна, я

бросилась вперед, отбрасывая с дороги бегавшую между соотечественниками Нефелу, и резким рывком за цепь бросила вперед грифона, с глухим стуком впечатывая его в поленицу. Где-то недалеко, совсем рядом, стояло четыре столба со свисавшими с них веревками, назначение которых было для меня непонятно – но лишь до этого момента. Рывок, другой, удар копытом по пузу – и вот уже сам владелец старейшей в краю лесопилки оказался лежащим возле позорного места, явно не пустовавшего, судя по промерзшей, и хорошо утоптанной земле. Тут же висел и кнут – достаточно тонкое, кнутовище его было приспособлено лишь для грифоньей лапы, но остатками разума я понимала, что для задуманного мне не понадобится какой-то особый предмет. Картинки пожаров и разрушений мелькали перед глазами, взгляд дергался, то приближая, то отдаляя предметы и стоящих вокруг существ – разинутый в панике клюв грифона, и встревоженные, зеленые глаза северянки. Испуганно жавшиеся друг к другу, вонючие, покрытые язвами тела, и прыгающие с них насекомые, летящие навстречу гибельному для них снегу. Вонь, крики и страх.

Кровь, крики и страх.

- «Привяжите его к столбу» - тихо, но так, что слышали все, попросила я подчиненных, снимая со вбитого в дерево крючка висевший на нем кнут.

- «Ох, ну слава Богиням Милосердным!» - при воспоминании о произошедшем, на беззаботно болтавший до этого отряд опустилась недолгая, но давящая тишина. Не выдержав, Рэйн постарался как можно беззаботнее посмеяться, но быстро уgomонился, хотя попытки растормошить нас так и не прекратил – «А я-то все думал, как буду отдавать то, что уже... Кхем... *Прожил*».

- «Уже? И когда только успел?» - бледно усмехнулась я. Вопли грифона до сих пор стояли у меня в голове, но почему вместо ужаса я чувствовала только мрачное удовлетворение?

- «Так долго ли, умеючи?».

- «Умеючи – долго!» - ехидно фыркнула летевшая рядом Нефела. Лишенная брони и оружия, пегаска смотрелась белой вороной среди закованных в доспехи жеребцов и кобыл, хотя почти не комплексовала по этому поводу. Но поддержать веселый тон ей не удалось.

- «Вот именно, что умеючи...» - буркнул нахохлившийся Колт. Обойдя нас сверху, он вновь постарался оттеснить от меня северянку, но та решительно не собиралась лишаться теплого места рядом с ведущим отряда, и ловким пинком в брюхо заставила того отступить – «Не знал. В общем, хорошо, что ты всегда спихивала эту обязанность на других. Я думал, копыта мараить не хотела. А оказалось...».

- «Что сделано – то сделано» - мрачно буркнула я. Наша полусотня уменьшилась на тридцать пегасов – остальные погнали медленно бредущее стадо через леса, помогая истощенным пони добраться до нашего бурга. Вместе с ними скакали и пленные, среди которых был и испорченный мной до полусмерти, бывший хозяин владелец лесопилки Боар Туск. Его, как и многих ослабленных бескормицей и тяжелой работой, взвалили на санки, которые раньше использовались для перетаскивания тяжелых стволов. Узкие и длинные, они хорошо проходили по столь же узким и длинным речушкам, но вряд ли бы помогли

чем-нибудь освобожденным, если бы не помощь и охрана, которую им обеспечивали тридцать пегасов.

Признаюсь, мне грело душу то единодушие, с которым каждый член нашего маленького отряда вызывался остаться и помочь этой дурно пахнущей толпе. Те же, кто отправился со мной дальше, лишь стискивали зубы да замыкались в себе, когда кто-нибудь вспоминал о произошедшем. Но сейчас плотину замкнутости прорвало, и я поняла, что им нужно выговориться, обсудить с кем-нибудь произошедшее, сбросив тот груз, что лег на их душу после всего увиденного.

«Кажется, нам вскоре понадобится штатный психолог».

- «Эй, соберитесь, ребята!» - попробовала я ободрить своих приунывших бойцов – «В конце концов, отвечать за все придется мне, верно? И, как я уже говорила, в своих действиях мы руководствуемся только буквой закона, а согласно этому закону, мы выполняем приказ вышестоящего начальства, обличенного доверием принцесс – приводим к покорности недружественных жителей, помогаем обиженным, освобождаем насильно удерживаемых в неволе, и работа наша еще далека от завершения. Поэтому выше нос – в конце концов, все скоро закончится, поверьте. И тогда – валите все на меня».

- «Зачем так говоришь, командир?» - укоризненно протянул Колт, умудрившийся оттеснить в сторону каурую пегаску. Шипя и плюясь, она приняла немного влево, и не замечая сердитых взглядов остальных пегасов, вновь заняла место чуть впереди – фактически, выше меня, да еще и во главе колонны – «Все это прозвучало так, словно ты и не собираешься возвращаться. Ты это оставь, поняла? Мы все сделаем всё, что нужно. Просто я, например, не могу поверить, что так вот можно было с пони поступать. Но я скажу тебе так – ты права, и нам нужно держаться вместе. Помнишь, как это было в Обители?».

- «Ну да. Зачет по последнему» - мрачно хмыкнула я. Шум ветра за моей спиной перекрыл негромкие голоса пегасов, обменивавшихся друг с другом воспоминаниями о времени, проведенном в Заслонных горах, расположенных между Мейнхеттенем и Старым Королевством, а также делясь ими с теми, кто пришел к нам позже – таких набралось большинство. Повеселев, мои соратники вспоминали те тренировки и передраги, в которые мы попадали, и казавшиеся нам настоящим издевательством – теперь же они казались лишь милыми, и в целом, вполне безобидными приключениями, по сравнению с теми проблемами, что теперь легли на наши плечи и спины. Глядя на них, повеселела и я.

- «Кажется, я слишком много общаюсь с пегасами» - пробормотала я. Навалившиеся на меня тяжесть и злоба понемногу отступали, сменяясь ощущением разочарования и грусти, сменившими ту душевную боль, которую я ощутила, когда поняла, во что я в скором времени превращусь – «Эй, взбодрись, кобылка! В конце концов, все любят Дэрпи, ведь так?».

«А вот Скры Луз любят далеко не все» - кольнула меня неприятная мысль. Голубая как небо кобыла, с вечно встопорщенными волосами и идиотской ухмылкой на морде, нервировала многих пони городка. Новый врач, пару лет назад приехавший в Понивилль на работу, все еще возился с болезнью, пытаясь добиться каких-то успехов, однако его

пациентка упорно продолжала считать себя собакой, частенько оглашая залиivistым лаем улицы городка.

«А нас будут бояться. Ну чем не жизнь?».

«Это – не жизнь! Я хотела другого!».

«О, ты даже не представляешь, как я тебя понимаю!» - в грассирующем голоске прорезалась настоящая боль – *«Ты даже не представляешь, как я тебя понимаю! Потратить все душевные силы на то, чтобы кому-то помочь, а в результате... Ты и вправду ждешь благодарности от потомков?».*

- «Я хочу прожить жизнь, не причиняя боли и страданий!» - отчаянно прошептала я. Хорошее настроение? Хха! Это не по мне! Судьба, ты издеваешься, подкидывая в самые ненужные моменты этот проклятый голосок?!

«Тогда тебе нужно было выбрать другую профессию» - не унималась моя шизофрения, с раздражающим оптимизмом шепча мне то в одно, то в другое ухо – *«Например, садоводом. Вкусные цветы и поныне должны быть в цене, как и морковь. Она-то точно никого не обидит, да и сдачи не даст. Хотя ей можно подавиться, а это опасно... Нет, не стоит тебе идти в садоводы - исколешь все губы о сорняки, и потом будешь ныть, что это не ты виновата, а кто-то, в твоей голове».*

- «Ну вот, теперь меня троллит даже моя шизофрения!» - с горечью прошептала я. Набегающий ветер мазнул меня по губам, унося сорвавшиеся слова в бесконечную синеву неба, простиравшуюся у меня за спиной. Наверное, только оно меня понимало, но в своем безграничном великолепии, не собиралась ни с кем делиться своими мыслями по поводу крошечной, одинокой фигурки, затерявшейся в утренних небесах.

Кстати, говоря о фигурках...

«Ага! Я первая, я первая заметила! Ну что, убедилась, что я могу не хуже него?».

- «Заткнись!» - рявкнула я, взмывая вверх. Слегка изменив наклон крыльев, я рывком оказалась над Нефелой, отбрасывая с дороги запищавшую от неожиданности пегаску, после чего расправила крылья, внимательно следя за крошечной точкой, едва заметной в морозной синеве. Она была почти неразличима, и только яркий блеск солнца, на секунду коснувшийся чего-то стального на шедшем над нами объекте, выдал его мне. Ну, и наверное, Нефела, уже порядком задолбавшая и меня, и остальных пегасов моего отряда. Похоже, что северянка не знала, что по всем писаным и неписаным законам, лететь во главе косяка имеет право лишь лидер, ведущий, или признанный таковым всеми членами группы, и уже давно напрашивавшаяся на хорошую трепку – особенно, в отсутствии ее обожаемого друга.

Тоже мне, выискался тут защитник угнетенных! Да мы за этот месяц сделали больше, чем он – за всю жизнь!

«Отлично! Вот такой ты мне нравишься! А теперь - вперед и вверх!».

- «Неопознанный летун прямо по солнцу!» - рявкнула я, уже жалея, что так быстро отказалась от солцезащитных гогглов, настойчиво подсовываемых мне санинструктором нашего отряда - «Вперед и вверх, народ! Лиф, Колт - выяснить, кто такой!».

Кивнув, близнецы рванули вверх, словно наскипидаренные. Они поднимались все выше и выше, пока не пропали вдали, в то время как остальные привычно разбились на тройки,

готовясь отразить нападение, если такое последует вообще. Один-единственный летун против трех десятков легионеров? Право, думать о таком было бы даже смешно.

- «Эй, что ты себе позволяешь?!» - решив, что царившее вокруг оживление вызвано ее кувырками, с которыми пегаска устремилась к земле, на зависть мне, Нефела быстро выправила свой полет, и тотчас же очутилась рядом, сердито пытаясь, и явно напрашиваясь на драку – «Ты вообще думаешь, что делаешь?!».

- «Заткнись!» - рыкнул на нее Рэйн, рывком за хвост отбрасывая назад вновь завопившую что-то северянку – «Заткнись, дура, и не мешай!».

- «Спасибо».

- «Да не за что» - ухмыльнулся розовый жеребец, вместе со мной вглядываясь в небо – «Все в долг, все в долг. Кстати, похоже, они возвращаются».

- «Странно».

- «Не то слово!» - стремительно пикирующие пегасы с трудом выправили свой полет, и спустя два круга, оказались рядом со мной. Трясущиеся, выжатые, измочаленные, они дрожали от холода, дружно прикрывая носы – «Ну, что там? Кто это? Наш, или не наш?».

- «Н-не знаю...».

- «Как это «Не знаю»?! Вы что, просто так туда слетали?» - опешил мой заместитель.

- «Он вверх уш-шел. Так б-быстро, чт-то не д-догнали» - щелкая зубами от холода, пожаловалась синяя кобыла. Роскошная белая грива, вечно выбивавшаяся из-под шлема, и подровнять которую пегаска не соглашалась ни за какие взыскания и коврижки, теперь торчала прибитой морозом, безжизненной паклей – «Раг, т-там дышать н-нечем!».

- «Сл-лишком выс-соко» - согласился с ней Колт, стуча копытами по доспехам, словно пытаясь вытряхнуть из них невидимые прочим снежинки – «Но эт-то не пегас. Хв-вост другой».

- «Так вы даже не разглядели, кто это был?!».

- «Спокойнее, Рэйни. Спокойнее» - остудила я рассердившегося пегаса. Подобравшаяся ближе Нефела захлопнула свою пасть, едва увидев двух выжатых, как мочалки, пегасов, и тихо летела рядышком, ловя каждое наше слово – «Так, народ! Нужны добровольцы, и хорошие летуны-высотники!».

- «Я! Эй, я тоже хочу!» - на удивление, народу набралось довольно мало. Всего пять пегасов из тридцати, и большая часть из них выглядела довольно неуверенно. Переглядываясь, они освобождались от облегченных своих скutumов и копий, оставляя себе лишь тесаки и мечи. Кто-то, сгоряча, уже рвал на себе завязки сегментарной брони, спешно избавляясь от стальных полосок гибкого панциря, и оставаясь в одном поддоспешнике и кольчуге. Я удивленно вскинула брови, глядя, как растолкав остальных, к нам приблизилась кауряя пегаска, оторвав меня от задумчивого созерцания этого воздушного балета – ведь все, что творилось вокруг, пегасы проделывали в воздухе, на лету, заставляя меня стискивать зубы от зависти к этим ловким крылатым лошадам.

- «А я?».

- «А что ты?» - не желая отрываться от захватывающего зрелища, я лишь недовольно дернула ухом – «Чего тебе, Неф?».

- «Не называй меня так, слышишь?» - сердито зафыркала та, прижимая ноги к груди – «Я тоже полечу с ними!».

- «Ты? Наземница?» - вякнул сунувшийся вперед Рэйн, за что тотчас же получивший по уху – «Все, с меня довольно! Сейчас ты огребешь!».

- «Знай свое место, жеребеееее...» - самоуверенный голос каурой истончился, когда казавшийся рассерженным, но совсем не опасным жеребец быстро завернул ей крыло на затылок.

- «Мне надоело с тобой возиться, дуреха!» - рыкнул ей на ухо легионер, не обращая внимания ни на пiski, ни на пинки всеми четырьмя ногами, достававшиеся ему от застигнутой враспloh пегаски. Заломив дрожащее крыло за голову, он сердито встряхнул ее, повернув мордой к земле.

- «Вон, видишь? Могу отпустить!».

- «Н-нет... Ойййй!».

- «Вот-вот. Правильно понимаешь. Могу отпустить, а могу и стенку тобой отштукатурить. Все поняла, лохматая?».

- «Д-да... Айййй! ДАААА!».

- «Ну, вот и отлично» - резюмировал Рэйн, отпуская каурую на свободу. Суматошно захлопав крыльями, она открыла было рот для протестующего крика, с которым, как ей казалось, она должна была камнем полететь к поджидающим свою жертву верхушкам деревьев, но увы – крыло раскрылось свободно, и почти без боли, заставив ее удивленно закашляться от порыва ветра, влетевшего в распахнутую пасть.

- «Мне кажется, это была моя фраза, Рэини?» - ехидно поинтересовалась я у пегаса, тотчас же сделавшего невинные глаза. Он стал хорошим копытопашником, и как почти все пони, не опьянившегося полученной силой, а умело пускающего ее в ход там, где необходимо было донести до окружающих их неправоту, или его несогласие с высказываемыми идеями – «Смотри, скоро буду деньги брать, за авторские права и плагиат».

- «Но хороша ведь, правда? И кстати, а что это ты задумала?».

- «Не спорю, что хороша» - мои глаза не отрывались от улетающей от нас точки, пока копыта лихорадочно отстегивали тяжелую шлею с висевшими на ней скутумом и коротким грифоньим мечом, прихватизированным мной у управляющего лесопилкой – «Принимай отряд, Рэини – я хочу пролететься, и лично удостовериться в том, что добраться туда невозможно».

- «Но близнецы же сказали...».

- «Но эта сволочь туда добралась?!» - сердито рявкнула я, бросая сбрую пегасу – «Ты не понимаешь, что будет, если наши враги додумались, как обходить наши порядки? Или ты забыл нашу цель?».

- «Н-нет... Никак нет, командир!» - оторопев, тот стукнул себя по груди, принимая от меня лишнюю тяжесть. Дождавшись разрешающего жеста, пегасы бросились вверх, один за другим, обходя меня и поднимаясь все выше и выше. Оглянувшись, я нетерпеливо махнула Нефеле, призывая следовать за собой – в конце концов, мне совершенно не хотелось выслушивать бухтение и неприкрытые угрозы серого земнопони, возмнившего себя защитником своей избранницы, но почему-то, предпочитающего постоянно хамить окружающим, а не приковать свою подругу к батарее, где она была бы в полной безопасности, под его неусыпным присмотром. Встрепенувшись, пегаска с радостью

рванулась за мной, стремясь очутиться как можно дальше от розового, словно сон блондинки, жеребца, умело прикрывавшего располагавшей к себе внешностью жесткую сущность всех тех, кто когда-то прошел Давилку. Оказавшись рядом, она какое-то время держалась вровень со мной, но потом, убедившись, что я не собираюсь прибавлять скорость, рванулась вслед за остальными, точками маячившими над нашими головами.

Это была безумная гонка - по зимнему небу, взбивая крыльями ветер, гребя и хватаясь ими за все утончавшийся воздух, пегасы ломались все выше и выше, пыхтя и сопя, словно самые настоящие драконы. Дышать становилось все труднее – такие незаметные, привычные, всегда готовые прийти на помощь, крылья стали вдруг очень тяжелыми, неохотно и с трудом ворочаясь в ставшем холодным и неотзывчивом воздухе. Мимо нас, снижаясь, проплыл первый боец, тяжело дыша, и хватаясь за воздух всеми четырьмя ногами – похоже, кое-кто переоценил свои силы.

«А ты? С твоими-то крылышками?».

- «Вперед!» - тяжело дыша, просипела я, вновь принимаясь работать крыльями – «Вверх! Только вверх!».

- «Никогда так... Не залетала... Высоко!» - пропыхтела Нефела. Догнав пегаску, я не стала останавливаться, хотя тело уже гудело, словно я пробежала от Кантерплота до Понивилля, в полной выкладке земнопони-легионера, и вновь начала подъем, сомневаясь, что выдержу достаточно долго – «Уже... Двадцать фуллонгов!».

- «Вперед!» - дыхание вырывалось из онемевшего горла так легко, и входило обратно так просто, словно воздух вокруг нас почти не существовал. Дышалось легко, но почему же так немеет все тело, а грудь понемногу стягивают невидимые ремни?

- «Я все равно... Покажу!» - еще одна пегаска просвистела мимо нас, направляясь в сторону оставшихся внизу товарищей. Холод свирепствовал, жадно хватая нас за открытые части тела. Стиснув зубы, каурая кобыла неслась рядом со мной, то вырываясь вперед, то отдыхая, и вновь оказываясь неподалеку – «Возвращайся! Броня... Не сможешь!».

- «Впереееееед!».

- «Сорок... Не сумеем...» - воздух уже не расправлял наши легкие. Дыхание вырывалось со всхлипами и хрипом, а голова вдруг стала какой-то очень легкой, приятно покачиваясь на онемевшей от напряжения шее – «Паг! Возвращаемся... Слишком... Высоко!».

- «Вперед!» - просипела я. Мои глаза уже нашарили проклятую точку, что кажется, даже немного подросла, и обзавелась отставленным в сторону, длинным хвостом. Холодный ветер бил нас в грудь, пытаясь загнать обратно посмевших вырваться из объятий земли, и подняться на недоступную ранее высоту, но мы все же пытались, хрипя и выплевывая бурлящую в глотках пену, забраться туда, где маячил неизвестный нам зверь – «Вперед и вверх, слышишь?!».

- «Немо... Гу...» - наконец прохрипела каурая. Голова ее моталась, свешиваясь едва не до груди, глаза закатывались, а крылья взмахивали все реже и реже – «Лига... С лишним...».

- «Вверх!» - просипело у меня изнутри. Обложенный пеной язык уже давно свешивался, трепыхаясь, куда-то на щеку, но крылья все реже и реже цепляли враждебный, уже не дающий опоры воздух, злобно стегавший своими ледяными плетями мое закованное в

броню тело. Каждый удар его отдавался по телу подобно удару молотка, каждый взмах крыльев был пыткой, но я уже видела свою цель, маячившую в конце тоннеля, постепенно застилавшего мой взор. Что-то желтое и синее... Желтое тело в синем комбинезоне, ловящее ветер широкими перепонками, натянутыми от крыльев до кончиков лап. И два здоровенных баллона, пристегнутых лямками к спине.

«Не сдавайся».

- «Вверх!».

«Еще немного. Мы почти достали его!».

- «Вперед и вверх!» - зрение сужалось, а крылья, одервенев, едва шевелились у меня за плечами. В отчаянии я напрягла проклятые простыни, заставляя измученное тело расправить маховые перья, словно огромными пальцами ловя, подхватывая и сжимая предательский воздух, заставляя его подчиниться... Обернувшись фигура судорожно задергалась, пытаюсь взмахнуть укутанными в синюю материю крыльями, но сложившиеся перепонки мгновенно провисли, затем вновь надулись как паруса, набирая пригоршни ветра, и наконец, перевернули владельца костюма через голову, отправляя кувыркаться к грешной земле.

«Да! Да! Да! Теперь он наш!» - радостный вопль едва не взорвал мою голову. Болтаясь в воздухе, словно куль, фигура быстро падала вниз под восторженные крики, раздававшиеся у меня в черепушке. Бессильно двигавшаяся грудь горела огнем, судорожно расширяясь в попытке вдохнуть хотя бы немного чистого воздуха, но легкие выплевывали из себя лишь бело-желтую пену. Сердце стучало как барабан, грозя проломить тонкую преграду из мышц и костей, устремляясь вслед за несущимся вниз противником – синий комбинезон уже расправил свои крылья, и теперь быстро набирал скорость, опрометью несясь куда-то на восток. Осталось только сложить крылья, и...

Темнота. Опять темнота.

Похоже, что пробарахталась я в воздухе все-таки недолго. Сознание, как обычно, вернулось толчком, словно в темной комнате вдруг включился на полную громкость приличных размеров телевизор, решивший устроить своей хозяйке утреннюю воскресную побудку прямым включением с какого-нибудь Рок-феста. Грохот ветра в ушах, нещадно трепавшего мои лопушки и лупившего по морде, мало чем отличался от лихих металлических зарубов и зубодробительных стаккато, несшихся когда-то со сцен популярных музыкальных фестивалей, а лихие кувырки в воздухе навсегда похоронили мою надежду еще немного полежать, закрыв глаза и представляя себя в нашей милой спальне домика в Понивилле.

Интересно, а который уже час?

«Время вставать, идиотка! Видели бы ваши предки, до чего измельчало гордое когда-то племя...».

- «Я уже... Уже встаю... Уже... Аюшки!».

«Подъем, толстозадая!» - очередной вопль, раздавшийся между ушей, заставил меня болезненно сморщиться. Что-то плотное изо всех сил ударило меня в спину, заставив сделать очередной кульбит. Продрав слипающиеся глазенки, я решила было возмутиться, но очередной порыв ветра, нещадно хлещущего по морде, заставил подавиться заготовленной гневной тирадой, а не так уж и медленно приближающаяся земля – суматошно хлопнуть крыльями, превращая неуправляемое падение в более-менее управляемый полет. Удалось мне это не сразу – одеревеневшие мышцы спины и плеч слушались неохотно, при каждом взмахе скрипя и жалуясь на жизнь, и приближавшиеся верхушки заснеженных сосен, ехидно манившие меня к себе едва заметным покачиванием шикарных, раскидистых крон, понемногу становились все больше и больше – впрочем, гораздо медленнее, чем тому полагалось быть.

«Вот так. Хорошо. То есть, уже лучше, чем мог бы сделать жеребенок-инвалид».

- «Кто бы говорил!» - огрызнулась я, глядя на приближающиеся деревья. Мои глаза уже привычным для меня образом решили угробить свою хозяйку, привычно рванув изображение вперед, однако... Тряхнув головой, я постаралась уже самостоятельно приблизить такие близкие с виду деревья, но вместо этого углядела распыленную синюю фигуру, широко растопырившую укрытые материей крылья в нескольких километрах впереди.

И она выглядела просто песчинкой на фоне приближающихся крон.

«Что это?».

«Помолчи. Дай мне... Просто помолчи, ладно?».

- «Они огромные...» - в благоговейном ужасе прошептала я, разглядывая стоявшие под нами деревья. Именно что стоявшие – сколько бы я не махала разогревающимися крыльями, сколько бы не меняла угол их наклона, гигантские деревья почти не двигались – или это я не двигалась относительно них? Каменная чаша непередаваемо огромной долины, больше похожей на кратер от удара и взрыва чего-то большого и мощного, грозно топорщилась обледенелыми склонами, мрачно и неприступно глядевшими на мир серыми, риолитовыми стенами, отвесно уходящими вниз, в полумрак загадочного леса. Кроны деревьев, похожих на гигантские конусы, едва заметно покачивались, и я похолодела, представив себе размах этих движений – на вид, каждая ветка должна была проходить не менее сотни метров, следуя за качающейся вершиной огромного столба – «Они просто гигантские! Откуда они... Сколько же времени прошло на самом-то деле?!».

«Мы называли их...» - звуки притихли, и на меня накатилась сложная смесь из эмоций. Благоговение и ужас, прохладой изысканного храма смешались с душноватым нетерпением, отозвавшимся на кончике языка горьковатой каплей сосновой смолы, промелькнули внутри, словно порыв ветерка – *«Считалось, что они держат на себе целый мир».*

- «Эммм... Так как они назывались-то?» - тряхнув головой, я вновь сосредоточилась на работавшей впереди крыльями фигурке. Я категорически отказывалась понимать, как можно было держаться в воздухе с помощью укутанных в тряпки крыльев, но к счастью, летевший впереди соглядатай тоже имел об этом весьма смутное представление, и предпочитал планировать, время от времени поджимая расставленные лапы и складывая перепонки, когда его планирование переходило в парение на одном месте, от которого

был всего-навсего один шаг до падения, если вдруг утихал ветер, поддерживающий летуна.

Наверное, именно поэтому воздушные змеи все же остались забавой для жеребят и не желающих стареть взрослых.

«Заткнись, и работай крыльями!» - неожиданно резко откликнулся голос. Ставший сухим и недружелюбным, он сердито скалил клыки, забавно приподнимавшие верхнюю губку – *«Несчастное племя, не способное оценить истинную красоту, будь то красота чувств или поэзия эмоций! Чего тебе от меня нужно, убогое ты существо?»*.

- «Чееееего?!» - охренев от произошедшего, я даже забыла, что нужно двигать постепенно немеющими от усталости крыльями, провалившись на несколько десятков метров вниз, ближе к крутящему головой существу – «Это... Это мне-то что нужно?! Да это тебе что-то от меня нужно, шиза проклятая! Аллопсихия! Диссоциативное расстройство! Вон из моей головы, психоз ты шизоаффективный!».

«Кажется, нас заметили».

- «Да мне насрать!» - разоралась я, отплевываясь от сурового ветра. Мороз крепчал, и мои крылья вновь занули, напоминая, что хорошие хозяйки всегда держат свои порхалки в тепле, а не на холодном ветру. Наверное, мой голос был неплохо слышен на несколько километров вокруг, и летевшая впереди фигура начала подозрительно оглядываться, мотая скрытой под какой-то накидкой головой.

«Лети и не голоси» - уже спокойнее ответствовал предвестник моей скорой кончины. Наверное, именно так следовало расценивать то, что я кричала на голоса, раздававшиеся моей в голове – *«И не думай о плохом, хорошо? Просто... Просто это так жалко. Так непривычно. Так ущербно...»*.

- «Ущербно что?!» - синий комбинезон, наконец, заметил орущую и стучавшую по шлему пегаску. Резко дернув крыльями, он сначала расправил свои перепонки, позволив мне выиграть еще пару сотен метров, но затем, испугавшись содеянного, сложил их, и бросился вниз, штопором уходя в синеватый полумрак огромной долины.

«Узнаешь. Очень скоро. Я жду» - повторив маневр цели, я так же сложила крылья, но не до конца, и расправив чуть в стороны маховые перья, принялась наворачивать круги возле дергавшегося в воздухе существа. Признаться, это было не просто – конечно, мне помогала добавлявшая веса броня, однако не раз и не два я сама начинала крутиться на месте, вместо того, чтобы плавно летать вокруг паникующего грифона. Теперь я видела его четко – песочного цвета тело, покрытая белым пером грудь, и какой-то капюшон, натянутый на странную, жесткую конструкцию, прикрывавшую орлиный клюв. Наверняка это было что-то вроде кислородной подушки, но такую забавную конструкцию я видела не впервые – чем-то подобным пользовались в конце девятнадцатого-начале двадцатого веков, применяя такие вот маски для ингаляционных наркозов. Что ж, конструкция была довольно проста, и рано или поздно, непременно пришла бы на ум какому-нибудь умному существу. Заметив, что меня не хуже него мотыляет в воздухе, грифон взмахнул расправленными лапами, и вновь набрал высоту, махом отыграв у меня едва ли не полкилометра. Увидев маневр противника, я могла лишь шипеть и плевать – основательно продрогшие, уставшие крылья шевелились все неохотнее, и я с сожалением поняла, что мне придется искать место для отдыха, где я смогла бы немного

согреться. Увы, ничего подходящего на глаза не попадалось, за исключением разве что облаков, медленно переваливавших через края отвесных скал, и опускавшихся в загадочную долину. На одном из них я и притулилась, аккуратно опустившись на самый его край.

- «Эт-то не пр-авильно» - морозец крепчал, но отсутствие ветра делало его почти незаметным. Трясаясь, я попыталась было попрыгать по краю облака, с трудом разгибая непослушные ноги, но быстро замерзла еще больше, по самые плечи и бедра вымокнув во влажном войлоке «дикой» тучки – «Он-ни должны лететь вверх!».

Ответа не последовало. Похоже, морозец хотя бы немного успокоил мою голову, чем дальше, тем больше выкидывавшую довольно странные коленца, но теперь мне грозила нешуточная опасность замерзнуть, уснув на морозе в каком-нибудь глубоком дупле. Увы, такая возможность была наиболее вероятной, если бы я осталась на месте.

«Нужно лететь!» - мысленно простонала я, вновь раскрывая потяжелевшие крылья. Тонкий ледок уже похрустывал на маховых, и перевалившись через край облака, я с трудом подавила испуганный вскрик, когда казавшийся доселе привычным, хотя и не слишком быстрый полет превратился в настоящую гонку со смертью. Тяжелые, неподъемные, крылья взмахнули один раз, затем другой, но с каждым ударом я проваливалась все ниже и ниже, наконец, начав быстро снижаться, словно потерявший двигатели самолет.

Это было на самом деле страшно. Я больше не контролировала ни свое тело, ни распахнувшиеся крылья, то и дело стремившиеся подогнуться, и сложившись, отправить меня прямо к земле. Вначале плавное, снижение превратилось в стремительный полет – вниз, в мрачный, заснеженный лес, укрытый сенью гигантских деревьев. Возможно, мне стоило бы попытаться нацелиться на одну из веток древесных исполинов, но каждое мое движение лишь ухудшало ситуацию, грозя окончательно вывести из повиновения негнущееся от холода тело. Попытка поднять задние ноги и выгнуть спину, создав положительный угол тангажа, задирала мой нос к небесам, в то время как любой, пусть и небольшой с виду крен, отправлял меня в самый настоящий штопор, заставляя лихорадочно дергаться, поджимая то одно, то другое крыло. Найдя устойчивую позицию, при которой скорость росла не так стремительно, как раньше, я запоздало заметила, что потерялась – огромные кроны приблизились, и теперь нависали где-то над головой, теряясь в самых настоящих тучах, ходивших над сенью громадных деревьев. Местность подо мной была не пуста – изрытая оврагами и холмами, земля была прикрыта пластами твердого, слежавшегося, никем не потревоженного снега, блестящего, словно пластик или слюда, однако несмотря на манившие мой взгляд громадные, ровные участки, размерами превышавшие иные города, я даже не пыталась пойти на снижение - посадка на них мне показалась безумием. Кто знает, какие трещины и каверны скрывались под казавшейся твердой поверхностью снежного наста, поэтому я решила продолжить свой путь над узким распадком, тонкой тропинкой вившимся между огромных камней. Огромные ветки и сучья, размерами не уступающие иным небоскрекам *людей*, все приближались и приближались, но я понимала, что это было обманчивое впечатление, ведь стоило бросить взгляд на проносившуюся в опасной близости землю, как приходило холодящее душу понимание, что до ближайшего древесного ствола был по крайней мере

десяток километров, если не больше. Вскоре, деревья приблизились, и распадок сменился широкой долиной, упиравшейся в одного из сказочных исполинов, у корней которого, бурля и паря, раскинулись горячие источники, вереницей террас сбегая к распадку, по дну которого, остывая, струился сернистый ручей. Горячий пар поднимался над кипящей водой, покрывавшей дно небольших водоемов с покрытым минералами дном - светлым и чистым, не замутненным ни грязью, ни водорослями, ни следами каких-либо животных. Возможно, донесшийся до меня запах протухших яиц и служил предостережением всякому, кто возжелает попить ядовитой водички, но я только всхлипнула от облегчения, ощутив на своей морде дуновения теплого ветерка, доносившегося с покрытых водой террас. Увы, я заходила совсем не с той стороны, чтобы спокойно грохнуться в воду – покрытые минеральными отложениями уступы были слишком узки, чтобы успеть затормозить мою разогнавшуюся тушку, принявшуюся рыскать из стороны в сторону в надежде найти какое-нибудь место для более-менее мягкой посадки. Увы, на глаза попадались лишь камень да пар, и я уже решила сложить обледеневшие крылья, отдавшись на волю случая, но внезапно, мой взгляд зацепился за длинную и широкую дорожку, спускавшуюся к началу каскада сернистых ванн. Вымощенная сероватыми булыжниками, она казалась относительно ровной, да еще, как нарочно, была не слишком крута – застонав, я изо всех сил расправила норовившие сложиться порхалки, и с чувством выполненного долга понеслась к земле, грудью падая на камни дороги.

Удар был силен, даже несмотря на мои попытки в последний момент собрать свои крылья, и затормозить. Не раз пострадавшее левое наконец подломилось, и я кубарем рухнула на камни, кувыркком полетев куда-то вперед, отскакивая от начисто выметенной дорожки, выбивая каждым ударом снопы злобно шипевших искр. Удар, второй, третий – дорога, деревья и небо сменяли друг друга словно в калейдоскопе, озаряемые вспышками искр, пока, наконец, не пропали, сменившись чернильной темнотой. Очередной удар, потрясший меня до костей, и пришедшийся почему-то на спину, подбросил мою хрипевшую тушку сначала вверх, а затем обрушил на твердую, гладкую, и очень холодную поверхность. Зажмурившись от боли в прокушенном языке, я не скоро открыла глаза, и долго лежала на чем-то неподвижном, наслаждаясь кульбитами, которые выделял мой мозг, стремившийся то прыгнуть повыше, то броситься в сторону, то вновь впечататься в пол, да так, что моя голова неистово дергалась, вздрагивая от ударов, доносившихся из черепной коробки. Наконец, воспаленный разум утих, и я смогла приоткрыть глаза – впрочем, без особенного успеха.

- «Кажется, я попала...» - холод пробирал до костей, и мое дыхание не породило даже намек на пар, попросту смешавшись с таким же холодным воздухом, насыщенным запахами серы и чего-то горьковато-сладкого, сытного, словно неокуренный дикий мед. Оглядевшись, я увидела кусочек исцарапанного каменного пола, скудно освещенный полосами приглушенного, серого света, проходящего через большую арку из грубых камней – похоже, именно через нее я попала в это помещение. С трудом утвердившись на дрожащих ногах, я осторожно прокралась к выходу, хромая и охая, словно почуявшая дождь бабка Смит, но не успела и дойти до выхода, как споткнулась, едва не

навернувшись на подернутом ледком, гладком полу, зацепившись ногой за какой-то ремень.

- «Таааак...» - пробормотала я лишь для того, чтобы хоть как-то нарушить царившую в этом месте, подозрительную тишину. Полотняный ремень был почти новым, хотя и носил на себе следы потертостей от железной пряжки-карабина, которая болталась на одном его конце. Второй же был быстро и неровно обрезан – на жестких, промасленных нитях еще сохранились следы чего-то острого... Но главной находкой были те самые баллоны, которые болтались когда-то на этом ремне. Брошенные рядом с аркой входа, они еще негромко шипели, стравливая кислород через какое-то загадочное приспособление, напоминающее вывернутые наружу часы. Каждые пять секунд шестерни загадочно щелкали, и из порванного патрубка доносилось негромкое шипение, почти не слышимое за плеском и бульканьем источников, расположенных вниз по дороге. Вывернув шею, я обозрела загадочное сооружение, больше похожее на пирамиду ацтеков – такое же ребристое и угловатое, сложенное из темного камня, и состоящее из бесчисленных ступеней, заканчивающихся аркой, ведущей внутрь этого загадочного сооружения.

- «Похоже, этот грифон приземлился в этом же самом месте» - прошептала я, на всякий случай, отходя подальше от черневшего проема. Кто знает, какие ужасы могли таиться внутри этого места, пусть даже и выглядевшего необитаемым... Но кто-то же вымел дорожку, ведущую к странным прудам!

- «Кто-то ухаживает за этим местом. Кто-то... Но кто?».

Ответ был получен довольно быстро и грубо. Уловив краем глаза движение, больше похожее на блеск пузырящейся воды, я начала было поворачивать голову в сторону ведущей вниз дороги, но не успела даже мяукнуть, как ощутила резкий и грубый рывок за заднюю левую ногу, бросивший меня на камни площадки, расположенной перед входом в пирамиду. Что-то холодное больно и крепко вцепилось в мою лодыжку, резким рывком затягивая в темный зев украшенного аркой прохода, за край которой я и уцепилась, скользя копытами по холодному камню. Рывок, другой – что-то горячее хлестнуло по крупу, подбрасывая меня почти до потолка и немилосердно обдирая передние ноги, цеплявшиеся за арочный край. Хотя правая и была прикрыта накопытником легкого и прочного поножа, цепляться им за что-то было не слишком удобно, и после очередного рывка я невольно разжала копыта, и визжа, полетела в чернильную тьму.

Полет? Как бы не так! Меня тащило, волокно и ударяло о стены какого-то коридора, ведущего в глубины этого странного сооружения. Темнота закончилась вместе с очередным ударом, когда моя воющая от ужаса тушка выметнулась из широкого отверстия, расположенного в полу, и съехав по длинному и узкому желобу, оказалась в широкой и низкой комнате, освещенной потрескивавшими факелами. Их мерцающий свет отразился от поблескивающих складок грифоньего комбинезона, вместе со своим хозяином выскочившего из укрытия в темном углу зала. Пару раз отпрыгнув от пола, словно мячик, я с громким ойканьем врезалась в ступени квадратного возвышения, проделав весь путь до него на собственной спине. Доспех защитил меня от серьезных последствий столкновения с жесткими ребрами накиданных строителями камней, но более нежные крылья вполне ощутили всю прелесть холодной и жесткой поверхности, по

которой меня проволокло. Звонко ударившись шлемом о камень, я уже приготовилась с чувством выполненного долга потерять сознание, однако быстро передумала это делать, ощутив на своем горле цепкие лапы, царапнувшие по прикрытой стальными пластинами груди. Судя по навалившейся на меня тяжести, их обладатель решил схватить меня за грудки, но без должной подготовки ему это вряд ли светило – в конце концов, даже наличие когтей не давало ему преимущества против одоспешенного противника, но вот не вовремя подставленная глотка подала ему отличную идею, которой тот тотчас же и воспользовался, вцепившись в прикрытое кольчугой горло.

- «Где она?! Она у вас?» - раздался сиплый, задышающийся от эмоций голос, вжимая мою голову в выщербленный край ступени. Скосив глаза, я заметила рукава из грубой синей ткани, больше походившей на дерюгу, однако, в отличие от последней, имевшей красивый, переливчатый цвет, словно нити ее были свиты из чего-то неорганического, вроде асбеста, но их обладателя разглядеть так и не смогла – «Отвечай мне, она у вас, в плену?!».

- «Ты ш мне хорло перешмешь!» - слабо возмутилась я, лихорадочно пытаюсь придумать выход из сложившейся ситуации. Наверное, этот гад тут был, и не раз – вон как ловко спрятался под сраным желобом, не побоявшись темноты!

- «Говорите, немедленно! Или я...».

- «Или што?» - лапы медленно усиливали нажим, и я поняла, что нарвалась на какого-то сумасшедшего. Чего хотел от меня этот грифон, я не знала, но чем больнее становилось моему горлу, тем быстрее я убеждалась, что этот зверь явно не принадлежал к военному сословию – уж очень неторопливо душил меня птичекот – толи желая помучить... То ли не обладая необходимыми для этого решимостью, и крепостью лап.

- «Или што?!» - захрипев, я постаралась вывернуться из-под насевшего на меня тела, сильным ударом по плечам пытаюсь заставить разжаться душащие меня лапы. Увы, с первого раза сделать это у меня не получилось – похоже, сказало отсутствие тренировок, да и чувствительные точки у грифонов наверняка располагались в других местах, поэтому я смогла лишь отбросить вскрикнувшего от боли противника, отлетевшего в сторону после заслуженного пинка, которым я наградила свалившуюся с меня тушу. Перекатившись, я встала на ноги, и решила было продолжить тесное знакомство с этим любителем гарроты и рояльной струны, но остановилась, притиснув грудью к стене встающего грифона, заставляя того подняться на задние лапы. Удивительно, но ни того, ни другого орудия древних *bravo*¹⁰ у грифона не оказалось, зато имелась погнувшаяся, и сползшая на шею маска для дыхания, выглядевшая примерно так, как я ее себе представляла.

- «Ну и что... Кхе... Теперь?» - сердито кашлянув, поинтересовалась я у испуганно тарашившегося на меня птицельва.

- «Только не убивайте» - быстро проговорил тот, смиренно опуская лапы, и кажется, даже собираясь завести их за спину. Услышав мое предостерегающее рычание, он передумал, и принялся испуганно теребить карманы своего костюма – «Я заплачу. Обещаю».

¹⁰ **Bravo** (италь.) – «Смелчак», наемный убийца, нередко самого низшего пошиба. Действовали гарротой, кинжалом и ядами.

- «Заплатишь?» - убедившись, что птичекот не собирался на меня нападать, и вроде бы, не прятал в карманах ничего, длиннее пера или перочинного ножика, я отступила, удивленно обозрев его дрожащую фигуру – «Неужели слухи расходятся настолько быстро?».

- «Все знают Мяслика Дарккроушаттена» - испуганно и как-то льстиво закивал грифон. Порывшись в карманах своего мешковатого балахона, он выудил из него допотопные очки в толстой, стальной оправе, закрепив на своем орлином носу – «Слухи о бесчинствах в северных землях разнеслись вокруг, и достигли самого престола Грифуса. Я слышал, что вы берете заложников, и подумал, что я смогу... Вам... Четверть таланта...».

- «Четверть чего, простите?» - ошарашенно потрясла головой я, не уверенная, происходит ли все на самом деле, или это какой-то розыгрыш – «Таланта? Грифоньего таланта?».

- «Половину!» - быстро откликнулся тот. В очках, с растрепанными перьями, он вдруг напомнил мне бухгалтера-еврея, даже под угрозой погрома, торгующегося за каждый шекель – «И еще пятьдесят ассов сверху!».

Ну точно... «Таки наши люди везде»!

- «Мммм, ты хочешь мне заплатить?» - заинтересовалась я таким интересным предложением. Признаюсь, я не могла вспомнить, чтобы мне, за пару лет, хоть раз совали бы взятку, поэтому восприняла эту идею с достойным сожалением энтузиазмом – «Не откажусь. Я люблю, когда мне платят. А за что?».

- «Значит, Половину таланта, и вы отпускаете на свободу мою племянницу? Что ж, я знал, что с вами можно иметь дело!».

- «Воу-воу, погоди! Это кого это я должна отпустить?» - порыв сквозняка дохнул в мою спину, принес с собой звук рожка, выдувавшего тревожную, наполненную ожиданием ноту. Проходя сквозь лабиринт стен и коридоров, он усиливался, привлекая мое внимание требовательным гудением – «И почему это за половину таланта? А вдруг этот «кто-то» дороже стоит?».

Подняв голову, я прислушалась. Нет, вроде бы показалось...

- «Ой, и не говорите! Признаться честно, что эта бестолковая, своевольная девчонка не стоит и той трети таланта, которую я был готов за нее заплатить!».

- «Пррррр! Только что ж половина была?» - удивилась я.

- «Ой, да что вы заладили «Половина» да «половина»? Она не стоит даже той четверти...».

- «Слушай, а ты сам-то, кто такой, Panikhovskiy?¹¹» - отстранившись, я с интересом поглядела на грифона. В своем мешковатом костюме, снабженном по бокам широкими перепонками-парусами, шедшими от крыльев к задним лапам, он и вправду казался жуликом-оборванцем, и мне пришлось напомнить себе, что этот «оборванец» всего час или два назад забрался туда, куда не смогли добраться уже далеко не самые слабые летуны – «И что это на тебе такое? Следил за нами, морда?».

- «Ну... Да. То есть, нет» - как-то застенчиво сверкнул глазами из-за очков грифон – «Не за вами. То есть, не за вами всеми, а именно за вами. О, все вокруг твердили, что я

¹¹ Скраппс намекает на М.С.Паниковского – собирательный образ мелкого жулика начала XX века, выведенный в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой Теленок».

просто сошел с ума, если хочу найти пропавшую племянницу – даже мой братец, этот надутый индюк, вечно мелькающий вокруг со своими «Très magnifique!», обвинил меня в скудоумии! Меня! Груффо Ле Гранда! Ученого, известного во всех странах цивилизованного мира... Даже в полудикой Эквестрии, кстати говоря».

- «Значит, за мной, причем лично за мной, следил ученый грифон. Польщена» - фыркнула я. Ветер вновь взвыл, выдавая гнусавую, но довольно музыкальную трель, заставившую часть моего сознания насторожиться – «И зачем же ты следил за мною лично? Просто для того, чтобы выразить свое восхищение, а заодно и выкупить кого-нибудь из своих?».

- «Свою племянницу. Гильду Ле Гранд» - радостно закивал головой тот. Ну ни дать, ни взять профессор, в кои то веки услышавший от худшего своего ученика какую-нибудь умную мысль – «Как вы, должно быть, уже убедились, она просто-напросто непокорный птенец, полный бунтарских идей, которых набралась от другого моего братца, и сбежала с первым же встреченным риттером, напросившись к тому в оруженосцы».

- «Так... Погоди-ка...» - шестеренки в моей голове скрипнули, жалуясь на отсутствие смазки. Завывания сквозняков понемногу сложились в настоящую музыку, впрочем, быстро исчезающую, стоило лишь мне сосредоточить на ней свое внимание – «Риттер с оруженосцем-грифиной... Корг? Корг де Финт?».

- «Верно! Абсолютно верно!» - глядя в глаза, радостно блестящие из-за стекол очков, я только покачала головой. Похоже, этот птицелов и впрямь был неисправимым идеалистом, живущим среди своих научных изысканий и книжных томов. Вот и сейчас, увлекшись, он профессорским жестом поправил на клюве очки, и торгашески потер передние лапы – «Я знал, что они у вас! И именно поэтому мое изобретение было столь своевременным и нужным! Вы только представьте, каких высот добьется цивилизация грифонов, когда все, что я задумал, будет претворено в жизнь! Мы исследуем небо вдоль и поперек, забираясь повыше этих зазнаек-пегасов; мы научимся работать с атмосферными осадками, мы научимся сами лепить облака...».

- «И создадите империю».

- «Империю разума, дорогая!» - важно кивнул грифон, целиком пребывая в своих влажных мечтах о господстве науки над этим самым разумом – «Империю, в которой просвещенные существа будут вместе трудиться на благо общества и науки!».

«Ну, что я говорила? Технократы! Считают себя светочами разума, в то время как допущенные к власти, становятся теми же тиранами, лихорадочно пытающимися удержать в своих лапах бразды правления. Заменить псалтирь на калькулятор еще не значит чем-то отличаться от клеймимых ими «религиозных мракобесов», но увы, пониманием этого отличались очень и очень немногие».

- «Ага. Видела я, как эти самые «разумные существа» выглядят после пары лет работы на благо общества и науки» - нахмурившись, рыкнула я, вновь прижимая к стене разошедшегося грифона – «На благо *вашего* общества, и *вашей* науки! На лесопилке Боар Туск! В замке Дарккроушаттен! И то, как выглядят простые грифоны, лишенные оружия и рабов, тоже видела! Поэтому не нужно задвигать мне тут свои

меритократические¹² спичи, ученый попугай, а вернемся к вопросу о выкупе. Зачем она тебе нужна, если твоя племянница на самом деле такая дура, как ты пытаешься изобразить? Пусть посидит, отдохнет, остудит горячую голову – в конце концов, несчастья сближают, а испытания закаляют характер, поэтому кто знает, быть может, когда все это закончится, ее семья с гордостью встретит вернувшуюся из плена супругу знатного риттера, да не одну, а с кучей цепляющихся за ее лапы и крылья грифонов? Кстати, вы же яйца высиживаете, верно?

- «Грифоны не относятся к Monotremata¹³» - сухо ответил грифон, явно не желая обсуждать эту тему с какой-то там пони – «И да, мы откладываем и высиживаем яйца. Но это не дает вам право скабрешничать о моей племяннице, а также тех вольностях, которые позволяют себе молодые грифоны последнюю сотню лет, демонстрируя прискорбное падение нравов».

- «Ну, вот и чудненько. Значит, Гильда ле что-то там? Она что, такая важная птица?».

- «Нет-нет, что вы! Отнюдь!» - как-то подозрительно засуетился грифон, едва не выпрыгивая из поблескивавших в полумраке очков. Похоже, уловка не удалась, и пернатая тварь сообразила, что за знатную пленницу платить придется гораздо больше – «Просто мое скромное имя на слуху у покровительствующих науке грифонов - в отличие от вашего, конечно же. Оно известно самому королю!».

- «Значит, слухи о моих проделках дошли до самого Грифуса?» - помимо воли, я проказливо ухмыльнулась, ощутив прилив гордости. Похоже, мои усилия были затрачены не напрасно, и теперь Гвардии должно стать полегче, когда в нашу сторону двинутся более-менее крупные силы грифонов, снятые с других участков фронта – «Здорово! И что же король?».

- «Его монаршее Величество, Брюглефивер II, изволит плевать при каждом упоминании вашего имени» - осторожно ответил птицелов, с проснувшимся вновь испугом глядя на меня из-за стекол очков – «А эпитеты, которые при этом использует Его Величество... Как говорят, они больше подошли бы последнему лавочнику или грузчику, нежели монаршей особе».

- «Серьезно? Класс!» - не выдержав, я расхохоталась, отступив от грифона, с облегчением сползшего по стенке обратно на пол – «Ругается, говоришь, как золотарь¹⁴?».

- «Мне кажется, не пристало использовать эти слова в отношении монарха» - чопорно заметил Ле Гранд, но затем, оглянувшись зачем-то по сторонам, позволил себе скупую ухмылку – «Но насколько я слышал, «пятнистая дрянь» и «психованная мерзавка» были не самыми худшими эпитетами, при одном только вашем упоминании вырывавшимися из клюва нашего всемогущего и всеблагого короля».

Сквозняк теперь дул не переставая, и порывы ледяного ветра доносили до меня красивую и грозную мелодию, уже не исчезающую, но и никак не являвшую себя, сколько бы я ни крутила своей головой.

¹² Меритократия – очередной вариант утопического общественного строя, в котором к управлению обществом допускаются наиболее способные индивиды.

¹³ Однопроходные. Существа, у которых половые и выделительные пути сходятся в клоаке – расширенном отделе кишки.

¹⁴ Ассенизатор, профессионал по очистке отхожих мест.

- «Серьезно?» - взглянув на грифона, вновь хохотнула я, представив себе жирного котофилина, беснующегося на своем троне – «Что ж, тогда, думаю, стоит подсыпать ему соли на хвост, верно? Я принимаю твоё предложение, Ле Гранд! Отпущу я твою племянницу. Поглядим, насколько она верна своим идеалам рыцарской чести, и вернется ли с обещанной наградой. Перья ей пока, вроде бы, не остригли. Но взамен, я хочу поподробнее узнать об этом устройстве, которое ты таскал за спиной. Уж очень оригинальная конструкция, да и некоторые узлы и детали кажутся мне знакомыми...».

- «Даже не знаю, радоваться этому или печалиться» - негромко пробормотал Груффо, с облегчением поправляя перья на груди, вздохмаченные сердитым сопением одной пятнистой пегаски – «Но я искренне благодарен вам, и конечно же Хрурту, что вразумил ваш кровожадный разум прислушаться к моей просьбе. А это устройство... Я назвал его *аппарель ютением пор респире соу лю*, хотя несмотря на изящное название, четко отражающее суть этого, без сомнения, эпохального изобретения, отдельные его части были взяты мной с тех же самых паровиков – это удешевило всю конструкцию в целом, и...».

- «В общем, у нас найдется время, чтобы поговорить об этом, Груффо» - попыталась я закруглить начавшуюся лекцию, начало которых я быстро научилась улавливать в разговорах с нашей новой принцессой – «И вообще, что тут за странные сквозняки? Словно целый оркестр играет!».

- «Ээээ... Сквозняки?» - удивленно уставился на меня грифон, вновь поправляя порядком задолбавшие меня очки – «Мне кажется, тут очень тихо. Но это же пирамида, которая, если я правильно интерпретировал ее очертания, очень похожа на строения племени Серви, живущего на южном континенте. У них отличная вентиляция, придуманная для того, чтобы попавшая в их лабиринт жертва ни в коем случае не задохнулась, и блуждала по нему до скончания веков. По крайней мере, так пишут достойные доверия исследователи. И если я пока и не видел признаков какого-нибудь лабиринта, то это может означать так же и то, что я просто слишком быстро бежал».

- «Кстати, о побеге» - покосившись на заднюю правую ногу, я с опаской дотронулась до украшавших ее, золотистых колец. Выполненные точно по ноге, они свободно скользили по ней, но никогда не сваливались с копыта, и весело позвякивали при ходьбе. Я настолько привыкла к этому звуку, что почти не замечала эти странные украшения, бывшие на теле «прежней» Раг уже к тому моменту, как я, уже новая я, вынырнула из лесной реки – «Чем это ты меня так подцепил, и приволок в это подземелье? Очередное изобретение, готовящееся потрясти мир?».

- «А это сделал не я».

- «А кто же?» - я удивленно вскинула брови, глядя на оживившегося отчего-то грифона.

- «Это были они» - когтистая лапа недвусмысленно ткнула мне за спину, заставив прыжком развернуться на месте – «Ну, что же вы так долго? Мне пришлось пообещать этой пони все, что у меня есть!».

Оглянувшись, я тут же отпрыгнула обратно к желобу, пригибаясь, и готовясь подороже продать свою жизнь. Трепыхающийся свет факелов, так не похожий на то ровное свечение, что изображали во всех исторических фильмах людей, обволакивал четыре фигуры, неподвижно стоявшие в центре помещения, скрывая своими балахонами что-то большое, что-то сверкающее, отбрасывающее веселые лучики света на мрачные стены, показавшиеся мне какими-то неуместными в этой мрачной обстановке лишенного солнечного света подземелья. Комната, в которой я обнаружила прятавшегося грифона, расширилась благодаря разделившейся надвое стене, части которой практически бесшумно втягивались в серый камень, являя нам нутро расположенного за ней зала. Его архитектура ничем не напоминала то серое уныние, что гордо величало себя «пирамидой» - с тяжелым гулом ударившись о невидимые ограничители, створки потайной двери явили нам великолепную палату, выполненную из золотистого камня, с первого взгляда поражающую соразмерностью объемов и линий, на которые падал мой взгляд. Высота, ширина и объем комнаты – все казалось продуманным, и каким-то светлым, не подавляющим входящее в нее существо, будь то человек или пони, но заставляющее чувствовать себя так, словно ты уже являешься частью этого помещения, словно пробыл тут всю свою жизнь, ощущая и узнавая каждый его уголок. Это ощущение было настолько пронизывающим, настолько внезапным и сильным, что я не удержалась, и сделала шаг вперед, лишь потом зацепившись взглядом за стоящие неподалеку фигуры, одна из которых сделала шаг вперед. Ее балахон царственно зашелестел, когда четвероногое существо двинулось в мою сторону, но тут же остановилось, услышав щелчок, с которым Когти вылетели из скрывавших их ножен.

- «Приветствую тебя, Гханима» - фигура склонила голову в поклоне, заставив меня остановиться. Голос неизвестного был спокоен и глух, а видневшиеся из-под балахона копыта недвусмысленно говорили о том, что под темной материей вряд ли мог прятаться верблюд или грифон. Постояв в таком положении, неизвестный разогнулся, и вновь двинулся вперед – «Прошло много дней и ночей, с тех пор, как мы виделись с тобой. Узнаешь ли меня?».

- «Н-нет...» - настороженно ответила я, пытаюсь понять, кто были эти пони. Голос даже отдаленно не казался знакомым, хотя это обращение... Возможно, кто-то из тех, кто видел меня в Камелу?

- «Что ж, память не всегда была сильной стороной тех, кто идет путем копья и щита» - с мрачным удовлетворением хмыкнула фигура – «Тогда, быть может, ты вспомнишь то мрачное узилище в замке Дарккроушаттен, что стало для меня прибежищем на долгие пять лет?».

- «Погоди... Вонючка?» - невольно опустив правую ногу, я попыталась взглянуть в прикрытую капюшоном голову – «Мне казалось, что у тебя раньше был какой-то странный акцент...».

- «Кхаребеду Валиш, виндьяго Валиш. Зиииибууууус, Гханима...» - голова поплыла в такт раздавшимся из-под балахона словам, заставив меня отступить от гордо вскинувшей голову фигуры. Что-то сверкнуло в скопившейся под капюшоном темноте – глаза, а может, два уголька, тлевшие во мраке этого странного места – «Зрю я, ты помнишь. Тело твое помнит, Хавра. И когти – ты их нашла».

- «Кама аливьйотабири!» - громко произнесли фигуры поменьше, стоявшие за спиной пони, заставив меня вздрогнуть.

- «Да, как и было предсказано» - кивнула фигура. Зашуршав лапами по каменному полу, грифон медленно обошел меня, стараясь держаться как можно дальше, и теперь с интересом сверкал своими очками из-за спин неизвестных, разглядывая всю эту странную компанию.

- «Кажется... Кажется, это и вправду ты» - я попыталась немного расслабиться, и вправила выскочившие клинки обратно в ножны поножа, подходя к неподвижной фигуре. Забавно, а я и не подозревала, что он был гораздо больше меня, и в несколько раз тяжелее. Тогда, наверное, я вела бы себя не столь вызывающе в той душной камере, наполненной запахом гнили и годами не мытого тела – «Сними капюшон. Я хочу убедиться, что ты это... Ты».

Мой длинный и бестолковый язык – он вечно меня подводил, ляпая там, где надо и не надо. Наверное, мне стоило бы культурно откланяться и поблагодарив за чудесную встречу, попросту смыться из этого места, однако... Я не успела до конца озвучить свою просьбу, как шагнувший вперед жеребец поднял копыто, и охотно сдернул с себя капюшон надетого на него темного балахона, являя мне и миру свое истинное обличие, не затронутое гнилью грифоньего подземелья.

И мир завертелся вокруг меня, словно волчок.

Вырвавшийся из моей груди крик заметался по коридорам подземелья. Блестевшая от инея каменная кладка сменяла собой присыпанный чем-то белым пол, когда я, не разбирая дороги, полетела в полумрак длинных и мрачных коридоров, изредка освещаемых мерцающим светом немногочисленных факелов. Тишина и покой пирамиды казались теперь осязаемой, вязкой материей, темной паутиной притаившейся в каждом углу, черной изморозью покрывавшей шершавые камни каких-то комнат и переходов, по которым металось мое гонимое ужасом тело. Глаза – водянистые, белесые бельма, казавшиеся такими же слепыми, как и тогда, в камере, теперь были живыми, подвижными, движениями своими ничем не выдавая слепоту их обладателя, возвышавшегося над подошедшей к нему глупой кобылой. Жеребец был и вправду высоким и жилистым, словно высушенный на солнце куст саксаула – и так же как высохший саксаул, он был безумно, чудовищно страшен, одним своим видом заставив меня броситься прочь, затерявшись в лабиринте коридоров.

Мой мимолетный знакомый оказался самой настоящей зеброй.

Пришла в себя я очень и очень нескоро. Рой образов и видений еще крутился в моей голове, словно пылевая буря, выбрасывая и всасывая обратно какие-то образы и слова, поверх которых, не мигая, на меня глядели зеленые, миндалевидные глаза. Глядели то строго, то насмешливо, то с явной угрозой, от которой хотелось завывать, и притвориться самой крошечной букашкой, прячась в ближайшую трещинку или норку. Упершись головой в гладкую стену, исчерченную глубокими, ровными канавками, я слепо глядела на желтый камень, казавшийся расплавленным золотом в свете одинокого факела, своим горьковатым, смолистым ароматом дававший мне понять, что я все еще тут, в подземелье, а не в какой-то крошечной крипте, окруженная темными фигурами, которые... Которые...

- «Нет! Это все не правда!» - прошептала я, лихорадочно ощупывая стену, пытаюсь выбраться из череды видений, тяжелыми тисками сдавивших мой мозг. Мои ноги и шея горели, стискиваемые золотистыми кольцами, одно за другим, надеваемых на мое корчащееся тело, непотребно распыленное на присыпанном каменной крошкой полу. Какие-то заунывные песнопения то и дело влияли в мой разум, заставляя корчиться, словно от ударов плетью, и лишь где-то вдали, тонкой, щемящей нотой, пел далекий рожок – его хриплый голосок был тем спасительным светом, к которому я потянулась, который становился все громче, заглушая проклятые голоса. Гортанные, глубокие, они сопровождали меня, пока я ползла по мрачным коридорам, срывая с себя остатки брони, тщетно уповаю на то, что они хоть на мгновение остановят следующие за мной фигуры. Облаченные в плащи, скрывавшие морды под куколями¹⁵, они неслышно скользили рядом, постепенно отставая, по мере того, как усиливалась та музыка, что вела, манила меня за собой – прочь от черных капюшонов, прочь от отчаяния, прочь от боли, что постепенно отпускала мои ноги и шею, сконцентрировавшись на правой нижней ноге. Рыча и извиваясь, я ползла и ползла - вперед, к звавшим меня звукам боевого рожка, обещавшего избавление, обещавшего искупление... Обещавшего прощения от всего, что было сделано раньше.

И быть может, именно он вывел меня из лабиринта, указав путь к черепичному пандусу, по которому я скатилась обратно, в уже знакомый мне зал.

- «Мвалиму! Йейе ни хапа!» - гортанные голоса разорвали тишину крипты, разрушив и растоптав едва слышную музыку, в поисках которой я прикинула к стене. Обернувшись, я застонала от ужаса, увидев напротив себя невыразимо ужасную для меня, полосатую морду, и попыталась откатиться подальше – как оказалось, напрасно. Холодные стальные конечности крепко впились в мои бедра, глубоко погружаясь в извивающееся тело, и только сильный пинок обеими задними ногами заставил их обладательницу отступить, прикрываясь укрытыми под сталью ногами от моих взбрыкиваний. Балахон зебры распахнулся, и моему взгляду открылась сложная система шестеренок и тяг, охватывающих ее грудную клетку, и скрепляющая между собой два изящных латных поножа, охватывающих ее передние ноги, прикрывавшие плечи и соединявшие их механизмы на холке. Лихорадочно мечущийся разум ухватился за что-то привычное, что-то знакомое, словно якорь, привязавшее мое сознание к осязаемому «здесь и сейчас», такому же реальному и овеявшему, как серебристые латы на ногах моей противницы, вновь бросившейся в атаку. Ловко перескочив через мою голову, она изо всех сил ударила меня в бок, и вновь обхватила закованными в латы ногами, выжимая из меня остатки дыхания. Негромко жужжали колесики, стронулись тяги, больно царапая шкуру у меня на спине, и не выдержав, я вновь испустила хриплый крик боли, почувствовав, как гнуться и трещат мои ребра, не в силах противостоять этим странным устройствам. Дернувшись, я вновь принялась брыкаться, пытаюсь сохранить остатки воздуха в грудной клетке, попавшей в стальные тиски, и наконец, после очередного удара, смогла освободиться, рухнув на пол вместе с пошатнувшейся зеброй, с шипением схватившейся

¹⁵ Куколь – остроконечный капюшон с прикрывающими плечи и грудь полосами ткани. Часть религиозных одеяний различных конфессий.

за пострадавшую заднюю ногу. Перевернувшись на спину, я уже приготовилась влупить изо всех оставшихся сил по удачно подвернувшейся полосатой роже, но не успела и двинуть копытом, как неведомая сила рванула меня прочь, отбрасывая от стены. Испутив хриплый вопль, я вновь схватилась за ногу – правое заднее копыто опалило настоящим огнем, вырвавшемся из-под раскалившихся золотистых колец. До того абсолютно безжизненные, они налились тревожным малиновым светом, и жгли мою ногу, постреливая фонтанчиками дыма, разносящего по залу тошнотворный запах горелой шерсти. Забыв о нападавшей на меня полосатой кобыле, я вновь заорала, ударами копыт пытаюсь погасить сдавливающие мою ногу, раскаленные обручи...

- «Кутошаа!» - громко выкрикнул голос, наполнив своими раскатами низкое помещение. Пока я, в слепом ужасе, металась по какому-то лабиринту, ударяясь о стены, воздвигнутые собственным разумом, потайная дверь вновь встала на место, отделив нас от великолепного зала. Вынырнувшая из узкого коридора фигура величаво шагнула в комнату, движением головы останавливая и без того уже прекратившуюся драку – «Хватит! Довольно этой возни!».

Словно повинуюсь приказу, кольца потухли, вновь превратившись в безжизненные украшения, причем, не поддающиеся моим лихорадочным попыткам снять их с ноги. Негромко шелестя, балахон придвинулся, и его обладатель какое-то время наблюдал за моими попытками избавиться от обвившей мою ногу змеи – теперь именно так я представляла себе эти «безобидные украшения».

- «Шакле мабайа» - наконец, проговорил он. Обернувшись, я перекатилась по холодному полу, вновь очутившись у золотистой стены. Увы, кроме поножа, на мне не было ни кусочка металла, способного защитить меня от нападения этих загадочных зебр, один лишь вид которых внушал мне непонятный, казавшийся сюрреалистичным ужас. Слабое его подобие я испытала когда-то в Камелу, но сейчас это был просто сконцентрированный кошмар, и лишь негромкая музыка, порывами ветра доносившаяся в это уединенное место, могла хотя бы немного успокоить мое бешено колотящееся сердце.

- «Н-не подходи, кто бы ты ни был!».

- «Шакле мабайа» - вновь повторил зебр. Сдвинув на лоб капюшон, он внимательно вглядывался в меня своими слепыми бельмами, словно и впрямь желал разглядеть в полумраке хоть что-то своими пораженными катарактой глазами – «Оковы зла. Так мы зовем их».

- «К-кто это «мы»? Ты, и...».

- «Ах, да. Где же мои манеры?» - двинувшись ко мне, полосатый жеребец остановился в пяти шагах от моей трясущейся тушки, и церемонно поклонился, согнув свою голову едва ли не до груди – «Имя мое Апшан Сепак. Запомни его, ибо это имя того, кто так долго искал тебя. Искал с тобой встречи, и шел наперекор самой судьбе, нашептанной звездами, и претворяемой в жизнь их приспешниками и лакеями».

- «Что тебе от мен-ня нужно?» - представляться тому, кто пугал меня до медвежьей болезни, казалось мне верхом глупости, но увы, у моего собеседника был несколько иной взгляд на казавшийся бесполезным разговор.

- «Чееего?!» - вздрогнув, я чиркнула себя по обожженному месту, и скривившись, едва не расплакалась от боли. Лопнувшие пузыри исторгли из себя мутную, окровавленную

сукровицу – похоже, ожоги были серьезнее, чем я думала, и было решительно непонятно, отчего я еще не ору, как резанная, оглашая своими воплями внутренности пирамиды - «Каких еще шагов?!».

- «Я шел путями, недоступными остальным, Гханима. Даже самые мудрые из Карнилала содрогались от ужаса, когда я запечатывал свое семя в чистейшем сосуде, не предавая его огню или желудкам сородичей. Я читал по дрожащим внутренностям живых о содроганиях звезд, готовых разродиться очередным своим Зверем. Я вливал в себя соки умерших и разложившихся, чтобы услышать шепот предков – они стеноют, кусая копыта, поработанные Лунным Чудовищем, вернувшимся в мир, и вновь терзающим страну снов. Вот уже много лет я свободен от его разлагающего влияния, и вместе с этой силой, ко мне пришла и ответственность – за этот мир, и за всех, кто его населяет».

«Охренеть! Религиозный фанатик! Берегись, Луна – за тобой, блядь, идут!».

- «Ну а при чем тут, собственно, я?».

- «Ты – та, что была обещана мне нашим миром!» - торжественно провозгласил слепой жеребец. Капюшон соскользнул с его головы, открывая испещренную извилистыми шрамами шею – застарелые, белесые, они располагались в каком-то хаотичном, но при этом, казавшемся продуманном порядке, и мне вдруг почудилось, что они вряд ли могли быть получены в бою – «Ты – та, кого вела судьба и твои покровители. Ты – Хавра, Призывающая Бурю. Своим левым копытом ты поднимаешь луну! Хвостом своим ты насылаешь ураганы...».

- «А что творится под хвостом – лучше и не вспоминать! Ты что, издеваешься, Воню...» - браслеты на моей ноге предостерегающе дрогнули, заставив подавиться привычным именем, под которым я узнала когда-то этого жеребца – «Сехап, или как там тебя... Слушай, ты ничего не перепутал? Что это вообще за пирамида? Что мы тут делаем? Чего от меня хочет этот пейсатый грифон, и чего от меня хотите вы? Я вообще ничего не понимаю!!!».

- «Прости меня, Гханима» - очередной поклон, синхронно повторенный зебрами, заставил меня скрипнуть зубами – «Я позволил себе увлечься, и обрушил на тебя множество слов, раскрывая те знания, что не может принять твой ограниченный разум. Ты отторгаешь их, но ты не невежа – ты просто невежда, а это легко исправить. Например, приобщив тебя к тайному знанию. Я слышу, ты пожелаала узнать, для чего построена эта пирамида? Что ж, нет ничего легче, и я буду счастлив ответить тебе, что она была создана именно для тебя».

Мне показалось, что если бы я обгадилась, то вряд ли бы кто-нибудь из тех, что побывал бы на моем месте, попробовал бы обвинить меня в трусости или малодушии.

- «К-как для меня?».

- «Очень просто» - обернувшись, зебр величаво указал на золотистую стену – «Оглянись! Вот та стена, что отделяет тебя от знаний, способных спасти этот мир! Дхахаву дарайа – се есть Мост Златой, по которому зло сходило в сей мир, и наша судьба – противостоять сему злу, разрушив сие укровище тьмы! Встанешь ли ты со мной, Гханима? Отдашь ли ты всю себя на защиту нашего мира от тлетворного влияния звезд? Возглавишь ли сонмы воинов, чьи души смотрят на нас – прямо здесь, прямо сейчас? Сия пирамида была построена мной, и моими ученицами. Каждый камень, каждая крошка

песка – все было уложено нашими копытами. Они постарались, храня ее в ожидании прибытия той, кто взойдет на ее вершину, и отверзнув крылья свои, изумится увиденному».

- «Ну, так можно описать любого...».

- «Правда? Что ж, было сказано *«Куфундиша на вэве ваталипеа»* - учите, и воздастся вам!» - похоже, мой скептицизм не слишком расстроил полосатого слепца. Оборотив голову к одной из сопровождавших его зебр, он указал ей в сторону золотистой стены – «Нгала, *мбеле!*».

Закивав головой, зебра шагнула вперед, и настороженно покосившись на меня зеленоватым своим глазом, положила покрытые сталью ноги в выемку, едва заметную среди орнамента, покрывавшего стену. Щелкнуло, и красиво очерченное, стальное копыто обзавелось четырьмя изогнутыми когтями, будто пальцы, выскочившими из гнезд по краю обуви в железо ноги.

«Охренеть! Что это?! Как?! Откуда?!».

- «Узри же то, что до сей поры не видывал никто из живущих!» - торжественно провозгласил Сепак. Повинуясь движению коготков, пощелкивавших по камню не хуже иных пальцев, стена вновь разъехалась в стороны, открывая нам проход в тот самый зал, что я увидела за спинами появившейся словно из неоткуда тройки зебр. На этот раз она и не подумала закрываться, и зачарованная открывшимся мне зрелищем, я шагнула вперед, входя в хорошо освещенное помещение.

Размеры его, при всей соразмерности помещения, были все-таки предназначены для кого-то другого, нежели любые из живущих ныне существ. Доказательством тому были высокие потолки, не поддерживаемые ничем, кроме ступенчатых сводов, и уходившие куда-то ввысь, откуда на нас низвергались потоки мягкого, золотистого света; а так же массивные кресла, выполненные из странного, немного шершавого камня – на каждом из них мог улечься не самый маленький жеребец. Ну и наконец, я бы не поверила, что кто-нибудь из нынешних обитателей этого мира додумался бы до идеи простого кодового замка, двенадцать цифровых клавиш которого висели над круглым, похожим на огромное яйцо, объектом, бросавшим веселые искорки света на все, что его окружало. Отражаясь от углублений и вмятин на боках неспешно поворачивающегося шара, золотистые огоньки не гасли, а еще какое-то время летали по комнате, с любопытством увиваясь вокруг наших фигур, и охотно присаживались на мое протянутое копыто.

- «Ой. Забавно» - робко хихикнула я, глядя на этих крошечных светлячков, облепивших мою ногу, словно носок – «А как вы...».

- «Я нашел это место давно. И построил над ним *пирамиды*, согласно завещанным мне знаниям предков» - охотно откликнулся зебр. Обойдя шар, он задумчиво притронулся к кнопкам, но его копыто беспрепятственно прошло через висевшие в воздухе шарики света – «И вот, явилась ты, Гханима. Хавтра, ты сделала свой выбор, когда родилась, когда появилась в этом мире. Так сделай свое дело – раскрой сей секрет!».

«Ага. Прямо вот счас! Разбежалась!» - сердито подумала я. Волосы отросшего за эти месяцы хвоста вновь зацепили за обожженную ногу, заставив меня скривиться от медленно нарастающей боли. Быть может, лишь из-за холода я еще держалась, стараясь не беспокоить пострадавшую конечность, но чем дальше, тем быстрее становилось

понятно, что вскоре мне потребуется квалифицированная медицинская помощь, и желательно, не в том же бараке, где «лечили» беднягу Нэтл.

- «Ты знаешь, что это?».

- «Ммммм... Похоже, на шар. В пирамиде» - тщательно подбирая слова, ответила я, стараясь не встречаться взглядом с зебром. Конечно, я опознала технологию *людей* – даже несмотря на определенные отличия, даже несмотря на то, что каждое из встреченных мной укрытий отличалось одно от другого, словно их создатели руководствовались не общим планом, а творили по-настоящему, не сталкиваясь с ограничениями индустриального производства. Но общие черты были и у Ядра, и у бункера под горами Новерии, и даже у этого места, создатель которого явно черпал вдохновение в культурном наследии ушедшего Древнего Египта. Украшенные фресками стены хранили на себе стилизованные изображения крокодилов и антилоп, соколов и буйволов, разливы рек и бесконечные пустыни, над которыми, словно вечные стражи, возвышались древние пирамиды.

И ни одного изображения создателя одного из семи чудес света.

- «Или нет – это наверняка должна быть сокровищница» - натолкнувшись на подозрительный взгляд зебра, я пояснила – «Читала о таких в книжке про Дэринг Ду. Кажется, она там искала какую-то сапфировую статуэтку».

Ага. Вслух, и детям.

- «Сокровищница знаний. Путь, ведущий из этого места» - несмотря на слепоту, глаза полосатого жеребца живо двигались на его морде, реагируя на самый тихий звук, раздававшийся в подземелье – «Мы отрезаны от мира, Хавра. Последний проход был завален год назад, и теперь нам остается либо разгадать эту загадку... Либо погибнуть от голода и холода.

- «Погоди-ка, у вас же есть грифон» - нахмурилась я. Тень не оформившегося пока подозрения царапнуло краешек моего сознания – «Взял бы, и перенес вас по одному, или позвал на помощь. Он, конечно, еще та пейсатая морда, хоть и без пейсов, но думаю, сострадание же ему не чуждо?».

- «Он глуп, несмотря на то, что считает себя мудрецом!» - небрежно отмахнулся Сепак – «Но даже ему не под силу убраться отсюда с помощью собственных крыльев. Используя колдовство железа и пара, он улетает, но забрать нас отсюда не в силах. Но даже если он приведет своих соотечественников – проклятье поглотит их, как поглотило уже многих, рискнувших сунуться сюда по воздуху или земле. Разве ты не видела кости, устилавшие лабиринт? Разве не слышала стенания загубленных жизнью?».

- «Ээээ... Ну...» - рассказывать о том, что вместо разглядывания местных достопримечательностей, я больше пыталась не сдохнуть от ужаса при виде полосатых морд, даже сейчас, при каждом взгляде, вызывавших у меня оторопь и горы мурашек, показалось мне явно излишним.

- «Мы заперты здесь, среди скал, громадных деревьев и ядовитых испарений. За год наши тела размякли в зловонном тепле, коим щедро одарены сии земные клоаки, отрывки самого Зла, и теперь мы не в силах перенести те морозы, что ждут нас на пути к горным кручам, вознесшимся к облакам. Одежда наша истлела, а проходы засыпаны оползнями, но что хуже всего...».

Какой-то звук родился в глубинах лежавшего над нами лабиринта. Вкрадчивый, хищный, он был подобен перестуку камней, потревоженных чьими-то лапами.

- «Но что хуже всего – это само Зло. Оно удерживает нас в своем плену, развращая наши души» - скорбно произнес жеребец, опуская голову – «Оно приходит каждую ночь, и мы отчаянно держим оборону... Но не сегодня. Но не сейчас».

- «Почему?» - быстро спросила я, оборачиваясь к глиняному желобу. Несколько черных песчинок скатилось по нему, в то время как за расположенным под самым потолком квадратным отверстием уже царила непроглядная темнота.

Странно. Кажется, раньше там был коридор, освещенный множеством факелов?

- «Потому что прибыла ты - и Зло пробудилось, ощутив своего векового врага» - развел копытами зебр. Его помощницы несмело двинулись вперед, остановившись на границе, пролежавшей по полу в виде следа от раздвинувшейся стены – «Нас было трое, но даже жертва Ксанити не дала результата – Золотой Мост остался закрытым, и мучения ее не принесли сладчайших плодов».

«ИИИИИИИИИИИИХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-А!».

- «Что это?!» - полувоплъ-полусмех раскатился по лабиринту, холодными когтями впиваясь в наши сердца. Стоявшие в центра зала зебры вздрогнули и попятились, испуганно топоча черными копытами.

- «Поздно. Слишком поздно» - опустив голову, зебр виновато взглянул на меня, отводя слепые глаза – «Прости меня, Хавра. Я так ждал твоего прихода, так надеялся на нашу встречу... Но даже исполнив предначертанное, ты оказалась тут закрытой вместе с нами. Зло пробудилось, и спасения нет. Пред неминуемой гибелью, сотнями алчных клыков готовой вонзиться в наши тела, испрашиваю я у тебя прощения, что ослепленный надеждой, задержал тебя. Быть может, чуть раньше ты бы успела спастись...».

Хриплый, клекочущий вопль раздался неподалеку, сменившись хрипением, вырывавшимся из разодранной глотки.

- «Нет, уже слишком поздно. Нам не спастись. Прощаешь ли ты меня?».

- «Слушай, Селах, или как там тебя...» - задрожав, я отступила в открывшийся зал, назад к золотистому шару. Его свет успокаивал хаотично мечущиеся мысли, но даже исходившая от него музыка была не в силах заглушить вкрадчивый шорох множества лап, несущихся по лабиринту – «Я тебя прощаю, хотя, в общем-то, стоило бы набить тебе морду за твои фокусы с этими моими украшениями... Но объясни, что это за hren?».

- «Зло!» - вновь развел копытами зебр, словно это должно было мне все объяснить. Стиснув зубы от накатившего на меня ужаса, я обернулась к золотистому шару – медленно вращавшийся в своем углублении, он казался очень тяжелым, но мое копыто неожиданно легко повернуло массивное украшение, испещренное извилистыми линиями орнамента.

- «Что-то происходит» - остановившись рядом с мной, зебр втянул в себя воздух. Подняв незрячие глаза, он принохивался, словно обоняние заменяло ему нехватку прочих чувств – «Что-то необычное, чего не было раньше!».

- «Кнопки. Они...» - крутанув шар, я принялась внимательно наблюдать за висевшим в воздухе цифровым табло. Вслед за движениями моего копыта, оно становилось то ярче, то притухало, растворяясь в лучах голубоватого света, рождавшегося где-то под потолком

– «Кажется, этот какой-то кодовый замок первого уровня, дающий доступ к более серьезной системе. Но поверхность шара просто огромная! Мы тут проведем не один день, чтобы найти правильное положение этой hueti!».

- «Я помогу тебе» - неожиданно улыбнулся полосатый жеребец, кладя копыта на камень – «Помоги мне. Будь моими глазами, Хавра, и мы отыщем путь!».

- «Надеюсь...» - пробормотала я, вздрагивая от каждого шороха. Наши копыта принялась вращать охотно крутившийся шар, и вскоре, к моему удивлению, нам удалось установить его в нужную позицию. Не было не щелчка, ни фиксации – просто неожиданно ярко вспыхнули кнопки цифрового табло, заставив меня удерживать дернувшиеся ноги сосредоточенно сопевшего рядом Вонючки.

- «Получилось!» - я радостно пихнула его плечом, вновь выжимая из него робкую улыбку, впрочем, быстро исчезнувшую с очередным, раздавшимся неподалеку воплем – казалось, что буквально за ближайшим углом. Песок струился по желобу уже непрерывно, черной струей скатываясь по трясущейся глине. Однако радость оказалось преждевременной – кнопки по-прежнему расступались перед моим копытом, вновь формируя правильные ряды, стоило мне только убрать свою ногу – «Ох, нет... Не работает! Тут какая-то защита!».

- «Я чувствую...» - вздернув голову, зебр сосредоточенно ощупывал камень – «Я чувствую... Вот оно. Погляди-ка сюда».

Сунувшись вперед, я наконец заметила то, что нащупали копыта слепца – две узкие, похожие на гнезда прорези, притаившиеся среди бессмысленных линий орнамента, скрываясь от постороннего взгляда в игре света и тени. Они казались почти незаметными, но поднеся к шару правую ногу, я обнаружила, что они идеально совпали с ножнами, упрятыми под стальные щитки.

Очередной хохочущий вопль раздался от самого входа. Отбросив колебания, я выщелкнула молочно-белые клинки, и ткнула или в гнездо, подспудно ожидая удара или рывка – в конце концов, все знают, что нельзя просто так, безнаказанно, тыкать железкой в розетку...

- «Что? Что?!» - выкрикнул Сепях, слепо крутя головой. Ему пришлось повысить голос, чтобы перекричать шелест песка и шорох приближающихся лап – «Что-то произошло?!».

- «Табло... Эта светящаяся штука, которую вы видели – она разделилась» - рявкнула я, в отчаянии глядя на расплывшийся кодовый замок. Разделившись на две панели, он заодно подмигивал мне ритмично вспыхивавшими кнопками – «Не могу дотянуться! Подержи-ка это!».

- «Ты доверишь мне свои Когти?!» - изумленно отшатнувшись, Сепях переборол себя, и приблизившись, осторожно прикоснулся к торчавшему в гнезде латному поножу, из которого я выскользнула, рванув ремешки на груди.

- «Ты вроде бы неплохой зебр, хоть и пугаешь меня до усрачки!» - рыкнула я, принимаясь нажимать обеими ногами на голограммы. Оказавшиеся вполне осязаемыми, они мягко пружинили под моими копытами – «Не знаю, смогу ли я это открыть. Но если удастся – хватай своих кобыл и бегите, ладно? Я задержу *это*, сколько смогу!».

Не отвечая, жеребец обернулся, и слепо вгляделся в мою пританцовывавшую возле кнопок фигуру. Казалось, он боролся с собой, но в тот момент мне было не до

беспомощных помощников. Зебры отступали, и старшая из всех сил ударила стальными ногами по широкой пластине замка, заставляя потайную стену встать обратно на место. Что ж, теперь мы очутились в настоящей ловушке, и мой выбор сузился до двух достаточно простых решений – открыть этот проклятый замок, или тихо загнуться тут, как и боялись стоявшие рядом зебры. Оглядевшись, я пробежала взглядом по изрисованным стенам, но ни на одной из них не нашла ни ответа, ни накарябанной где-нибудь подсказки, позволившей бы разгадать этот код.

«В конце концов, это логично» - животные мелькали перед глазами, но ни они, ни количество плодов на нарисованных деревьях, не являлись правильным кодом, с ходу отвергаемые ехидно подмигивавшим замком – *«Зачем было бы вешать замок, и тут же, рядышком, укладывать ключ? А судя по тому, что он двойной... Ох, нет, уж пусть лучше он будет рассчитан на то, что вводить цифры нужно было двумя конечностями сразу!»*.

- «Мвалиму!» - взвизгнула одна из зебр. Несмотря на то, что шум превратился в едва слышное шипение, сквозь тонкие щели между каменными плитами уже просачивались первые черные песчинки.

«Думай, Скраппс, думай!».

- «Да отпирайся, ты!» - взревела я, в отчаянии обрушивая копыта на световые табло. Двжимая подкатывающим к горлу страхом, я яростно ударила по кнопкам, подспудно ожидая, что копыта тотчас же срикошетиат мне в лоб – такая шуточка была бы вполне в духе наших милых потомков – но вместо этого, мои ноги легко погрузились в какую-то щель, дырку, или просто отверстие в пространстве, исчезнув по самые бабки. Взвизгнув от ужала, я рванулась назад, со страхом ожидая увидеть обрубленные по самые венчики культи, но нет – копыта появились обратно, оставляя быстро угасавший, серебристый разлом, через секунду, растворившийся в воздухе.

«Это же... Магия!» - потрясенно прошептала я, глядя в разгладившееся, и абсолютно пустое пространство над шаром – *«Люди, вы гении!»*.

- «Получилось?» - нетерпеливо окликнул меня зебр, вместе со своими помощницами, с надеждой глядевший на меня от торчавшего в шаре поножа.

- «Это же гениально! Код – он не нужен!» - обернувшись, я поглядела на замерших полосатых лошадок – «Понимаете, код не нужен вообще – отсюда такая игривость и все эти головоломки, больше похожие на аттракционы для детей и умалишенных! Нужно просто захотеть, как говорило однажды мне мое... Ладно, не важно. Погодите, я попробую раздвинуть для вас проход – кажется, эта штука способна растягиваться».

Расправив крылья, я вытянула их вперед, и долго примерялась, пытаюсь расположить кончики сведенных вместе маховых перьев точно там, где несколько секунд над, полыхал серебристый разлом. Наконец, решившись, я выдохнула, и с резким криком шагнула вперед, вонзая кончики крыльев в ставший вдруг неподатливым воздух, тотчас же разводя их в разные стороны, словно взмахнувший руками пловец. Что-то сухо затрещало, и шар, до того неподвижный, осветился, выбросив из себя сноп голубоватого света, пучком тонких лучей обрисовавшего границы открывшегося перед нами прохода. Голубоватая сетка, отразившись от стен, сформировала перед нами решетчатый тоннель, бесшумно

погрузившийся в дальнюю стену, в которой уже чернел короткий проход, ведущий в какое-то светлое помещение.

- «Бегите!» - рявкнула я. Истаяв в стене, лучи погасли, но проход вроде бы не собирался закрываться, когда по нему, осторожно ощупывая путь передними ногами, двинулся Сепак, черной тенью скользя к жемчужному свету – «Что стоите? Вперед!».

Я не знала, поняли ли меня зебры, занявшие место по обеим сторонам короткого коридорчика, но убедившись, что они и не подумали входить, сердито фыркнула, и растолкав тупых, полосатых лошадей, нервно крутивших неприлично лысыми хвостами, рванулась вперед, вслед за исчезнувшей фигурой Сепака.

Проход закончился быстро, и не успела я сделать и четырех прыжков, как вылетела в небольшое, казавшееся стерильным помещение, состоявшее из белоснежных поверхностей, рубленными линиями переходивших одна в другую. Множество странных пультов с торчавшими из белоснежных поверхностей кристаллами ютились у каждой стены, примерно на уровне моей макушки. Похоже, их операторы были гораздо выше обычного пони – и на фоне их великанских размеров совершенно терялись десятки костей, аккуратными кучками лежавшие возле каждого пульта.

Но больше всего внимание привлекало возвышение в центре комнаты. Лежавший на нем исполинских размеров ложемент, чем-то похожий на крестообразный саркофаг, выполненный по чьей-то богатырской фигуре, был абсолютно гладок, и лишен каких-либо проводов или подключений, однако я чувствовала, что именно он был самой важной частью этого места.

«Приветствую тебя, гость» - раздался над моей головой механически-спокойный мужской голос. Не оглушавший, не пугавший нас ревом сирен, он четко, без малейшего акцента, проговаривал слова на новоэквестрийском, заставив меня удивленно икнуть, едва не подавившись собственным языком.

«Ты прошел в это место. Так скажи же пароль, друг, и входи».

- «Чееего?!» - признаться, при этих словах мой мозг заклинило не хуже старого, побитого жизнью движка.

«Пароль неверен».

- «Не может быть! Вот ведь...» - не выдержав, я робко хихикнула, с наслаждением втянув в себя воздух. Что-то знакомое, давно забытое, коснулось моих ноздрей, запахом манной каши и велосипедных шин, ароматом старого деревенского дома и грохотом колес электрички напомнив о давно ушедшем детстве и юности – «Тогда... Меллоун!».

«Пароль принят. Вход выполнен успешно. Приветствую вас...».

- «Хорошо. Молодец» - отвлекшись, я ощутила рядом с собой появившегося словно из неоткуда Вонючку. Остановившись чуть позади, он положил мне копыто на холку, одобрительно похлопывая меня по спине – «Я знал, что ты справишься. Знал! И спасибо тебе... Звездный Зверь».

- «Что ты имеешь в ви...» - договорить я не успела. Копыто, до того расслабленно хлопавшее меня по загривку, вдруг резко скользнуло вперед, крепко хватая меня за шею, а вторая нога слепого жеребца неожиданно сильно обхватила мой подбородок.

- «Звездам нет места на земле!» - прошипел мне на ухо торжествующий голос. Моя голова резко дернулась вперед и налево...

Боли не было. Совсем.

Я упала там же, где и стояла – как подрубленное дерево, мешком оседая на каменный пол. Тело не ощущалось – казалось, что оно вдруг исчезло, вместе с тугим щелчком, испарившись из этого мира. Последний самостоятельный вздох прозвучал тихим стоном, невысказанной жалобой, и затих, сменившись едва слышным сопением, редким и нерегулярным.

- «Звездам нет места на земле!» - вновь, торжественно провозгласил Сепак. Не способная даже ответить, я с трудом ворочала языком, стараясь произнести хотя бы слово, но увы – все, что лежало ниже верхней губы, просто исчезло, испарилось, оставив болтаться в пространстве еле двигавшийся язык.

«Спинальная травма. Сломана шея. Думаю, ты знаешь, что это означает, правда?».

Знакомый голос вновь раздался у меня в голове. На этот раз он звучал гораздо громче, и теперь до боли напоминал мой собственный голосок.

«ЗА ЧТООООООО?!» - рванулся из меня безмолвный крик – *«За что... Вот так вот...».*

«Наверное, он просто не любит пони» - услужливо подсказала мне Я – *«А может, встал не с той ноги. Или передумал. Признаться, мне так интересно, зачем же ты впустила его в это место, но увы, рассказ придется ненадолго отложить».*

«ПОМОГИТЕ! Кто-нибудь!».

«Ой, да ладно! Тебя ведь все равно никто не слышит» - насмешливо фыркнул мой голос. Придвинувшись, музыка вновь усилилась, наигрывая в моих ушах, и мне вдруг показалось, что некая часть моего сознания подпевает в такт древнему ритму. Поклонившись моему лежащему телу, зебр отправился на прогулку по залу, с интересом оглядывая все – от обтянутых полуистлевшей материей и обрывками кожи костей, до разноцветных кристаллов, настороженно притухавших при его приближении – *«Вот стоило оставить тебя всего на пару часов - и тебе уже свернули шею, словно глупому курчонку. И ты еще считалась способной пони? О, как измельчал ваш род!».*

«Помоги... Мне...».

«Увы, увы. Я - всего лишь голос в твоей голове, не забыла?» - насмешливо сказала себе Я, отыгрываясь за все угрозы, за сотни таблеток, проглоченных когда-то в попытках избавиться от наваждения – *«И все происходящее мне кажется очень и очень забавным. Но и справедливым».*

- «Наконец! Наконец-то свершилось пророчество Серви!» - обойдя по кругу всю комнату, полосатый жеребец поднялся на дыбы, раскинув в стороны копыта, в очередной раз демонстрируя этот загадочный, отдающий религиозным душком, жест – «Истлевшие трупы тех, кто смеялся над святым словом, сейчас – ничем не отличаются от костей тех, кто был в этом месте задолго до меня! Звездный зверь побежден, и сокровищница тайн – Золотой Мост – открыта для праведных! Для того, кто не убоился, кто был хитер и храбр! Для того, то *победил!*».

Странно, покачиваясь в каком-то мистическом, религиозном экстазе, он совершенно не опасался того Зла, что пыталось проникнуть в оставшуюся позади дверь.

«Зла? Ох, наивная, несмышленная дуручка. Не тревожься. Все будет хорошо. Скоро все будет хорошо».

«Правда?».

«Обещаю. И мы останемся с тобой вдвоем – навсегда».

- «Хранитель! Ты, кто стоит на золотом мосту, отделяя живых от мертвых! Яви мне свои секреты!».

«Внимание! Антропометрические данные пользователя не соответствуют данным, введенным при инициации сессии» - вежливо оповестил голос ВИ¹⁶ закрутившего по сторонам головой полосатого жеребца – «Необходим повторный вход. Ты прошел в это место, пользователь – так скажи же пароль, друг, и входи».

- «Нет! Слишком рано! Слишком-слишком рано...» - опустившись на все четыре ноги, зебр начал бегать по кругу, шелестя развевающимся балахоном – «Что-то не так. Хранитель не чувствует Зверя – но она тут, я слышу ее дыхание... О, а что значит «пользователь»? Отвечай!».

«Пользователь – существо, использующее данную систему. Внимание! Антропометрические данные...».

- «Ага! Пользователь! Это же шифр!» - если бы я могла, то захохотала бы в голос над этим дикарем. Глазурь образованности сползала с него, обнажая скрываемую до поры гримасу туземного аборигена – «Тот, кто пользует! Это же ритуал! О, радость победы, взволновавшая мои ба, ка и су, совершенно затмила мой разум, как когда-то затмились глаза! Нгала!».

Услышав выкрик полосатого жеребца, в комнату ворвалась молодая зебра, истово вглядываясь в слепую морду. Обернувшись, Сепак распахнул балахон, и развернув к себе задом помощницу, навалился ей на спину, резким рывком проникая в содрогнувшееся под ним тело.

- «Видишь, Хранитель! Я – пользователь! Я могу осчастливить сто девственных верблюдиц и зебр!» - гордо провозгласил полосатый, ритмично долбя своим тазом пытавшуюся вырваться из его копыт помощницу. Не в силах отвести глаза от болезненно сокращавшегося, полосатого живота, принимавшего в себя фанатично горланящего что-то зебра, я ощутила, что окружающая меня реальность начала уплывать, медленно раздвигаясь перед моими глазами.

«И этим существам ты открыла дорогу?».

«Внимание! Антропометрические данные пользователя не соответствуют данным, введенным при инициации сессии. Необходим повторный вход. Ты прошел в это место, пользователь – так скажи же пароль, друг, и входи».

- «Нет? Ты не удовлетворен, Хранитель?» - Наконец, отбросив вскрикнувшую в последний раз зебру, громко и звучно произнес Сепак, поднимаясь на задние ноги, и прижимая передние копыта к груди – «Погоди-ка... Она же что-то пробормотала, когда зашла в это место. Зверь хитра... Что же она сказала? Меллока? Меллорин? Ме... Меллоун!».

«Пароль принят».

¹⁶ ВИ – виртуальный интеллект. Программа, максимально близко копирующая человека, однако, не обладающая признаками настоящего разума, в отличие от ИИ – искусственного интеллекта.

- «Вот! Воооот!».

«Внимание! Антропометрические данные...».

- «Пхуду!» - в отчаянии выругался зебр, обрушивая копыта на лежащий перед ним череп – «Чего ты хочешь, страж? Ты жаждешь жертвы? Так бери же ее! Нгала, Сиита – ко мне!».

Из темневшего зева прохода, на фоне ярко освещенной комнаты казавшегося совершенно черным, несмело выглянула вторая помощница жреца. Она была явно испугана, и не спешила подойти к своему учителю, со странной смесью ужаса и недоверия оглядывая украшенные золотом, белоснежные стены. Первая же, лишь парой мгновений назад закончившая получать свой первый, хотя и не слишком традиционный урок «компьютерной грамотности», так и капавшей у нее из-под голого хвоста, улепетывала что есть мочи, едва не сбив с ног свою ошарашенную товарку.

- «Предательницы! Так-то вы выполняете мою волю?» - прошипел зебр, быстро подходя к дрожащей кобыле – «Быстро! Подойди к этой купели, и предложи себя Хранителю!».

- «Мвалиму! Мими мина хофу...» - прошептала полосатая кобыла. Постояв и немного утвердившись духом, она скинула плащ, и медленно подошла к ложементу, остановившись возле странного углубления, размером наводящим на самые недобрые мысли. Поднявшись на задние ноги, она прижала облаченные в сталь передние ноги к груди, похоже, и не подозревая, что сзади к ней приближается укутанная в балахон фигура, держа в зубах острый обсидиановый нож.

«Беги, дура. Он убьет вас всех!».

Увы, зебра не шелохнулась. Прошептав что-то, она глубоко вздохнула, и в тот же момент, охнув, согнулась, когда черное лезвие с глухим стуком пробило ей спину, войдя между двигавшимися механизмами. Поднявшись к ложу, Сепак придержал свою ученицу – хватая ртом воздух, та силилась закричать, но зебр вновь чиркнул ритуальным ножом, и еще долго держал содрогавшееся полосатое тело, заботливо запрокидывая голову умирающей жертвы, дабы не пролить ни одной капли мимо. Стекавшие по стенкам алые струйки мгновенно впитывались в белый материал, едва заметно мутнеющий там, где на него попали карминовые брызги горячей крови. Наконец, уgomонившийся жрец отшвырнул свою жертву – упав, зебра скатилась со ступеней, упав неподалеку от меня. Бессильно раскинувшиеся ноги, укрытые серебристым металлом, бессильно дернулись, и затихли.

- «Предательницы!» - вновь прошипел зебр, свирепо глядя на темный провал входа своими незрячими глазами. Вторая ученица исчезла, и мне оставалось лишь надеяться, что она сможет выбраться из этого места до того, как ее найдет этот сумасшедший фанатик, или сожрет та чернота, что наступала на нас из недр проклятого лабиринта – «Но это еще не конец! Разум возобладает над отравленным шепотом звезд! Нужно только подумать. Нужно... Ну конечно же! Конечно!».

«Ну, вот и все. Не пугайся - все шло именно к этому» - заметил уже знакомый мне голосок. Казалось, что призрачное копыто мягко гладило меня по волосам, проходя по спутанным прядям гривы – «Ты долго бегала от пророчеств, но однажды мудрое существо сказало «Когда Бог желает, чтобы тварь его встретила свою смерть в некоем месте, то так направляет он желания сей твари, что они ведут ее в назначенное место».

«Иоанн... Златоуст. Послание... Римлянам».

«Верно» - обсидиановый нож вновь появился в поле моего зрения. Удара я не почувствовала – только содрогание онемевшего тела. Моя голова бессильно болталась, перекатываясь вслед за умирающей плотью. Сияющий ложемент приближался покачиваясь в такт шагам волокущего меня зебра - «*Не бойся. Я буду с тобой*».

[I've been here for a million years.](#)¹⁷

**Through the joy,
Through the tears.
But when I am gone this will go on,
The circle starts again.**

Музыка, звучавшая до того подобно фону, усилилась. Я слышала красивую мелодию, созвучия которой заставляли мое сердце забиться чаще, наперекор всему – полученной травме, накатившей апатии, кислородному голоданию и медленно приближавшейся смерти. Я попыталась было... Но нет, тело больше не слушалось. Оно больше не будет слушаться меня - никогда.

**I've watched the mountains rise from dust,
Saw the gold return to rust.
I had cried when the oceans died,
And the circle start again.**

Слепец напрягся, и мощным рывком забросил меня в блестящий металлом интерфейс подключения, суетливо ощупав каждый кусочек умиравшего тела. Отошел, и поднявшись на задние ноги, раскинул передние, словно танцор.

«Обнаружено новое подключение. Инициализирую сессию».

- «Вот! Воооот!» - удовлетворенно закивал Сепак, опускаясь на все четыре ноги – «Кровь Звездного Зверя! Вот оно, чудодейственное средство, умиряющее самых дивных существ!».

**I was here when the world began to turn,
Kissed the sun as it started to burn.
The whispering at the reckoning said
"The circle starts again".**

«Внимание. Инициализация сессии прошла успешно. Добро пожаловать, Соловей».

¹⁷ [Blackmore's Night - The Circle.](#)

- «Соловей? Хмммм...» - заинтересовался укутанный в балахон зебр – «Ну, пусть будет так. Теперь, яви мне свои тайны. Кровью Звездного Зверя, побежденного мной - повелеваю тебе, Хранитель!».

**The moon was rising from above,
I caught her eye and thought it was love.
But she turned her back, the sky went black,
And the circle starts again!**

«Внимание! Обнаружена угроза жизни пользователя. Желаете инициировать защиту?».

- «Шеее... ла... йу...» - прошептали немеющие губы. «Желаю!», прокричал гаснущий разум, мечась в умирающем теле. До крика, до ужаса, в этот момент я не хотела умирать! Только не так! Только не тут! Только не сейчас, когда так много оказалось завязано на меня. Прозрев, я окинула взглядом эти бесчисленные нити, на мгновение узрев бесчисленные узелки, связывавшие меня с множеством пони, - и вновь закричала, заходясь в беззвучном крике – «ХОООООЧУУУУ!!!».

**I danced through castles made of stone,
Walked the desert sands alone.
In the midnight hour you feel the power,
And the circle starts again.**

- «Угроза?» - зебр огляделся, скользнув взглядом по пультам и лежащими рядом с ними костям – «Ах, наверняка это стражи были разбужены вкусом свежей крови. Да, сила Звездного Зверя велика! Долгая смерть, как и положено сильному чудовищу, делает тебе честь, и я благодарю тебя, Зверь. Но тем знаменательнее моя победа».

«Ответ отсутствует» - вежливо оповестил нас голос ВИ. Наклонившись, ложе приподнялось, и моя мотнувшаяся голова уставилась на ослепительный свет, в который превратился сияющий серебром потолок. Окружавшие меня стенки ложеamenta сдвинулись, охватывая мою бессильно распластанную фигуру, и приподнявшись, заключили меня в саркофаг из белоснежного металла, испещренного извилистыми янтарными линиями – «В связи с угрозой жизни и здоровью пользователя, принято решение об оказании помощи в автоматическом режиме. Событие занесено в память для информирования Смотрителя. Удачного вам дня, Соловей».

- «Что? Нет! Остановись, я приказываю тебе!» - гроыхнул, поднимаясь на задние ноги, Сепях. Метнувшаяся вперед нога блеснула обсидианом зажатого под копытом обсидианового ножа, опускавшегося между медленно сходящимися створками, и в последний раз ударила ускользавшее от фанатика тело, вызвав к жизни новый веер из алых брызг. Сияние, проникавшее сквозь толстую крышку уютного гроба затопило мой взор, а в ушах уже гремела победная песнь, заставляя уходившую душу метаться в сладком восторге, подпевая гремящим словам.

**Now the question falls to you, my friend:
No beginning has no end.
Will we ever learn? Will the world still turn?
Will the circle start again?!**

«Ты было право, мое сумасшествие. Это и вправду совсем не страшно».

- *«Скажи, ты и вправду так хочешь жить?».*

- *«Да».*

- *«А зачем?».*

- *«Семья. Дети. Доверившиеся мне пони. Весь этот мир».*

- *«Они могут прожить и без тебя. Они проживут без тебя».*

Темнота. Даже не темнота – полумрак. Я медленно плыла по абсолютно черному морю. Лишь фонарь болезненно-желтой луны нависал над черной чашей небосклона, отчего окружавший меня мир казался безграничным, но в то же время имеющим темные стены.

- *«Ты не сможешь быть с ними вечно. И пытаешься их удержать, ты будешь терять их, одного за другим».*

Тело не слушалось. Последними отказали глаза, теперь неподвижно глядевшие в темные небеса. Голова едва заметно покачивалась на черных волнах, в такт едва заметным волнам.

И где-то внизу ощущалась громада *бездны*.

«Это она?».

«Да, но не бойся. Вечность не может повредить тому, кто от нее не бежит» - голос был вкрадчив, и лишен признаков пола – *«Если хочешь, ты можешь остаться. Уснуть под присмотром внимательных глаз. Я обещаю, уйдут все тревоги и горести, печали и страх».*

«А что же останется?».

«Только покой. Соглашайся».

«Я не могу. Извини».

«Тогда и я не смогу помочь тебе, Соловей».

«Это шантаж?» - усмехнуться уже не получилось. Лишь подсыхающие в неподвижном воздухе глаза – вот и все, что осталось мне от моего тела, но и они не несли в себе боли. Только легкий дискомфорт. Зачем этому ВИ уговаривать меня согласиться – и на что? Что значит «остаться»? Криосон? Какой-нибудь перенос сознания? Переделка в киборга? Зная технологии ушедших от нас *людей*, я не удивилась бы и подобному исходу. Но для чего?

«Ты необычна. Непонятна. Интересна» - не стал скрывать голос. Что такое обнаженность тела по сравнению с обнажением мыслей? Здесь не было необходимости

лгать или скрываться, ведь все мое нутро, наверное, кроме души, было выложено на всеобщее обозрение. Голос не торопился – что для машины века?

«Интересна? Так я нарвалась на ИИ?».

«И сказанное тобой лишь разжигает мой интерес».

Очередная волна была чуть больше остальных. Она приподняла мое тело, нарушив то ощущение покоя, что понемногу укутывало меня своими теплыми объятьями. А что, если и впрямь... Теперь я понимала, как чувствовал себя Древний. Но увы, в отличие от него, я не держала на груди спящую пегаску, ради которой хотелось бы жить.

Что-то жесткое ткнулось мне в спину.

«Прости, но я не могу. Знать, что где-то растут мои дети, оплакивая пропавшую мать, будет невыносимо. Я нужна им».

«Это неверно. За все время твоего пребывания в этой местности, ты не предприняла ни одной попытки установить с ними контакт».

«Потому что я хреновая мать! Но я хочу, я могу стать лучше!».

«В твоих рассуждениях нет логики. Ты собиралась продолжить свое существование, наполненное самодеструкцией, но при этом мысли о сопутствующей ему опасности и семье не вызывали у тебя такого неприятия возможности ранней биологической смерти».

«Потому что если я погибну, то не смогу больше мучаться от осознания того, что мои дети страдают без меня, неужели непонятно? Наверное, я уже мертва, а это – все одно огромное чистилище. В нем нет ни серы, ни пламени, ни каких-нибудь рогатых чертей при дымящихся котлах...».

«Да, с этим ты бы справилась. Не сразу. Но мои расчеты показывают, что ты бы нашла, чем заняться в нарисованном твоим воображением месте».

«Да. Прости. Но тут и вправду чистилище. По всей твоей сути, которую так и не поняли верующие. Только в таком месте можно остаться наедине с самим собой – и держать ответ за грехи».

«Интересная концепция. Мы могли бы поговорить о ней, как и о многом другом. Оставайся».

«Послушай, зачем ты уговариваешь меня? Мне сломали шею, так?».

«Да, это так».

«Тогда зачем уговоры? Я уже мертва, понимаешь?!».

«Понимаю» - голос был абсолютно спокоен. Такой всепонимающий. Такой беспристрастный.

«Прости».

«Еще одно интересное понятие. Ты могла бы разъяснить, что понимают под ним существа твоего вида».

«Понимаю».

И вновь плеск волн. Моя голова почти неслышно стукалась обо что-то твердое, но повернуть ее и увидеть, что же мешало мне и дальше плыть, повинувшись воли волн, возможности не было. Как не было и возможности моргнуть. Идеальный кабинет для

допросов, в котором подозреваемый, следователь и адвокат присутствуют одновременно, в одном и том же лице.

Машина молчала. Машины умеют ждать.

«Я не хочу оставаться тут, понимаешь?» - беззвучно спросила я луну.

«Лучше убей. Или просто прекрати поддержку жизненных функций - и все закончится само собой. Скоро откажет дыхательный центр, и сердце остановится. Все закончится не слишком быстро, но... Я потерплю. Не только ты умеешь ждать. Но знай – если я выберусь отсюда, то не оставлю произошедшее без внимания».

Луна не ответила. Светила, как и звезды, редко отвечают глупцам. Впрочем, как говорят, столь же редко они отвечают и мудрецам, и почему-то, именно эта мысль наполнила меня странной умиротворенностью, примиряя с тем, что произошло.

«И что же ты сделаешь?».

«Я разыщу того зебра. Найду эту тварь. А потом... Потом я разыщу тебя, где бы ты ни был, понятно?».

«Для чего же?».

Плавающее в воде тело приподнялось, запрокидывая беспомощно мотающуюся голову. Что-то постукивало и двигалось подо мной, словно поток мелких камней, весело бегущих с горы. На мгновение, мои глаза и нос очутились под темной водой, являя моему взгляду безграничную черноту, скудно освещенную болезненным, желтовато-белым светом, просачивающимся сквозь поверхность неподвижного моря – мне показалось, что я даже смогла разглядеть что-то непередаваемо огромное, лежавшее за пределами света и разума. Но дернувшееся тело вновь взмыло над поверхностью темной воды, и с глухим шлепком упало в кучу водорослей, принявших его в свои

«Играйся. Пугай. Но знай, что когда я найду тебя – я лично вырву твои провода! Один за другим!».

«Ты не изменишь своего решения?».

«Клянусь!».

«Значит, я помогу тебе, Соловей. Но взамен...».

«Все, что угодно!» - казалось, в тот момент, мной двигала и говорила сама надежда – *«Но с оговорками, так и знай!».*

«Это учитывалось при экстраполировании заданной ситуации» - пронзительно и противно взвыл ветер, зашуршав мокрыми прядями. Тело вновь подпрыгнуло и дернувшись, упало в темную воду, запутавшись в гибких зеленых листьях, медленно потянувших его на дно – *«Я помогу тебе. Но так, как я посчитаю необходимым. Я помогу тебе – а ты поможешь мне, а также выполнишь то, на что я, увы, не способен».*

«Что ты имеешь в виду?» - останавливающееся сердце дрогнуло, и вновь начало свой разгон, барабаном стуча в груди, выламывая удерживающие его ребра – *«Что я должна буду сделать?».*

«Ты дашь покой той, что жаждала бури» - волны вздымались все выше, подбрасывая на своих горбах ненадежный островок из зеленых растений.

«Чееего?!».

«Ты примешь в себя ее грехи» - что-то зашевелилось подо мной и вокруг меня, не показываясь на глаза. Что-то опасное. Что-то хищное.

«Эй! Ты чего там задумал, железяка?!».

«Ты понесешь в себе семя бури – и лишь посадив его, лишь взрастив, сможешь встретить меня вновь».

«Я передумала!».

Черное небо лопнуло, проливаясь чернильным дождем. Океан качал кучу водорослей, все крепче обвивавших беспомощное тело. Молнии расчерчивали небосвод, затмевая собой луну, проглядывавшую в разрывах клубящихся туч.

«Не бойся. Я слежу за тобой» - торжественно провозгласил мой собственный голос. Шипевшие теперь без остановки, молнии сложились в огромный образ, нависший над темным миром, и пристально вглядывающийся в океан. Выжгли его на сетчатке дернувшихся, и медленно моргнувших глаз – *«Поэтому выбора у тебя нет, понимаешь? Мы всегда будем вместе!».*

«Нет... Нет-нет-нет-нет! Я не сумасшедшая!».

«Конечно же нет, милочка!» - смех в этом голосе можно было с полным правом назвать маниакальным. Водоросли вновь зашевелились, но теперь движение не прекращалось – и что бы под ними ни скрывалось, оно явно направлялось ко мне.

«Проснись. Ты в порядке?» - на миг прекратившись, шевеление взорвалось ошметками листьев, разлетевшихся во все стороны, подобно осколкам снаряда. Медленно, но затем все быстрее и быстрее, стальные манипуляторы поднимались из толщи воды. Ржавые, покрытые ноздреватым налетом и отложениями, они походили на призраки погибших кораблей, с неумолимым напором воздвигая вокруг меня забор из своих проржавевших, искореженных тел – *«Проснись. Почему ты дрожишь?».*

Сплетаясь, молнии оплетали мир. Ветер взвыл, но еще громче был мой крик, когда скрежетнув проржавевшим железом, скрюченные конструкции вздрогнули – и наклонившись, рванулись к моему распыленному в водорослях телу.

Солнце быстро опускалось за вершушки вековых сосен, черневших вокруг каменистого холма, на котором стоял Олд Стэмп. Темнело в этих краях довольно быстро, поэтому сновавшие тут и там земнопони лихорадочно доделывали дневные дела, чтобы с наступлением темноты запереться в убогих своих хатках или землянках, сообщаясь с набегавшимися, как и они, родственниками, готовясь вкушать заслуженный отдых. Самые неугомонные все еще сновали по поселению, делясь новостями или глаза на смену патрулей, поблескивавших металлом в зимнем воздухе вокруг бурга, а то и забегая в общинный дом, который местные называли «дворцом», для того, чтобы послушать ютившихся там пегасов. Разложив спальные мешки на каждом балконе, на каждом кусочке деревянной галереи, опоясывающей второй этаж этого высокого строения, они занимались своими делами, нисколько не смущаясь тарачившихся на них аборигенов – за прошедшее с нашего прибытия время крылатые легионеры привыкли к такому вниманию,

наверное, мало чем отличавшемся от открытости, присущей пегасьим общежитиям или коммунам. Но кое-кто был озабочен и иными проблемами – угнездившись на коньке одной из землянок, я задумчиво глядела на парочку лохматых подростков, словно бы ненароком, один за другим, шмыгнувших за ближайший амбар. На их беду, они выбрали хорошо просматривавшееся с моего места укрытие, и я с каким-то отстраненным интересом глядела на сплетающиеся на фоне большого сугроба тела, лихорадочно задиравшие трепетающие хвосты. Однако ж... А разве можно было и так? Ну, тут они нас обскакали, дикари несчастные... Нужно будет Графиту показать – пусть знает, что жена у него не безногая, и тоже кое-что может!

- «Могу я тебя кое о чем спросить?».

- «Tvaui j mat!» - отшатнувшись, взвизгнула я. Раздавшийся над моим ухом вкрадчивый голос серого жеребца заставил меня вздрогнуть, и заполошно взмахнув копытами, сверзиться со своего насеста, съехав в холодный сугроб. Показавшаяся над краем крыши голова земнопони иронично обозрела мою отплевывающуюся от снега тушку – «Равикс, козел! Н-не смей меня больше так пугать!».

- «И в мыслях не было» - ехидно заверил меня белогривый, всматриваясь туда, откуда я, совсем недавно, смущенно отводила глаза – «Ну ты погляди! Уже третий подход, наверное? И не прячутся почти... Эти двое совсем сошли с ума со своей юношеской влюбленностью, несмотря на то, что их семьи враждуют уже не первый век. Жаль, что все может закончиться не слишком приятно».

- «Ох, да ладно! Мне казалось, что эта сказка была написана давным-давно, и уже самые тупые извлекли из нее полезный урок!».

- «Не всегда» - покачал головой жеребец, уминаясь на покинутом мной месте, и с видом мецената, жертвующего остатки своего состояния для детей-инвалидов, протягивая мне переднюю ногу – «Это новое поветрие, новая идея, распространяемая одним хулиганистым скальдом, набрала слишком много сторонников, утверждающих, что знание прошлого ничем не поможет своим детям в будущем. Отсюда и результат».

- «Понятно. «Без знания прошлого нет будущего» - думаю, эта мысль актуальна и сейчас» - вскарабкиваясь по приставной лесенке-доске, буркнула я, пинками сгоняя серую задницу со своей половины укрытого соломой плаща – «Ничто не ново под луной. Потомки действуют так же, как предки, разделяя их неудачи, и повторяя все их ошибки, в то время как молодежь переносит эту фразу с опосредованного на чувственный опыт, и радостно гогочет всякий раз, увидев что-то новое, паровоз или самострел. Вот, мол, как мы были правы! Предки не встречались с новыми вызовами, и не могут нам ничего подсказать!».

- «Мир меняется, а пони в нем остаются все те же» - согласно кивнул белогривый, внимательно разглядывая мою щеку – «Но думаю, ты поняла, о чем речь, даже несмотря на целый поток умных слов, высокопарно описывающих простые понятия».

- «Вот ты козлина... Ладно, что ты хотел узнать?».

- «Я хотел узнать, за что ты собираешься платить такие большие деньги, Раг» - без обиняков высказался Равикс, вальяжно разваливаясь на покато коньке, словно и не замечая своей неудобной позы – «Пять сотен грифоньих талантов за голову каждой из этих двух зебр, и тысячу – за живых? Признаться, ты можешь гордиться – теперь ты

прочно вошла в местный эпос как самая сумасшедшая кобыла по эту сторону великой реки».

- «Спасибо. Польщена».

- «И все? Даже не расскажешь, чем вызвана такая награда? Они что, наступили тебе на хвост? Обозвали «пятнистой»? Плюнули в пиво?».

- «Ты сейчас интересуешься как праздношатающийся бездельник, Равикс?» - сварливо поинтересовалась я. Дергавшаяся, словно два эпилептика, парочка разлепилась, и с веселым смехом рухнула в сугроб. О, как хорошо я представляла это ощущение сладости запретного плода, упавшего, наконец, перед твоими копытами! И как хорошо понимала, что через какое-то время, на смену ей придет ощущение давно приевшейся привычки – «Или хочешь сам вступить в гонку с теми, кто позарится на эти серебряные прутки?».

- «Я работаю в одиночку» - фыркнул тот, продолжая буравить взглядом мою переносицу. Дыхание земнопони смешивалось с моим, и мне казалось, что зимний воздух бурлит и играет, донося до моего рта каждое движение его губ – «Лишь однажды я ходил с солдатами, рыцарем и деревенской толпой на дракона, и признаться, не хочу вновь повторять ту же ошибку».

- «Что, не смогли разделить добычу?».

- «И это тоже. Хотя перед этим тварюга прибила перьевого идиота, бросившегося на нее в своем доспехе, и с халбердом, после чего разобралась с гвардией какого-то придурка из соседнего грифоньего городка. Хитрые были бестии, и использовали мудреную технику, до которой эти грифоны большие охотники. Ну, а остальных разогнал уже я сам. Но неважно. Так что же до ответа на мой вопрос?».

- «А это неважно, Равикс» - хмыкнула я, царапнув того хитрым глазом, что, впрочем, не произвело на него никакого впечатления. Солнце почти зашло, и мы с интересом проводили промелькнувшую в сгущающейся темноте парочку, обдавшую нас запахом юных, разгоряченных тел – «Как не важно и то, что именно сделали они мне. Но не имея возможности охотиться за ними самостоятельно, я послала на их поиски гораздо более искусных охотников – пять сотен полновесных грифоньих талантов. Посмотрим, как теперь они спрячутся в этих местах!».

- «Не хочешь рассказать, что же именно у вас там случилось?».

- «Будешь много знать – скоро состаришься».

Нет, я не хотела, и не собиралась рассказывать, как выбралась из той пирамиды. Не ему, и вряд ли кому-то вообще, кроме нескольких пони, одной из которых будешь ты, Твайлайт. Я выбралась из нее под шелест пара, взметнувшегося к потолку белой комнаты Золотого Моста, когда открылась крышка того странного интерфейса подключения к древним машинам, больше похожего на саркофаг. Вывалившись из него, я пришла в себя лишь через какое-то время, обнаружив себя в углу, под одним из пультов - прикрывшись крылом, я долго кричала при виде нескольких черепов, глядевших на меня своими пустыми глазницами. Сваленные в одном месте, они были сильно повреждены тяжелыми ударами, раздробившими кости челюстей, и рассыпавших вокруг зерна вылетевших из кости зубов, словно кто-то намеренно раскрошил эти останки в поисках чего-то ценного, спрятанного в головах усопших.

- «Все закончилось. Это был сон. Просто сон» - раз за разом, я шептала себе эти слова, вслушиваясь в затихавшее шипение рассеивавшегося в воздухе пара. Сжавшись под расправленными крыльями, я старалась даже не моргать, ведь стоило мне только закрыть глаза, и передо мной вновь возникали проржавевшие, изогнутые манипуляторы – трясущиеся от злобной радости, они жадно бросались вперед и вниз, с глухим стуком вонзаясь в живую плоть, и скрежеща, поднимались обратно, усеянные клочьями мяса, с белевшими среди них обломками костей. Наверное, все это было лишь плодом моего больного воображения, но мне кажется, я еще не раз буду просыпаться в холодном поту, видя над собой обеспокоенную морду мужа, разбуженного моими всхлипываниями и криком.

Но ко всему, наверное, можно привыкнуть. Пар, сочившийся из невидимых глазу пор на поверхности белого материала, из которого состоял саркофаг, рассеялся, и на комнату опустилась какая-то странная, тревожная тишина – казалось, древние машины вновь возвратились к напряженному ожиданию, готовые откликнуться по первому зову зашедшего сюда человека. И тем страннее было то, что они откликались на мой зов.

«Погоди. А эти черепа?» - остановила я себя, оглядывая из-под опущенного крыла белое помещение, и раз за разом натываясь взглядом на компактные кучки костей. Некоторые были рассыпаны, некоторые – до сих пор прикрыты лысыми, истлевшими шкурками черного цвета, но что странно – ни один из скелетов не имел даже намека на рог – *«Они лежат так странно... Возле каждого пульта. Неужели кто-то проник сюда, и смог обнаружить, как действуют эти странные вычислительные комплексы?»*.

«Хмпф!» - вскрикнув, я отшатнулась, ударившись плечом о скругленный угол одного из пультов, услышав ироничное хмыканье, раздавшееся у меня между ушей – *«Судя по косточкам – очень даже и обнаружили. Вот только выбраться обратно не смогли. Или не захотели»*.

- «Это... Это ты?».

«Можно подумать, ты ожидала Лику Распутницу из Звездного Шпиля!».

«Фуууух... Это ты, мое больное воображение! Значит, меня не убили? И это не мой клон?» - осторожно выдохнув, я позволила себе немного расслабиться, и опуститься попой на что-то мягкое, ткнувшееся мне под задние ноги, но тотчас же вскочила, когда кольца на моей правой задней ноге звякнули, ударившись о бессильно откинувшуюся, стальную конечность.

«Судя по истеричной реакции на все произошедшее – нет, и увы, это все же ты».

«Издеваешься... Значит, я и впрямь сошла с ума» - обернувшись, я с содроганием рассматривала лежащую у моих ног зебру. Различия в анатомии были не слишком существенными, хотя в тот момент, меня больше заинтересовали надетое на ней загадочное устройство, нежели широкая рана на шее, из просвета которой виднелись кольца перерезанной трахеи, или черные и белые полосы, пикантно подчеркивавшие бесстыдно белевший живот. Залитые подсыхающей кровью шестеренки и тяги негромко чавкали, когда я снимала его с уже холодного трупа – удар пришелся между позвонков, с хирургической точностью перерезав спинной мозг и сухожилия позвоночника, однако под сталью обнаружились обычные зебринские ноги – излишне потертые, правда, и с многочисленными мозолями, набитыми неудобным железом. Однако все говорило о том,

что они никак не могли быть протезами, как, впрочем, и каким-нибудь древним артефактом – столкнувшись с технологиями ушедших от нас *людей*, я не допускала мысли о том, что они могли изготовить что-то настолько грубое, хотя и эффективное - этого не признать было нельзя. Пусть поршни были и не отлиты, а выточены на каком-то примитивном токарном станке, и покрыты какой-то запачканной кровью смазкой, больше похожей на самый обычный солидол, а шестерни – недостаточно разработаны, и забавно пощелкивали при движении, двигались эти латные поножи достаточно легко, с сообщаемой им механизмом солидной инертностью. Поколебавшись, я пересилила себя, и после долгих попыток, все-таки влезла в заляпанные свернувшейся кровью помочи, стараясь не думать обо всей этой заумной машинерии, тягах и шестернях, скользящей в опасной близости от моего загривка. Вес этого устройства оказался неожиданно приличным, но хорошо сбалансированным, хотя мне постоянно хотелось сдвинуть эту штуковину ниже к спине, чтобы не натирать занывшие с непривычки мышцы плечевого пояса, которых у пегасов было раза в два больше, нежели у других представителей разноцветного народца. Морщась и вздрагивая, я прошлась по комнате, старательно обходя разбросанные кости, привыкая к новым ощущениям – поножи и вправду натирали, а еще – они были немного толще обычных подков, и оттого меня не покидало ощущение, что я превратилась в самую настоящую жирафу, вынужденную неуклюже скакать на негнущихся передних ногах. А еще...

- «Blyad!» - пискнула я, выражая этим старым ругательным словом несогласие с окружающей меня реальностью, весело ткнувшейся мне прямо в нос, вместе с перевернувшейся вверх тормашками комнатой. Понемногу успокаиваясь, я чересчур увлеклась новой игрушкой, позволившей мне не думать о кошмарах, еще недавно терзавших мой измученный травмами и кислородным голоданием мозг, и была за это наказана, наворачнувшись прямо возле возвышения, на котором лежал саркофаг, зацепившись обутым в сталь копытом за валявшийся неподалеку череп. Хлопнувшись на спину, я перевернулась, схватившись за нос, но тотчас же отдернула стальное копыто, из которого, грозно сверкая в мою сторону довольно острыми гранями, топорщились пирамидки стальных когтей. Выскочившие из боковой поверхности накопытника, они крепились к нему короткими, похожими на фаланги пальцев штангами, каждая из которых была прикрыта изогнутым, трехгранным когтем, размерами не уступавшим здоровенным грифоньим царапалкам. В отличие от последних, их передняя грань была широкой и плоской, в то время как две остальные сходились под острым углом, формируя что-то, что неприятно напоминало лезвие широкого и короткого ножа. Загнутые, крючковатые кончики их обещали много страданий любому, кто попадет под удар этих странных штуковин, а приятный синеватый отлив намекал на победитовый сплав¹⁸, хотя я глубоко сомневалась, что местным аборигенам были доступны секреты создания композитных материалов. Хитро поблескивая, они оставались абсолютно неподвижными, но стоило мне подумать о том, как крепко они могли бы сжиматься, как...

«Ого!» - вторая Я радостно захлопала копытами, когда стальные когти, дрожа, начали медленно сжиматься – «А быстрее они могут?».

¹⁸ Победит – разработанный в СССР сплав карбида вольфрама и кобальта, до сих пор считающийся одним из самых твердых сплавов в металлургии.

«Не знаю. Не пробовала» - стоило мне отвести взгляд от новой игрушки, как пирамидки когтей вновь спрятались в свои гнезда с забавным щелчком – *«Да, интересная штука. Но вот вопрос...»*.

«Почему ты можешь ей пользоваться? Не знаю. Но я надеюсь, мы разгадаем эту загадку. Ведь я теперь вряд ли уйду из этой пустой, но такой интересной головки!».

- «Дай только срок...» - надувшись, пообещала я, поднимаясь на ноги. В последний раз окинув взглядом комнату, я вышла из белого, стерильного помещения Золотого Моста, и обернувшись, с волнением наблюдала за закрывающимся проходом, окрашенным угасающим светом рубиновых лучей. Сдвинувшись, камни ничем не выдали то, что за ними скрывался какой-либо проход, а вспомнив длину коридора, я только покачала головой при мысли о тех недоумках, что попытаются когда-нибудь сломать эту стену. Когти Луны исчезли вместе с Сепакхом, и я заскрежетала при мысли о том, что теперь эта вещь, этот подарок от самых дорогих моему сердцу существ, обретается на ноге проклятого зебра.

- «Не о том думаешь. Найди его – и убей. Выпотроши его, как рыбу!» - кровожадно прозвучало в моей голове. Или это произнесла я сама? Предаваясь кровавым мечтам, я сама себя накрутила до такой степени, что даже не отшатнулась, когда вздрогнув, раздвинулась потайная стена, растирая в пыль черные песчинки, хрустящие под гнетом тяжелых камней - «Ну же! Кто на нас?!».

Вздрогнув, ворота отворились, но вместо темноты, меня ослепил свет множества факелов и фонарей, болезненно-белым светом заставивших меня прикрыть глаза, с жужжанием поднимая бронированную ногу. Свет померк, а мир закружился, словно волчок, когда мою протестующе заоравшую что-то тушку подхватили большие и сильные ноги, прижимая к такой знакомой, покрытой жесткой черной шерстью груди, утопившей меня в самом дорогом на свете запахе – горького, старого табака.

- «Нет, я точно не хочу об этом говорить» - буркнула я, не обращая внимания на ироничный взгляд серого земнопони – «Просто знай, что эти зебры опасны, очень опасны. Один из них, слепой – ловкий подлец, способный сломать тебе шею голыми копытами. А еще – они владеют какими-то магическими причиндалами или амулетами... В общем, каким-то навозом, позволяющим им делать странные, даже пугающие штуки».

- «Дааааа? И насколько пугающие?».

- «Например, позвать каких-то монстров из преисподней, способных сожрать тебя живьем».

- «Наверняка, это были очень страшные чудовища» - на полном серьезе заявил Равикс, хотя его желтые глаза беспардонно смеялись. Шкура жеребца пришла в норму, глаза уже не полыхали колдовским огнем, и теперь вряд ли кто-нибудь мог бы предположить, как ужасно выглядел этот земнопони всего неделю назад, во время битвы с неведомым врагом – «И очень скрытные. Никто из тех, кто побывал в этом месте, не нашел ни следа неведомых зверей из Тартара».

- «Зато они нашли то, что утащили оттуда эти полосатые мрази!» - рыкнула я, изо всех сил влупив копытом по крыше. Удар получился не резким и смазанным из-за застывших

на холоде шестерен механических поножей, неохотно пережевывающих холодную, комковатую смазку, но судя по треску и раздавшимся из расположенной под нами землянки испуганных криков, жившим в ней пони хватило и этого – «Там были какие-то вещи, которые они забрали с собой! Возможно, амулеты, талисманы, и прочее колдунство! Я тебе что, единорог?!».

- «Да, для единорога ты чересчур криклива» - хмыкнул белогривый жеребец, тут же получив звонкий подзатыльник – «Эй, поаккуратнее с этими штуками, предупреждаю. Могут довести до беды».

- «Да? А судя по глазам, ты хотел сказать что-нибудь вроде «Если не перестанешь, я оторву тебе твои ходули, и затолкаю туда, где не светит солнце, kurwa!». Ну, или что-то вроде того».

- «Стар просил приглядеть за тобой, но знаешь что, кобыла? Я думаю, что если я зашью тебя в мешок, то он будет этому только рад. Я даже оставлю для него пару пикантных надрезов...».

- «Графит просил тебя... Чего сделать? Куда зашить?» - я так удивилась, что промазала со второй оплеухой, и увлекаемая весом нелегких механизмов, крутанулась на своем насесте, в очередной раз рухнув с крыши землянки. Несильный пинок жеребца придал мне дополнительное ускорение, и протестующе пища, я влетела в тот же самый сугроб, из которого выбралась всего несколько минут назад – «Тьфу! Сволочь! Ну, дай мне только подняться!».

- «Поднимайся. Уже жду» - ехидно сверкнул на меня глазами земнопони, потряхивая поднятым с крыши плащом – «Видишь? Заворачиваешь сюда кобылу – так, чтобы ноги были прижаты к животу. Ну, или вытянуты – это смотря кто как любит – после чего завязываешь пару узлов. И все – пожалуйста пользоваться».

- «Это такой земнопоньский обычай?» - злобно пропыхтела я, безуспешно пытаюсь вытряхнуть снег, набившийся в оккупировавшие мой загривок механизмы. Чем дальше, тем более удобными казались мне эти штуковины, судя по толщине брони, обещавшие едва ли не лучшую защиту как от ударов, так и от неожиданных рывков, частых при отбивании обрушивающегося на меня оружия, и я уже прикидывала, что же получится, если совместить их с плавным, неторопливым фехтованием на полуторном мече – «Так вот откуда он мог набраться этих своих штук, от которых у меня потом зад не проходит по несколько дней! И вообще, ты его знаешь, что ли?».

- «Наши ордена... Дружили, скажем так. А то, о чем я тебе говорил - это такой грифоний обычай. Распространен при взятии бургов и городков» - на полном серьезе ответил мне Равикс, заставив передернуться от отвращения – «Что ж, их можно понять – этот народ страдает не от отсутствия самцов, а скорее, от нехватки самок. Ну и местным это не особенно в тягость...».

- «Эт-то еще почему?!».

- «А ты видела, что у этих кошек летучих под хвостом?» - ехидно осведомился жеребец, безразлично глядя на покачивавшуюся неподалеку сторожевую вышку. Казавшиеся до того ненужными, теперь каждая из них была занята укутанным в овечий тулуп земнопони, вглядывавшимся в вечернюю темноту. Солнце уже зашло, но где-то за лесом еще мерцали кроваво-красные отблески, словно знаки далекого пожара – «Тьфу, мелочь, даже

и не разглядеть, без увеличительных стекол. Бортницам, крестьянкам и просто жительницам весей легче им подчиниться, чем сопротивляясь, потерять имущество и близких. Кое-кто даже хвастается, что ничего и не чувствует, хотя как по мне, так это просто обида и злость на насильников».

- «И местные все это терпят?».

- «А что им остается? Земля эта велика и обильна, но жить в ней очень тяжело».

- «А к Эквестрии обратиться не пробовали?» - закончив оббивать с себя липнувший к шерсти снег, я свирепо уставилась на безразлично подтягивавшего пряжки заштопанной стеганки жеребца – «В конце концов, принцессы не стали бы терпеть такого безобразия в своей стране!».

- «Вот именно, что *в своей стране*. Спроси, кем считает себя любой из этих пони – эквестрийцем, или олд стамповцем, уголчанином, а то и просто свободным жителем севера? Принцессы пришли сюда без их согласия, также, как и грифоны – и что же? Жизнь стала лучше?».

- «По крайней мере, при нас тут никого не ебут в рот и в жопу, завернув в грязный мешок!» - выверилась я, плавным ударом разнося ни в чем не повинный сугроб. Шестеренки протестующе зажужжали, жалуясь на замерзшую смазку – «Мы тут жизни кладем, а местным, оказывается, этого и не нужно! Дала под хвост грифону, и дальше потопала делами заниматься? Okhuet как здорово!».

- «Добро пожаловать в реальную жизнь, деточка».

- «А я не хочу, чтобы в этом мире была такая вот «жизнь», понял? Не хочу, и буду делать все, чтобы ее не было, такой вот «жизни»! Пусть даже и наперекор местным вшиварям!».

- «Так делай» - безразлично откликнулся белогривый жеребец, красивым прыжком с перекатом оказываясь рядом со мной – «Делай. Вот только благодарности за это не жди. Только палок, плевков... А может, и вилы в спину».

- «От вас дожدهшься, благодарности вашей!» - надменно фыркнула я, глядя на приближающуюся искру. Сверкая доспехом, на нас пикировал один из патрульных, явно намереваясь приземлиться прямо мне на голову – «А вилами я и сама... Ну, что еще?!».

- «Мэм, вы должны это видеть!».

- «Видеть что?!» - рыкнула я, оборачиваясь к черневшему за стеной лесу. Где-то далеко, догорали последние лучи заходящего северного солнца, окрашивая верхушки в цвет свежепролитой крови – «Яснее говори! Налёт? Кто-то прет против солнца?».

- «Мэм, это не солнце!».

Подавившись начальственным рыком, я взмахнула крыльями, и подняв небольшую снежную бурю, рванулась в небо. Где-то позади остался серый земнопони, длинными прыжками, по крышам, рванувшийся к лесенке сторожевой вышки, в то время как я уже набирала высоту, очутившись над крышами бурга, и до рези в глазах всматриваясь в нескончаемый, алый закат. Прошло всего полчаса, а из встревоженно ворочавшегося городка, сбросившего сонную зимнюю одурь, в небо излились семерки и тройки пегасов, на ходу, перестраивавшиеся в походные клинья, один за другим, потянувшиеся на юг. Проводив последний десяток, я снялась со своего насеста на жиденском зимнем облаке, где коротала все это время, беспокойно мечась по холодному и влажному пару, и мощными гребками рванула вперед, забывая про усталость и страх, про боль в ноющих

мышцах и крыльях, протестующих против немаленького перевеса, что устроили мне так и не снятые механические поножи – все было забыто, ведь где-то там, за неподвижным морем притихшего леса, случилась беда. Собранные, встревоженные, пегасы отчаянно молотили крыльями, стремясь только вперед – на юг, к далекому зареву, освещавшему зимнее небо. Солнце догорело, и уже давно ушло за горизонт, оставив после себя алую точку огромного пожара, охватившего, казалось, целую гору, и наши зубы стискивались от ненависти и боли, когда мы представляли, какая же сила смогла его запалить.

Где-то впереди, у края горизонта, мощно и победно полыхало Кладбище Забытого.

Огонь. Море огня.

Казалось, что горело все – деревья, земля, и даже самый воздух исходили тяжелым жаром и клубами удушливого дыма, заставлявшего нас кашлять задолго до того, как наши порядки приблизились к лагерю. Не жалея своих крыльев, мы летели весь вечер и большую часть ночи, вглядываясь в растущее на наших глазах зарево, вскоре, превратившееся в огромные языки пламени, взметнувшиеся над вершинами сосен. Дым превратился в самую настоящую тучу, рвавшуюся напрямик в сторону лагеря, и лишь оставленные, по совету Лонгхорна, высокие сосны на западном склоне холма хоть как-то прикрывали лагерь и его защитников, хотя было решительно непонятно, как мог существовать хоть кто-то в этих черных клубах.

- «Они все погибли?!».

- «Вряд ли. И это явно не случайность!» - проорала я. Гул от пламени стоял такой, что приходилось кричать, чтобы услышать в этом победном реве хоть чей-нибудь голос – «Видишь, какая правильная дуга огня идет на лагерь с запада? И на севере от него тоже что-то горит. Нет, это явно поджог, Рэйни, а значит, на лагерь напали грифоны».

- «Как ты и говорила!».

- «Как я и говорила» - взяв выше, мы пролетели над полосой огня, ощущая, как жар подхватывает наши тела, зашвыривая все выше и выше. Спрятаться в клубах дыма было не сложно, и задержав дыхание, мы рванулись сквозь темные тучи, перевитые отсветами бушующего под нами пожара, приземляясь на ходившую над лагерем тучку, рядом с развернувшимися к нам порядками крылатых легионеров.

- «Легат! Это ты?!» - заорала знакомая фигура. Рванувшись, она зависла передо мной, срывая с головы шлем, и протирая красные, раздраженные дымом глаза. Испачканный сажей и кровью, Тэйл казался выходцем из самого пекла, чему немало способствовал его изрубленный, исцарапанный доспех – «Как хорошо! Прикинь, они напали! Напали! Как ты и говорила!».

- «Да ты чо?!» - еще несколько мгновений назад озабоченно втолковывавшая Рэйну свои опасения по поводу всего этого бардака, я, словно по волшебству, преисполнилась безразличного интереса, с ехидным прищуром разглядывая мельтешащих вокруг пегасов – «И как?».

- «Эй! Я говорю, что они напали!» - вновь крикнул бежевый жеребец, словно я могла не расслышать его предыдущей фразы – «Они прячутся там, за дымом, и сшибают нас, словно голубей!».

«Ну, хоть один это признал. Запиши, а лучше запомни - все-таки не каждый день эти пернатые хамы понимают, что в мире есть те, кто лучше их умеет управляться с копьем и кинжалом».

- «Ну... Бывает» - с тяжело давшимися мне безразличием, пожала плечами я. Жужжа, шестерни провернулись вперед и назад - *«Давай, вперед! Мы готовы!»*. Но увы, сегодня был не их день, ведь именно сейчас вершилось то, чего так недоставало этому отряду, все больше напоминавшему сведенную воедино банду из разных родов войск. И я не собиралась прерывать замечательно идущий урок.

- «Но...».

- «Буши, вы ж меня разжаловали? Нет? Странно... Но когда я отсюда улетаю, меня определенно собирались отстранить от командования. Сейчас я вернулась, движимая лишь интересом, да накотившим на меня чувством ностальгии, поэтому и заглянула на огонек – разузнать, кто это тут со спичками балуется».

- «Значит, ты решила уйти?» - из клубов дыма вынырнула тройка пегасов, опускаясь на облако рядом с остальными – побитыми, израненными, надышавшимися едким дымом. Кашель и стоны неслись к нам со всех сторон, и лишь стоявшие на краю облака легионеры, запыленно размахивавшие крыльями, не давали удушливой черной туче накрыть с головой этот островок спокойствия – «Вот так вот? Самый важный момент?».

- «Кому-то он важен. Кому-то и нет» - я развернулась, спокойно и твердо встретив горевший нехорошим огнем взгляд своего примипила. Стоявшие по его бокам кобылы мгновенно нашли себе дело где-то у края облачка, стараясь не встречаться со мною глазами – «Как я уже сказала, моя роль тут чисто наблюдательная. Погляжу – а вдруг и пригодится что-нибудь записать, для истории. Очень, признаться, короткой истории Легиона».

- «Торжествуешь...» - неприятно усмехнулся надорванным ртом соломенношкурый пегас, выдавливая из себя кривоватую ухмылку – «А потом не пожалеешь?».

- «Пожалею» - где-то внизу раздался гнусавый звук легионерского рожка. И еще один. И еще – «Но лучше отплакать сейчас, чем потом стать жертвой чудовища, которое породила. Не я ли говорила вам, что родила вас? Теперь же я вас и убью!».

- «Эй, командир!» - подпрыгивавший от нетерпения Рэйн сунулся вперед, но тут же остановился, увидев мою предупреждающе поднятую ногу. Живущие своей жизнью когти вновь вылетели из стального накопытника, предупреждающе блестя, словно четыре граненных алмаза – «Слушай, ты же это не серьезно?».

- «Это еще почему?» - фыркнула я, глядя на спускавшуюся с неба тень. Секунда – и темная фигура нарисовалась рядом со мной, заставив многих отпрыгнуть подальше от разгивавшегося стража. Встряхнув перепончатые крылья, Графит с неодобрением покосился на творившийся вокруг бедлам, и занял место чуть поодаль, внимательно вглядываясь в медленно проплывавшие внизу стены крепости.

- «Так ведь... Тут же наши! Зачем же мы тогда прилетели сюда?».

- «Наши? Что ж, ты прав. Они «наши». Хотя кое-кому они стали очень чужими» - фыркнула я, мазнув глазами по вздрогнувшей фигуре Хая Винда – «Они забыли о присяге. Они забыли про клятвы. Они решили, что могут прожить и сами, устанавливая те правила, которые будут им полезны и нужны. Но ты прав – они все еще «наши», поэтому каждый, кто считает своим долгом вступить за них – милости прошу. Не препятствую».

- «Мы проигрываем, Раг!».

- «Я знаю. Точнее, уже вижу. Их командир оказался хитрее, чем вы, mudaki».

- «Раг, тут три тысячи пони, и мы потеряли уже треть, если не половину!».

- «Хай, я полна скорби, поверь!» - фыркнула я, глядя на бушевавшее пламя. Огонь добрался до землянок северян, и мне показалось, что я вижу бессмысленно мечущиеся фигурки там, внизу, под медленно вращавшимся облаком – «Но у этих пони есть командиры. У них есть офицеры, способные повести их за собой, и выиграть это сражение... Ну, так они думали, конечно. Но в конце концов, всем приходится взрослеть, и если в мирное время «Родители ничего не понимают в этой жизни!» прокатывает, то в бою – отнюдь не всегда. Так что это экзамен тому, что я родила – в муках, в поту и слезах выпестовав то, что теперь решило жить своей жизнью – и да помогут богини ему сдать этот зачет!».

- «Они наступают» - прервал тяжелую паузу Графит, гулко фыркнув на заполненном дымом ветру – «Большой отряд – около трех сотен, если я не ошибаюсь. Одоспешенные алебардчики впереди, над ними – метатели камней с рогульками. Двигаются к воротам... Но почему по земле?».

- «Потому что мы сверху, и пока – величина для них неизвестная» - не задумываясь, отмахнулась я, взглядом ломая дрожащего от отчаяния и гнева Хая – «А ниже пролететь они не могут – там самый жар, и удушливый дым. Тем более они уверены, что в лагере остались одни земнопони. А у нас что, ворота открыты, что они вот так вот прям строем идут?».

- «Они... Мы не успели их починить» - виновато промямлил кентурион Шестой Отдельной, избегая глядеть мне в глаза – «Слишком много случилось за это время...».

- «Даааа! Чего только не случится за две с лишним недели!» - злобно ржанула я, прикладывая ко лбу холодное, обутое в сталь копыто – «Графит, передашь весточку Госпоже? Я расформировываю этот гадючник!».

- «Нет!».

- «Раг, что ты творишь?!» - не сдерживаясь более, заорал на меня Винд. Подскочив, он вознамерился схватить меня за шкуру, но почувствовав не слабый толчок, с которым мои новые конечности чиркнули по его доспеху, лишь обхватил меня копытами за плечи, трясая, словно плюшевого медвежонка – «Да, я мог быть не прав! Однако я делал все, чтобы все шло как нужно! Плюй на меня! Бей! Убей вообще, если тебе так этого хочется, кровожадная ты ссучка, но подумай о тысячах пони, которые там умирают из-за нашей ссоры!».

- «Они решили, что это ссоры офицеров, и они их не касаются» - отстранившись, пожала плечами я. Стоявшие вокруг пони приблизились, и я вновь ощутила рядом с собой тяжелую тушу Графита, предостерегающе обнажившего немалых размеров клыки – «И, как я уже сказала, у них есть вожаки. Главари. Те, кто были готовы взять на себя

командование. Ты, Хай Винд. Ты, Буши Тэйл. Интриган Фрут Желли, решивший поиграть против меня – кстати, где этот рогатый Макиавелли¹⁹? Вы все решили поуправлять этим кораблем – так вперед! Вот он, ваш звездный час!».

- «На нас прет почти пять тысяч, Раг! Пять! Тысяч! Грифонов!».

- «Okhuet' ne vstat'!» - признаюсь, при озвученной цифре, мой желудок сделал кульбит, и провалился куда-то в область копыт, поэтому мне пришлось отвернуться, чтобы не потерять то насмешливое выражение морды, которое не сходило с нее во время всего этого разговора – «Так вам же лучше! Будет, на ком потренироваться! Вон, видите? Внизу толчется куча наших ребят, однако ни одного из них нет на стенах! Вот и займитесь, пока враг не взял нас тепленькими. Начните с малого, ребята! Че вы так скуксились?».

- «Они умны, и нам не хватит сил!» - делая шаг назад, прорычал Винд. Казалось, он был на грани отчаяния – «Там, за ними, идет еще столько же, если не больше, и стоит нам только высунуться, как они обрушивают на нас град камней! Они используют тактику приманок!».

- «Эй, мы же тоже так делали!» - обрадованно завопил мечущийся вокруг Рэйн, заставив вздрогнуть дрожавшую неподалеку Нефелу. Увязавшая за мной пегаска явно собиралась посмотреть на увлекательную схватку тупых южан с могучими унгонами, а оказалась в центре самой настоящей катастрофы – «Помнишь, командир?».

- «Вы... Ты делала так же?» - воззрился на меня Хай. Похлопавший меня по спине муж уже вовсю семафорил мне светящимся взглядом, намекая, что публичную порку пора бы и прекращать, пока нам всем не вставили грифоний фитиль, причем по самые гланды – «Но... Раг! Бери командование! Быстрее! Пока еще есть надежда!».

- «Да нууууу?!».

- «Клянусь! Клянусь, я...».

- «Заткнись уже, Тэйл!» - рыкнула я. Движением крыла раздвинув сгрудившихся вокруг легионеров, я двинулась вперед, сердито топая по облаку обутыми в сталь, передними ногами – «Мне тошно на вас смотреть! Обосрались, как новички! Как новорожденные! И зачем мне опять влезать в это дерьмо?!».

Оставшаяся позади толпа молчала.

«Они всего лишь пони. Мирные пони, еще не успевшие понюхать настоящей войны».

«А мы? А ты? А я?».

«Я помогу» - эта фраза заставила меня вздрогнуть. Так мог бы говорить Древний, но сейчас во мне была я. Только я... И еще раз Я – *«Я подскажу. Не бойся. Я же тебе обещала, что теперь мы всегда будем вместе. Заговорят о тебе - и сразу же вспомнят меня. Это ли не то, о чем мечтает каждый родитель, глядя на своих потомков?»*.

- «Просто я уже давно не принимала свои таблетки» - пробормотала я, ковырнув расступавшийся под копытом, насыщенный копотью пар. Вдали вновь взвыл рожок – судорожно, отчаянно, дико. Обернувшись, я внимательно поглядела на стоящих позади пегасов, глядевших на меня, словно на какое-то жуткое диво – «Ну, и huly вы тут встали?»

¹⁹ Н. Макиавелли (1459-1527) – итальянский философ и политический деятель, воспевавший в своих сочинениях власть, отрицающую любые моральные нормы. В быту используется как синоним коварной, вероломной, бесчестной персоны.

Собрать все доступные силы на юго-восточной стороне лагеря! Доложить о потерях и имеющихся силах!».

- «Сделаем!» - возбужденно рявкнуло несколько голосов. Увидев мою отмашку, Рэйн рванулся было с остальными, но тут же присмирел и вернулся, увидев мое крыло, намекающе похлопывавшее по облаку – «Ээээ... А мы?».

- «Вы останетесь тут, как мой личный резерв» - буркнула я, стараясь не видеть его расцветшей от счастья рожи. Описав полукруг, крыло вытянулось, и уперлось в грудь Хая длинным маховым пером – «А ты, примипил...».

- «Им не хватит времени на все это» - с отчаянием, и какой-то наивной надеждой в голосе, прошептал соломенношкурый пегас, натягивая изрубленный, покореженный ударами шлем – «Сестренка, я не знаю, что мы... Что *ты* будешь делать, но я сделаю все, чтобы этот день не стал последним для всех нас!».

- «Вот и хорошо» - сжав зубы, я постаралась не расслабляться, и взять себя в копыта. Не время. Пока еще не время – «Тогда ты, Винд, исправишь свою вину! Да, я виню тебя в том, что произошло, как винила бы себя, если бы я пропустила этот удар! Поэтому сейчас ты возьмешь всех, кто прилетел со мной, всю эту сотню – и полетишь исправлять свои ошибки! Дай им это время, примипил – даже ценой своей жизни!».

Кивнув, жеребец набрал в грудь воздух, и с отчаянным ревом рванулся вперед, проходя над головами моей сотни. Услышав этот древний призыв, пегасы поднимались за ним, словно волна, обдавая нас порывами ветра, рвущегося из-под сотен крыльев, разогнавших на миг удушливую гарь. Всего лишь сотня – что могли они против пяти тысяч грифонов?

«О, очень многое. В нужном месте даже соломинка способна проткнуть самый твердый из камней».

- «Ты уверена в том, что ты делаешь?» - поинтересовался Графит, изредка косясь в сторону беспокойно шарахавшейся из стороны в сторону Нефелы. Испуганная пегаска изо всех сил старалась не показать, как страшно ей было находиться среди всего этого кошмара, наполненного криками, звоном оружия, и ревом огня – «Думаю, мне стоит проследить за ним, не находишь? Не в наших интересах терять такого перспективного кадра, да еще и привязанного к тебе отныне чувством вины».

- «Согласна. Только себя побереги, хорошо?» - задрав голову, я притянула к себе голову мужа, вырвав у него короткий поцелуй, оставивший на губах вкус гари и крови – «Сейчас он получает один из самых важных уроков в своей жизни, поэтому прошу, не испорти ему экзамен».

- «Постараюсь» - хмыкнул здоровяк, натягивая на себя темно-фиолетовый шлем с шипастым, кованным гребнем – «Скажи, а для меня ты не приготовила чего-то подобного, ммм?».

- «Для тебя, милый, я придумаю целое приключение!» - обнадежила я ночного стража, после чего подошла к краю облака, и внимательно обозрела фигуры грифонов, с торжествующим визгом скакавшие к стенам на фоне бушующего неподалеку пожара – «Неф! Ты там не замерзла? Гляди, сколько внизу веселья! Присоединяйся!».

Распахнув во всю ширь крылья, я приготовилась прыгнуть вниз, ощущая, как где-то внутри начал собираться тугой комок. Три сотни... Что ж, наверное, этот день запомнится всем участникам представления, собравшимся на наш огонек!

- «Эй, грифоны хари!» - первые десятки, наконец, добравшиеся до стен крепости, остановились, увидев в проеме небольшой отряд земнопони, перед которыми, блестя нетронутыми еще доспехами, расхаживала мелкая пегаска, придерживая крылом огромный полуторный меч – «Что встали? Заходи по одному! Или вы собираетесь жить вечно?!».

[НАЗАД](#)

[ОГЛАВЛЕНИЕ](#)

[ВПЕРЕД](#)